

КЭССИ КРОСС

МИМОЛЕТНОЕ
Знакомство

Келли Киркпатрик пообещала себе больше никогда не влюбляться. Застав своего парня Итана с другой, в зрелом возрасте двадцати четырех лет Келли решает отказаться от свиданий. К несчастью для Келли, ей придется увидеть Итана на предстоящей свадьбе своей лучшей подруги. По пути на бракосочетание, застряв в аэропорту из-за непогоды, Келли знакомится с Нейтом Райтом. Он сексуальный и без заморочек, и для девушки с разбитым сердцем, одна ночь с ним, именно то, что доктор прописал. Келли думает, что никогда не увидит Нейта вновь, пока он не объявится на свадьбе. Нейт с дьявольским упорством пытается заставить Келли забыть о бывшем и задуматься, любила ли она вообще Итана по-настоящему. Начиная влюбляться в Нейта, Келли задается вопросом, что если обещания должны быть нарушены...

Кэсси Кросс

Мимолетное знакомство

Переводчик: Ольга Соколова

Обложка: Анастасия Тимашенко

Глава первая

Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что в пятничный вечер я буду пытаться подцепить парня в аэропорту, я бы рассмеялась им в лицо.

Год назад я еще была с Итаном.

В то время я бы подумала, что в эти выходные именно я буду выходить замуж, а не отправлюсь через всю страну на свадьбу своей лучшей подруги Габби. Но у Итана были другие планы, а именно, трахнуть какую-то случайную цыпочку, с которой он удачно познакомился, на моих простынях из египетского хлопка. Он думал, что я задержусь на работе. Но я вернулась пораньше.

Сюрприз!

Итан — причина, по которой я больше не работаю допоздна. А также, причина, по которой я пообещала себе, что не влюблюсь вновь. Я была бы сумасшедшей, если опять открылась бы для такого жестокого разочарования, верно? Держаться подальше от свиданий было легко, но я бы солгала, если бы сказала, что не скучаю по царапинам на лице от щетины Итана после поцелуев, или, что не тоскую по ощущению тяжести его тела над моим, когда мы были в постели. Полагаю, именно поэтому я нахожусь в баре посреди международного аэропорта Даллас/Форт-Уэрт, сидя рядом с самым великолепным мужчиной, которого когда-либо видела, и потягиваю коктейль.

Мы разговариваем уже в течение получаса, пережидая череду штормов, задерживающих каждый вылетающий самолет в округе. Я забронировала билет на рейс, выезжая с утра пораньше, поэтому теперь меня ожидает номер в гостинице рядом с терминалом. Я должна пойти туда и немного поспать, или закончить один из многих проектов, которые у меня сейчас есть. Но есть что-то в этом мужчине, что заставляет меня желать остаться. Это и не удивительно, когда он такой невероятный красавчик.

Я даже не знаю его имени, но мне нравится бархатный вид его коротко стриженных светло-каштановых волос и сексуальная двухдневная щетина. Мне нравятся прохладные глубины его ярко-голубых глаз и заразительность улыбки. Я хочу его, вне всяких сомнений. Хочу увидеть его голым в определенный момент этого вечера, но я совершенно неопытна в искусстве случайных связей. Я понятия не имею, как, хотя бы отдаленно, быть сексуальной, но бесстыдно флиртую с ним. А он — со мной.

— Что произошло? — спрашиваю я, проводя пальцами по длинному рваному шраму, протягивающемуся на несколько дюймов ниже большого пальца его руки. Его кожа под моими пальцами будто покалывает, и когда я прикасаюсь к нему, он смотрит на меня так, словно хочет, чтобы я никогда не останавливалась. Либо просто мои разбушевавшиеся гормоны придумывают все это, что вполне возможно,

— Это? — спрашивает он, наклоняясь ближе и поворачивая запястье. — Спускался вниз по канату по склону отвесной скалы, и страховка соскользнула. Я потянулся к карабину и порезался.

— Спускался по канату?

Он усмехнулся.

— Да, это когда ты спускаешься по поверхности скалы с помощью каната, и...

— Я знаю, что такое спуск по канату, — говорю я, смеясь. — Просто подумала, что ты пытаешься произвести на меня впечатление. — Я хочу спускаться по нему. Начать с головы

и спускаться все ниже, ниже и ниже.

— Я пытаюсь произвести на тебя впечатление, но это произошло на самом деле. — Он смотрит вниз на то, что осталось от пива в его стакане, а затем не спеша скользит рукой вправо, пока не касается моей руки.

— Что насчет тебя?

— А что я?

— Какие-нибудь впечатляющие шрамы? — Он снова улыбается, и его несовершенство очаровывает. Его нижняя губа немного полнее верхней, а один из передних зубов всего лишь самую малость выделяется из одного уровня с остальными. Я почти уверена, он знает, насколько очаровательна эта улыбка, и какой эффект она оказывает на женщин. И сегодня вечером он использует это свое преимущество.

— Ничего по-настоящему впечатляющего, но у меня есть это, — говорю я ему, указывая на свой подбородок. Он скользит пальцами по нижней части моей щеки и наклоняет голову, чтобы лучше рассмотреть. Подушечкой большого пальца касается моего шрама, и я дрожу. Надеюсь, он не замечает, как у меня перехватывает дыхание от его прикосновений. Не хочу казаться крайне нуждающейся в нем, учитывая, что так и есть.

— Что произошло?

— Это даже и отдаленно не так круто, как спуск по канату, — говорю я. Он выжидающе смотрит на меня. — Я была в лагере девочек-скаутов, когда мне было, не знаю... возможно, семь? Была очередь моего отряда наводить порядок в столовой, и мы гонялись туда-сюда и вели себя глупо. Одна из девочек погналась за мной, и я споткнулась, упала и ударилась о край скамейки.

Он втягивает воздух сквозь сжатые зубы, когда гримасничает:

— Ой. Полагаю, ты недостаточно хороша в ситуациях, в которых следует убежать?

— Вообще-то, как правило, я избегаю ситуаций, в которых следует убежать. Я маленькая, поэтому, полагаю, всегда могу надеяться, что кто-нибудь сжалится надо мной и подберет, дабы ускорить процесс бегства и ограничить размер ущерба, который я могу причинить себе в процессе бега. — Я слишком много болтаю. Но, кажется, ничего не могу с собой поделать.

— Я подобрал бы тебя, но не из жалости. — В его глазах появляются озорные огоньки, из-за которых мне хочется прижаться к нему всем телом, и у меня начинает складываться ощущение, что у нас одна и та же конечная цель на уме.

— Итак, — говорит он, потирая ладони о джинсы. — Ты собираешься сказать мне, как тебя зовут?

Долю секунды, я раздумываю над тем, чтобы представиться другим именем, но даже, если он совершенно незнакомый человек, мое желание его обмануть кажется неправильным.

— Келли. Меня зовут Келли.

— Сокращенно от, — он тянет "т", когда подбирает имя, пытаюсь угадать. — Каллиопа? — Кажется, он действительно гордится собой, думая о совершенно другом имени, и это обезоруживающе мило.

— Неплохое предположение, — говорю я ему. — Но на самом деле, от Каллиста. А твое имя?

— Нейт.

— Сокращенно от... Майкл? — Сказать подобное — идиотизм, но, во всяком случае, он смеется.

— Приятно познакомиться, Келли. — Мое имя похоже на рай, когда срывается с его губ. Он берет мою руку в свою. Его ладонь слегка шероховата, и я представляю, как бы она ощущалась, скользя по моей спине.

— Взаимно, — отвечаю я. На мгновение, возникает мысль спросить, куда он направляется, но в итоге передумываю. Случайная связь не подразумевает обязательств, и я не хочу знать даже малость о его личной жизни, включая то, откуда он и куда направляется. Мне хотелось, чтобы существовал способ отключить сознание и подумать о своей вагине. Секс должен быть непринужденным, но мой мозг имеет привычку все усложнять.

— Я был зол, когда мой рейс отменили, но теперь..., — говорит Нейт, смотря на наши переплетенные пальцы. Где-то на задворках сознания, я понимаю, что он играет со мной, но мне наплевать. Мне просто на самом деле наплевать.

Когда он поднимает глаза, я ловлю его взгляд, и мы довольно долго смотрим друг на друга. Бабочки порхают у меня в животе, задевая крыльями все внутри, и, кажется, если я отведу взгляд, это убьет меня. Прошла вечность с тех пор, как кто-то заставлял меня чувствовать себя таким образом, и я хочу сохранить это ощущение. Я пытаюсь придумать способ пригласить его подняться в мой номер, чтобы это не звучало как приглашение. Я такая неудачница в случайном сексе.

К счастью, бармен прерывает мои лихорадочные мысли, когда подходит и спрашивает, не хотим ли мы еще выпить.

— Нет, — отвечаю я тихо, все еще смотря на Нейта. Всего на долю секунды его лицо выражает разочарование, прежде чем глаза озаряет понимание.

Он выставляет руку и качает головой. Бармен уходит.

— Келли, я никогда так не поступаю, но...

— У меня есть номер, — говорю я, прерывая его, чтобы он не мог закончить свою мысль. Потому что "Я никогда так не поступаю" — это то, что, как правило, говорят люди, которые именно этим и занимаются. И, на самом деле, меня это устраивает. Но я не хочу это слушать.

— Ладно, — улыбается Нейт, когда встает и берет меня за руку, переплетая наши пальцы. Затем, перекидывает свою спортивную сумку через плечо и уводит меня из бара.

Мы пробираемся к гостинице через переполненный терминал, каждые пару шагов смотря друг на друга и улыбаясь, как парочка дураков.

Лифт приходит не достаточно быстро.

Я долго вожусь ключ-картой в замке, смесь нервов и возбуждения заставляет мои руки дрожать. Нейт, словно желая увидеть свое сильное влияние на меня, обнимает меня рукой за талию, притягивая к себе, пока я не ощущаю спиной каждый дюйм его груди. У меня уходят три попытки, чтобы суметь попасть этой чертовой картой в щель, и чем больше это задерживает меня, тем сильнее трясутся мои руки.

— Если ты не откроешь эту дверь, я ее сломаю, — говорит он, тихо рыча, несмотря на дразнящие слова. Я делаю глубокий вдох, чтобы унять волнение. — Позволь мне тебе помочь, — говорит он, на этот раз мягко, в то время как его губы задевают мое ухо. Кажется, он не так нервничает, как я, если вообще нервничает. Твердой рукой он уверенно открывает дверь.

Как только мы оказываемся в комнате, Нейт бросает сумку в сторону и закрывает дверь, толкая ее ногой. Затем, берет мое лицо в свои руки и целует меня, словно не может насытиться, словно ждал этого всю свою жизнь. Наши рты сливаются в долгом, медленном

поцелуе, затем переходящим в настойчивый, быстрый, нуждающийся. Он поднимает мои руки себе на плечи, сцепляя их на затылке.

— Держись за меня, — говорит он. И я повинуюсь.

Нейт снова целует меня, и все, о чем я могу думать — какой он на вкус, как он ощущается. Он скользит руками по моей талии к бедрам и приподнимает меня. Я обхватываю ногами его талию, не заботясь о том, что случится дальше, пока он продолжает целовать меня так, словно не собирается останавливаться. Он нежно опускает меня на кровать, затем снимает с меня туфли, улыбаясь, в то время как игриво швыряет их через комнату. Я помогаю ему расстегнуть мои джинсы, он тянет за штанины, скользя джинсовой тканью по моим бедрам, а я, тем временем, снимаю блузку.

Я лежу и наслаждаюсь видом, когда Нейт стягивает футболку через голову, после чего расстегивает брюки. Они падают на пол, открывая боксеры с желтыми смайликами. Я не могу сдержать улыбку, когда вижу их, и прослеживаю большим пальцем выпуклость, которая прижимается к правому бедру.

— Это твои эротичные трусики? — спрашиваю я.

На секунду он кажется смущенным, но после того, как видит, что на нем надето, понимает, о чем я.

— Эй, — отвечает он, притворяясь оскорбленным. — Из-за них я получил кучу комплиментов.

Я даже не хочу думать о том, как много комплиментов он получил за эти боксеры, потому что, к счастью, он отвлекает меня, спуская их по своим бедрам. И мой взгляд прикован к нему. Его тело обалденное. Крепкое. Мускулистое. Идеальное.

— Иди ко мне, — говорю я, подзывая его пальцем, тем самым пытаюсь быть соблазнительной и сексуальной, но терплю неудачу. Хотя какая разница, его, кажется, это совсем не волнует.

Нейт встает надо мной на коленях на кровати, склоняясь и целуя, после чего протягивает руку за спину и расстегивает мой лифчик. Он целует мою грудь, выводя языком медленные, мучительные круги вокруг сосков, из-за чего мои пальцы подгибаются. Мои руки повсюду — скользят по его широким плечам и напряженным мышцам — и я не могу вдоволь нацеловаться. Его кожа сладко-соленая. Мне нравятся тихие звуки, издаваемые им, когда я прижимаюсь к нему губами, трогаю его и мягко скольжу ладонью по всей длине эрегированного члена. Он вздыхает и утыкается головой мне в шею.

— Тебе нравится? — спрашиваю я, желая быть уверенной, что доставляю этим ему удовольствие.

— Да, — отвечает он, хриплым смехом согревая мою грудь, а затем его рот находит свое место на моей коже. Я продолжаю скользить рукой вверх и вниз, и он опускает свои бедра на меня, пока мы целуемся. Когда его дыхание ускоряется, а поцелуи становятся слегка рассеянными, он прокладывает поцелуями дорожку вниз от моего живота к внутренней части бедер. А потом, ох. Ох.

— О, Боже, — вздыхаю я, и Нейт выпускает легкий смешок, вибрирующий во мне и заставляющий мои веки взволнованно закрываться. Он творит чудеса языком и пальцами, а я откидываюсь на матрас и позволяю себе плыть по течению. Я плыву и плыву. Иногда мои глаза закрыты, иногда смотрю на него, в то время как он смотрит на меня, и у меня возникает безумное желание провести пальцами по его коротким волосам. Поцарапать кожу ногтями, потому что, думаю, ему это понравится.

Так я и поступаю. И ему это нравится. А мне нравится то, что он делает со мной так долго, пока не заставляет погрузиться в тепло, захлестнувшее меня волной от живота до кончиков пальцев.

Нейт, очевидно, доволен собой, когда я тяну его вверх для поцелуя, но это не длится так долго, как мне хотелось бы, потому что его губы оставляют мои, а он садится и тянется за своими джинсами у подножья кровати. Он достает презерватив из заднего кармана, и я очень рада, что он заботится о безопасности. Для меня было бы слишком просто, потерять с ним голову.

Он встает передо мной на колени, мои ноги по обе стороны от него, и когда он смотрит вниз, его взгляд задерживается на мне. Я не могу прочесть выражение его лица, не могу сказать точно, что он хочет, чтобы я делала дальше. И это убивает меня, потому что независимо от того, чего он хочет, я жажду сделать это. Одной рукой он слегка проводит по внутренней стороне моей лодыжки, а другой обхватывает ступню, поднимая ее, пока она не упирается ему в плечо. Он поворачивает голову и оставляет сладкий, нежный поцелуй на внутренней стороне моей лодыжки.

— Ты так прекрасна, — говорит он, его голос очень нежный и, в то же время, очень серьезный. Я лежу перед ним обнаженная, так что он знает это наверняка. Ему не нужно льстить мне, но все же... я смущена. Что я должна сказать? Ты красивый? Я бы хотела вылизать каждый дюйм твоего тела?

Он не ждет меня, чтобы выяснить это, а просто наклоняется и целует, просовывая под меня руки. Я тянусь и касаюсь его лица, поражаясь тому, как все это ощущается

таким нежным, когда не должно означать вообще ничего. Нейт прижимается своим лбом к моему, медленно толкаясь в меня. Он вздыхает, проводит пальцами по моим волосам, и почему-то это ощущается так, словно мы были вместе и раньше. Он знает каждое местечко, к которому нужно прикоснуться, чтобы заставить меня задыхаться, каждый участок кожи, по которому нужно скользнуть языком, чтобы открыть меня для себя. Он приводит меня к вершине наслаждения и возвращает назад, вновь и вновь, пока все мое тело не начинает изнывать и доходит до отчаяния. Я утыкаюсь лицом ему в шею, наконец-то, распавшись. Вскоре он следует за мной, покрывая мое лицо поцелуями.

После, мы лежим в постели, в объятиях друг друга. Пока поцелуй не перерастает в нечто большее, а мое тело прижимается к нему сильнее, и наши имена срываются с губ. Мы придерживаемся этой схемы всю ночь, раз за разом, пока наконец-то не погружаемся в сон.

Я просыпаюсь незадолго до рассвета, обернутая руками Нейта. Мне никогда не было так уютно и страшно за всю мою жизнь. Я не хочу выходить из этой комнаты и никогда не видеть его снова, но более того, я не хочу, чтобы он стал еще одним Итаном. Я боюсь, что он сломает то, что осталось от моего сердца, и я разочаруюсь в людях настолько, что не смогу когда-нибудь провести еще одну такую ночь.

Нет, мне лучше оставить все как есть, и пусть эта ночь станет воспоминанием.

Я спокойно одеваюсь и собираю свои вещи, игнорируя ноющую боль, которую ощущаю, выходя за дверь.

Глава вторая

Габби и я сидим бок-о-бок в кузове старого грузовичка ее жениха Бена. Мы припарковались на вершине холма на краю поместья, которым мистер и миссис Райт, родители Бена, владеют уже более двадцати лет. Вид настолько красочный, зеленый и прекрасный, что я хочу провести остаток своего путешествия прямо в этом местечке. Еще слишком рано — солнце только начинает подниматься — и мы прижимаемся друг к другу под толстым одеялом, с термосом горячего шоколада, согревающим наши руки.

— Что там? — спрашиваю я, указывая на невероятно большой участок земли, почти в пятидесяти ярдах отсюда, огороженный яркой желтой лентой.

— Там будет находиться шатер для вечеринки. Эми огородила этот участок, чтобы никто по нему не ездил и не оставлял следы от шин на траве. Она сказала, что не хотела бы, чтобы фотографии выглядели «по-деревенски», — отвечает Габби.

Эми, мама Бена, вполне возможно, одна из лучших организаторов мероприятий, которых я когда-либо встречала. Не то, чтобы я встречала многих, но я про то, что она довольно хороша в этом. К тому же, она невероятно милая женщина и относится к Габби, как к собственной дочери. Это высоко возносит ее в моих глазах.

— Сомневаюсь, что в таком месте, как это, фотографии могут получиться еще какими-то, кроме как великолепными. — Я глубоко вздыхаю, когда смотрю на потрясающие оттенки пурпурного и розового в небе. Солнце начинает выглядывать из-за горизонта.

— Тебе на самом деле нравится здесь, не так ли?

— Да. Я рада, что ты догадалась взять неделю до своей свадьбы и пригласить меня к себе. Это приятный мини-отпуск.

— На самом деле, это было частью моего контрольного свадебного перечня требований. — Габби откручивает крышку термоса и разливает немного горячего шоколада в два маленьких пластиковых стаканчика. Один — передает мне, а другой — оставляет себе.

— Прекрасная местность, хорошая погода, отличное местечко отдыха для Кэлли.

— И все это совершенно бесплатно, — смеюсь, отвечаю я.

— Да, бесплатно — это хорошо. Нам, несомненно, повезло.

— Когда приедут остальные?

— В четверг, — отвечает она, поднося стаканчик к губам. Завитки пара клубятся в воздухе около ее пальцев.

Мы смотрим на горы, наблюдая, как зарождается день. Я решаю, что возможно это правильное время, чтобы рассказать Габби о том, что случилось с Нейтом. Хотя, скорее всего, она захочет убить меня за то, что я не рассказала ей об этом еще вчера утром, как только сошла с трапа. Но она была с Беном, а затем мы втроем провели день в дороге через горы. С тех пор как я приехала, мы впервые оказались с ней один-на-один.

— Итак, — говорю я, теребя кончик одеяла. — Я кое-что сделала в пятницу ночью.

Выражение лица Габби чуть заметно меняется с довольного на осторожное.

— Если мне придется искать новую подружку невесты, Кэлли, я клянусь, что...

— Ты думаешь, что я совершила уголовное преступление или что-то в этом роде? — смеюсь, спрашиваю я.

Габби тоже смеется, и я не могу отделаться от мысли, какой прекрасной невестой она будет. У нее безупречная кожа цвета мокко и светлые роскошные волосы, спускающиеся к

плечам упругими, плотными завитками. Она сияет даже в едва заметном свете раннего утра.

— Ты совершила тяжкое преступление?

— Не в этот раз.

— Хорошо, — отвечает она. — В любом случае было бы сложно найти кого-то, кто смог бы влезть в твое настолько крошечное платье за столь короткое время.

— У нас есть еще шесть дней, чтобы сосредоточиться на свадьбе, Габс, — говорю я, пытаюсь звучать сердито. — Мы можем сейчас просто сосредоточиться на мне?

Габби толкает своим плечом мое.

— В чем дело?

Я скрещиваю пальцы, по какой-то причине нервничая от необходимости рассказывать ей об этом. Но она — моя лучшая подруга. Если не ей, то кому еще я смогу рассказать?

— Я, гм... Я переспала с парнем, с которым познакомилась в аэропорту. — Я невольно съеживаюсь, когда произношу это. Не то, что мне стыдно или что-то... просто эти слова, слетая с моих губ, по какой-то причине звучат неправильно. Словно я рассказываю ей о чем-то, что сделал кто-то другой.

— Так вот почему ты прилетела только вчера утром? — спрашивает она, широко раскрыв глаза.

— На самом деле, я летала в пятницу ночью. Несколько раз.

Габби наклоняется вперед, схватившись от смеха за живот.

— Боже, Кэлли.

— Seriously, но на самом деле рейс задержали из-за непогоды. И вот так я провела время.

— Я думала, ты покончила с мужчинами? — спрашивает она. Это не обвинительный тон, а скорее из серии "как я тебе и говорила". Потому что она не думает, что я способна на такое, что смогу придерживаться плана.

— Я покончила с любовью, а не с мужчинами, — напоминаю я ей. — Мне не нужен «Итан номер два».

— Было хорошо?

Я делаю глубокий вдох и потягиваю руки, откинувшись в кузове грузовика.

— Было лучше, чем хорошо. Это было... великолепно. — Знаю, это неподходящее слово, чтобы описать случившееся, но мне в голову не приходит ничего более подходящего. Возможно, правильного слова и не существует.

— Кто это был?

— Просто парень, с которым я познакомилась, — отвечаю я ей.

— Так ты просто попрощалась и все?

Могу сказать, что Габби трудно осознать тот факт, что я сделала что-то подобное. Правильнее сказать, это ошеломляет ее, что в каком-то странном смысле заставляет меня гордиться собой. Это заставляет меня чувствовать себя менее предсказуемой, будто я, возможно, не такая скучная, как думаю, и не настолько скучная, чтобы подтолкнуть Итана на поиски развлечений в других местах.

— На самом деле, я не попрощалась с ним, — признаюсь я. — Я вроде как ушла, пока он спал.

— Это так на тебя не похоже, — говорит она. В ее голосе, кажется, звучит гордость.

— Я знаю. — Не рассказываю ей о сожалениях по поводу моего ухода и о том, что не отказалась бы получить его номер. В этом признании нет ничего хорошего. — Думаю, я

просто двигаюсь дальше. — Это правда.

— Правда? — Она делает глоток горячего шоколада. — В таком случае, мне тоже нужно кое-что тебе рассказать.

По тону ее голоса я понимаю, что это "что-то" будет тем, что я не захочу слушать. Она говорит медленно и нерешительно, словно обезвреживает бомбу.

— Разве небо не похоже на акварель? — Я смотрю вверх, в основном, чтобы избежать взгляда Габби. Я — эксперт в избегании вопросов.

— Кэлли.

— Ты знаешь, я тут подумала. Может быть, мне следует сюда переехать. Мне нравится сельская местность, и здесь также мило, как и в Техасе, но более умеренный климат. Не создается ощущение, словно мы проходим ворота ада, когда выходим сюда.

— Кэлли, — снова повторяет Габби, пока еще терпеливо. Она позволяет мне разобраться со всем этим по-своему в свое личное время. Это одна из тех вещей, которые я люблю в ней больше всего.

Я замолкаю и смотрю прямо перед собой. Предпочитаю смотреть на пулю, когда она летит прямо в меня. Так или иначе, я вполне уверена, что знаю, о чем пойдет речь.

— Он будет не один.

Вопреки моим попыткам избежать этого, это чувство поражает меня прямо в грудь. В сердце. Но суть в том, что я думала, слова ранят меня сильнее, чем есть на самом деле. Они жалят, это правда, но это не та душераздирающая боль, которую я ожидала. Тем не менее, я вздыхаю, смотря прямо на вершины холмов, ненавидя себя за то, что сказала Габби и Бену, что не возражаю, если они пригласят Итана на свадьбу. Все-таки, Итан и Бен знали друг друга не один год. Как же я могла сказать нет?

— Это не она, не так ли? — Я не уверена, что выдержу, если он приведет девушку, с которой изменил мне. Я была бы удивлена, если бы Итан сделал что-то настолько низкое, хотя я так же никогда не думала, что он изменит мне.

— Нет, это кто-то еще. Другая.

Это заставляет меня чувствовать себя немного лучше, несмотря на то, что он, очевидно, быстро двигается дальше.

— Хорошо.

— Мне жаль, — говорит Габби, ее глаза полны печали. — Мне не следовало приглашать его.

— Все в порядке, — говорю я, улыбаясь. И это нормально. — Он лучший друг Бена. Не пригласить его было бы равнозначно тому, чтобы не пригласить меня, что было бы совершенно недопустимо.

Габби улыбается, и я решаю для себя — не позволять присутствию Итана беспокоить меня здесь и сейчас. Ради нее.

— Когда он приезжает? — спрашиваю я.

— Сегодня вечером. Я не думаю, что он планирует проводить много времени с нами. Он хотел взять с собой кого-то, чтобы не...

— Мне не обязательно знать, — вздыхаю я и поднимаю термос. — Почему ты не взяла с собой что-нибудь плеснуть сюда? Мне нужно что-то покрепче горячего шоколада, если я собираюсь пережить следующую неделю.

— Ох, думаю, ты справишься, — отвечает она шутливо. — У меня кое-что запланировано, чтобы отвлечь тебя от всего этого.

Вижу озорной блеск в ее глазах, и я не настолько глупа, чтобы спросить, что она задумала. Кроме того, для меня это утро слишком красиво, чтобы беспокоиться о чем-то еще. Солнце яркое, опаляющее остатки утреннего тумана. Я закрываю глаза, наслаждаясь теплом на лице и щебетаньем птиц вокруг нас. Давно я не чувствовала себя так спокойно.

Нам с Габби каким-то образом удалось уснуть, а проснулись мы ближе к десяти. Она выглядит немного безумной, когда мы перелезаем из кузова грузовика в кабину. Она мчится по грязным дорожкам, ведущим обратно к дому, и, глядя на ее лицо, у меня складывается впечатление, что она не предупредила родителей Бена о том, где мы были и что делали этим утром.

Я немного впечатлена тем, как Габби водит грузовик Бена: она маневрирует так, словно жила здесь всю свою жизнь. Когда главный дом появляется в поле зрения, я вижу миссис Райт, сидящую на веранде и поджидающую нас, как настоящая мать.

— Ты попала, — поддразниваю я, но Габби не в настроении. Тормоза визжат, когда мы останавливаемся.

— Где вы были, девочки? — спрашивает миссис Райт, спеша к нам. Она обхватывает лицо Габби руками, смотря на нее с облегчением. — Что бы я сказала Бену, если бы его невеста пропала прямо перед свадьбой?

— Мы в порядке, Эми, — говорит Габби, смущенно улыбаясь.

— Простите, что заставили Вас волноваться, миссис Райт, — говорю я.

Мама Бена — невысокая, слегка полноватая женщина, с рыжевато-каштановыми волосами и самыми яркими голубыми глазами, которые мне когда-либо приходилось видеть. Все в ней настолько сердечное и дружелюбное, что почти невозможно не улыбнуться и почувствовать себя не в своей тарелке возле нее, даже когда она ведет себя, как мать-медведица.

— Называй меня, Эми, — говорит она, улыбаясь.

— Оставь их в покое, мам, — удивительно знакомый голос раздается с веранды. — Я здесь для всех твоих материнских ворчливых нужд. Габс выходит замуж через несколько дней, ей нужно снять напряжение.

Выглядывая из окна, я вижу на крыльце самого последнего человека, которого ожидала здесь увидеть. Черт, он самый последний человек, которого я ожидала снова увидеть вообще где-либо. Когда-либо.

Это Нейт.

Нейт из аэропорта.

Нейт — лучший-секс-в-моей-жизни.

Нейт — парень, с которым я не попрощалась и оставила голого в постели.

Он такой же великолепный, как и в моих воспоминаниях. Я хочу бежать к нему и хочу убежать в противоположном направлении. Вместо того чтобы сделать что-либо из этого, я застываю на месте. Либо с такого расстояния ему не удастся хорошенько рассмотреть меня, либо он меня не узнает. Я не уверена, какой вариант предпочла бы. Я прячусь на пассажирском сидении, пытаюсь выиграть какое-то время.

— Ну, ладно, умник, — говорит Эми. — Хочешь, чтобы на тебя поворчали? Убери свою комнату. Сделай свою домашнюю работу. Умойся. Вымой свои руки.

— Покоси газон, — смеясь, кричит он с самой роскошной улыбкой на лице.

— Сгребь листья!

— Это все?

— Могу добавить, — отвечает Эми. — Вспомни свои манеры. Обними свою будущую невестку и поздоровайся с Келли.

Нейт останавливается на секунду, когда слышит мое имя, но продолжает и дальше спускаться вниз по лестнице, а я все еще пытаюсь сообразить, что же делать. В конце концов, я решаюсь выйти и поздороваться с ним. Эми, словно чувствуя мой дискомфорт, подходит и берет меня за руку, подталкивая к передней части фургона к неизбежному смущению.

— Не стесняйся, — говорит она. Наши с Нейтом взгляды встречаются, когда он обнимает Габби.

Он отпускает ее, и я понимаю, что он немного шокирован, увидев меня здесь. Уголки его глаз морщятся, когда он щурится, словно пытается убедиться, что перед ним действительно стою я. Но затем он улыбается так, словно обрадовался. И его красота лишает спокойствия.

— Нейт, — говорит Габби, затем смотрит в мою сторону. — Это моя лучшая подруга Келли. Келли, это Нейт.

Я глазами умоляю его, не говорить им, что мы уже знакомы. Не хочу объяснять это Габби прямо сейчас, и, на самом деле, не хочу объяснять это его матери.

— Келли, — говорит он приветливо и обыденно, когда протягивает руку и берет мою. — Приятно познакомиться.

Глава третья

Мы с Нейтом просто стоим, пожимая друг другу руки и улыбаясь, как идиоты. В тот момент, когда моя рука скользнула в его, вся нервозность испарилась. И теперь все, о чем я думаю — его прикосновения, заставляющие меня вспоминать, как он касался меня несколько ночей назад, и желать снова почувствовать их. Везде. Пока Габби не начинает покашливать, из-за чего я поднимаю взгляд на него, и чувствую, как вспыхивают мои щеки. Я совершенно забываю, что мы здесь совсем не одни.

А затем я вижу маму Нейта, которая тоже улыбается, и вспоминаю, что это ее сын, к которому я, стоя здесь, испытываю влечение, и мои щеки вспыхивают еще сильнее. Нейт улыбается, словно знает, о чем я думаю.

Я выпускаю его руку, словно она в огне. Но слишком поздно, потому что Габби уже заметила, что между нами с Нейтом что-то есть, и даже если она не знает точно, в чем дело, могу сказать, что она уже составляет план, и я собираюсь найти способ положить этому конец.

— Вы двое, кажется, нашли общий язык, — припеваючи говорит Эми с проникательной улыбкой.

Я хочу, чтобы земля разверзлась и поглотила меня целиком. Немедленно, или даже еще быстрее.

К счастью, Габби понимает выражение ужаса на моем лице и вмешивается, чтобы отвести разговор от меня.

— Когда ты приехал? — спрашивает она Нейта. — Я думала, ты прилетишь только завтра.

Нейт смотрит на меня, прежде чем ответить:

— Отец прислал мне сообщение, что сегодня вечером они с Беном отправляются в поход. Я захотел присоединиться, поэтому приехал на поезде из Вашингтона.

— Ты там живешь? — вопрос вырывается, прежде чем я успеваю прикусить свой язык.

Нейт ухмыляется:

— Нет, я живу в Колорадо. Просто сделал крюк, перед тем как приехать сюда. Навещал друга.

— Где Бен? — спрашивает Габби.

— Они с отцом ловят рыбу, пытаюсь поймать хоть что-нибудь на сегодняшний ужин. Мы, видимо, закончим хот-догами, — ухмыляясь, говорит Эми, возвращаясь к дому.

Открыв дверь, она оборачивается.

— Нейт, сможешь мне принести карточные столы с чердака?

Нейт кивает, затем смотрит на Габби.

— Рад видеть тебя, — говорит он, перед тем как повернуться ко мне. Он снова берет меня за руку, и я совершенно не могу мыслить рационально, пока он прикасается ко мне.

— Келли, очень приятно с тобой познакомиться, — он подмигивает мне, прежде чем разворачивается и поднимается по ступенькам, останавливается у двери и снова улыбается.

Габби смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и, хватая за руку, тащит к скамейке в нескольких шагах от нас, где мы можем поговорить, не беспокоясь, что нас кто-нибудь услышит.

— Что. Это. Было? — спрашивает она. — Я надеялась, что вы двое поладите, но никогда

не думала...

Я не уверена, что теперь делать. Понимаю, что мне следует рассказать ей, потому что она — моя лучшая подруга, и я никогда ничего не скрывала от нее. Не думаю, что смогу скрыть от нее и это, даже если и попытаюсь. Рано или поздно, все всплывет, и, по крайней мере, если я позволю ей узнать это сейчас, то смогу все контролировать. Но я осознаю, что как только расскажу ей об истории с Нейтом, она начнет философствовать о судьбе или чем-то столь же нелепом. Габби такой безнадежный романтик, благослови ее.

Я смогу справиться с этим.

— Нейт — тот парень, — говорю я ей. — Тот, из аэропорта.

— Ты шутишь? — Она настолько взволнована, что я немного беспокоюсь, как бы она не задохнулась от гипервентиляции легких. — Какова вероятность такого совпадения? Черт побери.

— Держу пари, что довольно высока, — говорю я ей. Серьезно высока. — Но я узнаю это выражение на твоем лице, и это не...

— Это судьба, — говорит она, сжимая мои руки в своих, — Келли, как ты можешь думать, что это не судьба?

— Думаю, это совпадение, Габс. Потому что так и есть. Это восхитительное, пугающее совпадение.

— Ты ему нравишься, — она не собирается так просто сдаваться.

— Прекрати.

— Возможно, однажды...

— Нет, — говорю я решительно. Не хочу, чтобы у нее появилось еще больше идей или мыслей, что она запросто может пройтись бульдозером своей железной воли по моим планам. — Ты же знаешь, что я не хочу этого.

Она закатывает глаза, но я стреляю в нее убийственным взглядом, который дает ей понять, что я не шучу.

— Он — свидетель жениха, а ты — подружка невесты. Я соединила вас за свадебным столом и все такое.

Я вздыхаю.

— До тех пор, пока все, что ты делаешь — распределяешь по парам — все прекрасно.

— Возможно, это не в моей власти. Он сверх очаровательный, — говорит она лукаво, краем глаза поглядывая на меня.

Она всегда сомневалась в моей приверженности новой жизненной цели — никогда не позволять кому-то, в кого я по глупости влюблюсь снова, разбить мое сердце.

Интересно, что нужно сделать, чтобы заставить ее поверить, что я серьезна в своих намерениях.

— Думаю, я осведомлена, насколько он очарователен, — говорю я ей. Я имею в виду мужчину, которым очарована настолько, что у меня мгновенно сносит крышу. — Почему я не встречала его раньше? Я даже не помню, что когда-либо слышала о нем.

— Ты знала, что у Бена есть брат, — говорит она не особо нежным, отчитывающим тоном.

— Я знала, что у него есть брат, но не знала, что он горяч.

Я не знала, что его братом был Нейт.

Габби закатывает глаза.

— Когда я должна была рассказать тебе об этом? Когда ты встречалась с Итаном или

когда зареклась покончить с мужчинами?

— Покончить с любовью, — поправляю я ее. Хотя она и права, я не пытаюсь утверждать это.

— Ну, прости, — говорит она, улыбаясь. — Он живет в Боулдере и управляет сетью магазинов спорттоваров, на случай, если тебе интересно.

— Не интересно, — говорю я, несмотря на то, что это очевидная ложь. Мне не следовало интересоваться, но в этом-то и заключалась настоящая проблема.

— Он так смотрел на тебя, Келли, — говорит она мечтательно, и могу сказать, что мне не нравится ход ее мыслей.

— Можем мы сейчас перестать говорить об этом?

— Если мы прекратим говорить об этом, я потащу тебя в гараж, чтобы ты помогла мне с букетами для стола.

Время искусства и рукоделия, по сравнению с двадцатью вопросами, звучит, словно рай. Я встаю и отряхиваю брюки.

— Ладно, пойдем.

Три часа и тридцать букетов спустя, я сижу на крыльце, потягивая холодный чай, который Эми приготовила специально для меня. Моя правая рука трясется, очевидно, потому что я не рождена для создания букетов, и мои пальцы распухли после целого дня несложной ручной работы. Если я никогда снова не увижу арку, то не расстроюсь. Я была заинтригована, когда Габби впервые рассказала мне о своих планах относительно маленькой свадьбы на ферме семьи Бена в Вирджинии, но я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы она оказалась еще меньше. Словно помещичий дом в Далласе — это что-то маленькое. Тогда бы я не имела дело с украшениями и распухшими пальцами. И не беспокоилась бы о том, что же будет дальше с Нейтом.

И все-таки я понимаю, чем привлекло ее это местечко. Прекрасная местность и дом, безусловно, захватывают дух. Каким-то образом дом Райтов окружен широким и, в то же время, причудливым крыльцом. Пестрый ряд азалий по периметру, рассыпающихся по белому сайдингу. Ниже по короткому пути гостевой домик поменьше соединен с задней частью главного дома, где я остановлюсь с остальными гостями свадьбы, когда они придут. Гостевой домик милее, чем дом, в котором я выросла. Когда я восхищаюсь уютным внутренним двориком, примыкающим к нему, позади меня с пронзительным скрипом открывается дверь. Деревянные планки по всей длине крыльца скрипят, когда кто-то идет в мою сторону. Каждый нерв в моем теле оживает, еще до того, как я оборачиваюсь. Мое тело понимает, кто это, раньше, чем мое сознание может проанализировать это.

— Не возражаешь, если я присяду? — спрашивает Нейт.

Я смотрю на него, зажмурившись от слепящего солнца.

— Нет, не возражаю, — отвечаю я, качая головой.

Он присаживается возле меня, вытягивая длинные ноги, и несколько минут молчит, теребя веревку, свисающую с потрепанного края шорт цвета хаки. Наблюдая за его пальцами, мне хочется как-то избавиться от этого нервного ощущения в моем животе.

— Итак, — говорит Нейт. — Должен признать, ты была для меня первой. Я никогда не был настолько плох в постели, что женщина чувствовала необходимость уйти до того, как встанет солнце.

Сожаление наполняет мою грудь, пробираясь к горлу, и мне приходится проглотить его. Нейт, должно быть, понимает выражение моего лица, потому что толкает меня ногой, давая

понять, что это всего лишь шутка. Но даже при этом, я уверена, он хотел бы получить ответ относительно того, почему я оставила его, пока он все еще обнаженный и обернутый в простыни спал на кровати в моем гостиничном номере.

— Думаю, ты знаешь, что был не настолько плох, — говорю я. Я не могу не улыбнуться ему, словно не контролирую свое тело, когда он рядом со мной.

— Но ты захотела уйти.

— Я должна была уйти, — поясняю я. — Мне жаль, что поступила так, как поступила, но в тот день я помчалась в аэропорт, чтобы успеть на рейс сюда, а не... сделать то, что сделала. Я совершенно не ожидала этого. Даже после того, как я поступила, как бы странно это ни звучало.

Он изучает мое лицо, и мне не нравится, что его глаза практически прожигают меня насквозь, обнажая те части меня, которые я не хочу, чтобы кто-то видел.

— Все в порядке, — наконец-то говорит он, и у меня возникает ощущение, что это действительно так.

— Я не встречаюсь, — выпаливаю я. И сразу же сожалею о сказанном, потому что, несмотря на то, что это — правда, выглядит так, будто я думаю, что он хочет большего от меня, когда все, что нас связывало — ничего не значащий секс. Случайная связь. — Имею в виду, я не знала, как попрощаться с тобой, поэтому я решила, что было бы лучше уйти, пока ты спишь. Я просто... Я не делала ничего подобного раньше.

— Ты так и сказала. — Ухмыляется Нейт, и, похоже, он не ждет объяснений. Ему просто нравится смотреть, как я связываю себя узлами, пока пытаюсь рационализировать свое поведение.

— Мне жаль, я неуклюжа в этом, — говорю я ему, в смятении проводя пальцами по волосам.

— Так, ты говоришь мне, что использовала меня из-за моего тела?

— У тебя такое прекрасное тело. — Слова выскальзывают, прежде чем я могу остановить себя, и я знаю, просто знаю, что мой язык втянет меня в крупные неприятности рядом с этим человеком.

Нейт снова смеется, глубоким, искренним смехом, и его глаза такие яркие, когда смотрят на меня.

— В любое время к вашим услугам.

И хотя он просто дразнит меня, я знаю, что он имеет в виду то, что сказал. Мои щеки краснеют, и я случайно опрокидываю стакан. Чай просачивается через нижнюю ступеньку, и я наклоняюсь, чтобы поднять стакан одновременно с Нейтом, который делает то же самое. Наши головы сталкиваются, и Нейт прижимает свою ладонь к моему лбу в тоже время, что и я, и мы сидим так, что наши пальцы в каком-то роде переплетены у моей головы. Ситуация настолько странная, что я вполне уверена, что это галлюцинация, вызванная ударом.

— Ты в порядке? — спрашивает Нейт, с беспокойством в голосе. — Хочешь, чтобы я попросил отца осмотреть тебя? Он — доктор и...

Я не совсем устойчиво встаю на ноги. Но это не из-за головы.

— Нет, я в порядке. А ты? Это хорошо. Я, уфф..., - я указываю куда-то позади себя.

— Я лучше пойду. Я как раз собиралась... кое-что сделать. Нужно сделать еще кучу дел. Там. В моей комнате.

На лице Нейта очаровательная улыбка, и он, должно быть, очень старается не рассмеяться надо мной, потому что он должен понимать, что мы ударились головами не

достаточно сильно, чтобы вести себя так. Его слова резко обошлись со мной. Его чертovsky, кокетливые, сексуальные, сбивающие с ног слова.

— Увидимся? Может быть, завтра или чуть позже. Но не сейчас. Позже. Пока, — говорю я, смотря на ноги, когда они прокладывают себе путь вниз по каменной дорожке. Я слишком смущена, чтобы оглянуться на него. Он, должно быть, уже смеется надо мной. А если нет, то с ним что-то не так.

— Келли?

— Да? — Я оборачиваюсь, и опять эта кривая ухмылка. Почему он должен быть таким великолепным? Почему я должна быть такой идиоткой?

Он указывает в противоположном направлении.

— Гостевой дом в той стороне.

Естественно, он прав. Имею в виду, он должен быть прав, разве нет? Он вырос здесь. И... Боже, я просто хочу умереть. Что в нем такого, что заставляет меня сходить с ума и вести себя, как законченная идиотка? Я очень хочу, чтобы существовал способ заставить себя исчезнуть.

Я застенчиво киваю Нейту, прежде чем бегу в сторону безопасности гостевого домика, подальше от него.

Вечером того же дня, я стою перед зеркалом в своей комнате, нанося слой туши. Вернув кисточку обратно в тюбик, я отступаю на шаг назад и бегло осматриваю себя. Дома я обычно собираю свои длинные светлые волосы в хвостик, но здесь в воздухе ранней осени нет никакой влажности, поэтому я распускаю их, и они спадают на плечи. Темно-синее платье на мне хорошо гармонирует с кожей и подчеркивает глаза. Впервые за последнее время я чувствую себя довольной.

Я слышу, как все смеются за окном, чувствую запах дыма от барбекю, и мне не терпится пойти туда и присоединиться к веселью. Я наношу немного блеска на губы, прежде чем развернуться и выйти. Открыв дверь, я вижу у своих ног маленький холодильник. Я наклоняюсь и открываю крышку — он полон льда. Я слегка смущена, но затем, чуть правее от холодильника, я вижу большую корзину. В корзине пакет со льдом, бутылка ибупрофена и розовая каска.

Смешок слетает с моих губ, когда я опускаюсь на колени и читаю маленькую карточку, привязанную к ручке корзины. Я улыбаюсь, когда понимаю, что это, несомненно, беспорядочный почерк Нейта.

Ты, определенно, полный лузер, когда дело касается бегства.

Глава четвертая

Мало того, что на свадьбе присутствует Итан, так еще он и его нынешняя девушка оказываются в комнате по соседству с моей. К счастью, я не слышала, стук изголовья кровати о стену, но сейчас они оба ошиваются в коридоре прямо перед нашими комнатами. Я наблюдаю за ними через маленькую щель, словно настоящий сталкер, дожидаясь их ухода, чтобы выйти и догнать Габби, Бена и Нейта. Мы собирались спуститься к реке, но Итан со своей подружкой задерживают меня от погружения пальчиков ног в воду, что чертовски раздражает. Я могу просто повзрослеть и выйти, но пока еще не готова ко всему этому.

Итан все такой же высокий и худой, и по-прежнему привлекателен в своем образе ботаника, который мне всегда так нравился. На нем новые очки, а его темно-каштановые волосы длиннее, чем раньше, именно такие, как мне всегда нравились. Чуть выше бровей они выются, и когда-то мне нравилось, как он, усердно сосредотачиваясь на чтении, убирал их от лица. В колледже, я изучала его лицо почти так же внимательно, как и учебники.

Как ни тяжело признавать, но выглядит он хорошо. Я надеялась, что мое отсутствие в его жизни отразится на нем, однако, по всей видимости, это безнадежно. Пожалуй, это было безнадежно еще в тот момент, когда я обнаружила его, трахающим ту женщину в нашей постели, но мое сердце постепенно начинает прислушиваться к голосу разума. Я добиваюсь прогресса.

Девушка, которую он привел сюда в качестве своей пары, Эмили, моя полная противоположность. Смуглая с темно-каштановыми длинными вьющимися волосами, такими великолепными и густыми, что я в какой-то степени ненавижу ее за это. Боже, она высокая. Итан всегда говорил мне, что ему нравился мой рост, нравилось обнимать меня, прижимая к себе рукой, но образ его, смеющегося и обнимающего эту женщину-жирфа, заставляет меня чувствовать себя так, словно это всего лишь еще одна ложь, которой он меня кормил, сволочь. Я хочу рвануть дверь и начать кричать на него, но не делаю этого, потому что действительно стараюсь меньше грустить из-за нашего разрыва.

Наконец-то, эти двое спускаются вниз, и я просовываю голову в коридор, чтобы убедиться, что путь свободен. Я слышу хриплый смех Эмили, затихающий после того, как они закрывают входную дверь. Я подхожу к окну и смотрю, как они проходят мимо Габби, Бена и Нейта. Я такая идиотка. И конечно, Габби замечает меня. Она пристально смотрит на меня, и я тотчас же понимаю, что меня ожидает публичное порицание.

— Келли, тащи сюда свою задницу. — Она кричит так громко, что я уверена, ее могут слышать даже в главном доме. Я хочу показать ей средний палец, но мне удается себя сдерживать. К тому времени, как я спускаюсь, Итан и Эмили на полпути к реке.

Я могу хорошо рассмотреть Бена и Нейта, стоящих рядом, и если бы я не знала, что они братья, то ни за что бы не догадалась. Они оба высокие, но это их единственное сходство. Бен тощий, а Нейт, словно кирпичная стена. У Бена темно-каштановые, кучерявые волосы, у Нейта — темно-русые коротко стриженные. У Бена вытянутое лицо и острый нос, лицо Нейта же — худое, с линией подбородка, за которую многие готовы убить.

Поскольку Нейт, Бен и Габби озабочены разговором о чем-то, им требуется минута, чтобы осознать, что я стою здесь и жду.

— Как мило, что ты наконец-то появилась, — говорит Бен.

— Эй, — отвечаю я, указывая в направлении его лучшего друга в пятидесяти метрах от

нас, напоминая Бену, что он, если уж на то пошло, сыграл незначительную роль в моем опоздании, пригласив сюда Итана. — Ты не вправе ничего говорить об этом.

Бен — хороший парень и достаточно вежлив, чтобы выглядеть раскаявшимся:

— Извини, Кел.

— Нужно найти тебе новых друзей. — Я улыбаюсь, дабы скрыть честность в своих словах, затем смотрю на Нейта, который пристально наблюдает за мной. Вероятно, он задается вопросом, в чем заключалась суть этого разговора, потому что предполагаю, Бен и/или Габби еще не рассказали ему длинную историю о том, как мужчина, которого я когда-то считала любовью всей своей жизни, разбил мое сердце.

— Привет, — говорит Нейт, посылая мне легкую улыбку.

— Привет, — улыбаюсь я в ответ, мечтая, чтобы он не был настолько чертовски привлекательным. Все очарование, которое я увидела в нем той ночью в аэропорту, здесь только усилилось. Возможно, потому что я понимаю — мне следует держаться от него подальше. Возможно, потому что понимаю — пока я здесь, не могу держаться от него подальше.

Мы выдвигаемся, и я тянусь к Габби, нуждаясь в каком-либо промежуточном слое между мной и Нейтом.

— Ты точно не против, что Итан здесь? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю я, и именно это имею в виду. Я должна привыкнуть, что у Итана кто-то есть. Скоро Габби станет женой Бена, и Итан будет частью ее жизни так долго, пока будет дружить с ее мужем. Я ни для кого не хочу делать эту ситуацию неловкой, особенно для Габби. Прошло уже полгода с тех пор, как мы с Итаном расстались. Мне нужно смириться с этим.

— Дерьмо, — резко говорит Габби. — Я забыла солнцезащитный крем.

— У меня есть, — говорю я ей, пытаюсь откопать тюбик, припрятанный мной в сумке.

— Нет, я купила кое-что специально для этой прогулки, чтобы удостовериться, что я не получу никаких линий от загара. Я не могу себе этого позволить на свадебных фотографиях. — Я люблю Габби до смерти, но она действительно ужасная лгунья. — Мне нужно вернуться назад в дом. Бен, — говорит она, хватая его за руку, — пойдём со мной.

Бен, на самом деле, выглядит не согласным с этим планом, но последнее, что он собирается делать — столкнуться с плохой стороной своей невесты за несколько дней до свадьбы. Поэтому он придерживается ее плана. Потому что я уверена — это именно он и есть. План. Учитывая выражение лица Нейта, он тоже это понимает.

— Полагаю, встретимся там, — говорит Бен, невинно глядя на нас, пока Габби тянет его в сторону дома.

Нейт смотрит на меня.

— Ты ведь понимаешь, что Габби пытается свести нас, да?

— Да, — отвечаю я ему. — Она ужасная актриса.

— Лучше и не скажешь.

— Она пытается устроить мне свидание.

— Сомневаюсь, что у тебя с этим проблемы, — говорит он, глядя на меня так внимательно, что я ощущаю, как румянец покрывает мои щеки. Кажется, когда я рядом с ним, это происходит слишком часто.

— В том смысле, что она преисполнена решимости отправить меня на свидание, а не помочь найти кого-то. — В любом случае я польщена, полагаю, он к этому и стремится.

— Так, вчера ты сказала, что не встречаешься...

— В том смысле, что я серьезно не встречаюсь.

Могу сказать, что Нейт хочет спросить меня почему, хочет узнать больше именно об этом обещании, которое я дала себе, но понимает, что сейчас не то время и, определенно, не то место.

— Фух, — говорит он, шутливо вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Я подумал, что это из-за меня, просто ты пыталась помягче мне отказать.

Я смеюсь.

— Поверь, дело не в тебе.

— Хорошо. — Нейт пожимает плечами, глядя на грязную тропинку, раскинувшуюся перед нами.

— Что ты думаешь о чисто платонической прогулке к реке? Потому что мой брат и его невеста не вернуться.

Я делаю несколько шагов вперед, и вскоре мы идем бок-о-бок.

— Думаю, с чисто платонической прогулкой к реке я справлюсь.

Нейт толкает шаткую старую дверь семейного лодочного сарая, и я стараюсь сохранять безопасное расстояние на маленьком клочке травы в нескольких шагах от него, недалеко от реки. Это место выглядит старинным, и хотя оно, вероятно, безопасно, для меня оно таковым не выглядит.

— Я просто останусь здесь, — говорю я, скрещивая руки на груди.

— Здесь с тобой ничего не случится. — Нейта, кажется, забавляет мое нежелание поверить, что там не ошивается какой-нибудь убийца, вооруженный топором.

— Я останусь здесь, — повторяю я. — И не думай сыграть со мной какую-то шутку, чтобы заставить пойти туда. Я видела достаточно фильмов, чтобы знать, какие страшные вещи происходят в темных лодочных сараях.

Нейт качает головой и смеется, когда входит внутрь.

— Ты бы оставила меня здесь? — кричит он изнутри. — Если бы что-то страшное произошло в этом темном лодочном сарае?

— Не знаю, возможно. — Я лезу в сумку и достаю солнцезащитный крем, затем натираю им плечи и руки, прежде чем у солнца появится шанс превратить меня в красного лобстера. Когда я заканчиваю наносить крем, выходит Нейт — его руки полностью заняты.

— Что это?

— Это камеры, — говорит он не спеша.

— Я знаю что это, но хочу знать, что ты собираешься с ними делать.

— Мы будем использовать их в качестве плавучих приспособлений. Понимаешь, они для этого и созданы.

— Ни за что, — говорю я, глядя на воду. — Я думала, мы всего лишь собирались посидеть на берегу и насладиться солнцем.

— Ну, здесь особо-то и нет берега, если ты не заметила.

— Я могу присесть на траву, у меня с этим никаких проблем.

— И что это будет за веселье? — спрашивает он, бросая камеры на землю.

— Такое веселье, которое удерживает меня на устойчивой и сухой земле. Потому что я настолько удачлива, что могу, плавая по притоку или чему-то подобному, оказаться в Атлантике.

Нейт смеется и, хватая пальцами край рубашки, снимает ее через голову. Когда мои

глаза останавливаются на широкой, загорелой плоскости его груди, я забываю, о чем говорила. Я поглощена мыслями о том, что в один прекрасный момент прижаться губами к его телу. Снова. И снова.

— Келли, ты боишься воды?

Я качаю головой, чтобы прийти в себя, потому что, на самом деле, не хочу думать о том, как хорошо он выглядит без футболки, даже если он и выглядит очень и очень хорошо.

— Что?

Нейт смеется.

— Ты боишься воды?

— Я не столько боюсь воды, сколько этих штуковин.

— Вот что я скажу, — говорит он, развязывая узел на веревке, обернутой вокруг одной из камер. — Я привяжу твой плот к своему и буду держать нас в правильном направлении. Если ты задрейфуешь и уплывешь вниз по притоку или куда-то в Атлантику, я буду рядом с тобой.

Я смотрю на него скептически.

— Ты не выглядишь так, словно беспокоишься о нашем возможном статусе потерпевших кораблекрушение.

— Ну, через несколько дней свадьба Бена и Габби, и я бы сделал что угодно, чтобы избежать необходимости надевать костюм. — Он подмигивает мне, и клянусь, мои колени практически выдают меня. Черт бы его побрал.

Я хочу сказать ему, что он выглядел бы очень хорошо в костюме, но сдерживаюсь. Это лишь воодушевит его, а это последнее, в чем он нуждается.

— Хорошо, — говорю я. — Но я не спущу с тебя глаз.

— Весь в предвкушении. — Он бросает камеры в реку, затем шагает и поворачивается ко мне.

— Давай, — говорит он, протягивая руку, чтобы помочь мне войти в воду. — Просто откинься назад и расслабься. Обо всем остальном я позабочусь.

Я не пробыла в воде очень долго, прежде чем подумала, что, в конце концов, плавание в Атлантику на этой камере, возможно, не столь ужасно. Я наслаждаюсь звуками плещущейся о резину воды, легким шелестом листьев, когда их касается ветер.

Кончики пальчиков моих ног скользят по поверхности воды, и я брызгаю в сторону Нейта.

Он улыбается, глядя на меня.

— Ты не хочешь начинать то, что не сможешь закончить, — говорит он с опасным блеском в глазах.

Я опять брызгаю в него водой, когда слышу знакомый хриплый смех. Я сажусь, балансируя на гигантском плавающем пончике, на который облакачиваюсь, и само собой, Итан и Эмили сидят вместе на берегу реки по другую сторону от нас. Итан наклоняется, похоже, собираясь ее поцеловать. Я тяжело вздыхаю.

— Что случилось? — спрашивает Нейт, поворачиваясь, чтобы увидеть, куда я смотрю.

Кажется, я услышала тихое "оу", исходящее от него, но не уверена.

— Ничего, — отвечаю я, когда отворачиваюсь, пытаюсь их игнорировать.

Нейт молчит несколько секунд, перед тем как сказать:

— Он придурок из-за того, что сделал с тобой.

Я смотрю на него, не особо удивившись, что он в курсе обо мне и Итане, но немного удивлена, что он заговорил об этом.

— Габби рассказала тебе?

— На самом деле, мой брат. Он рассказал мне о том, что сделал Итан, и что его бывшая тоже приезжает. Габби, дабы убедиться, что я ничего не скажу об этом, рассказала, что его бывшая — это ты, и что ты не хотела, чтобы кто-то в эти выходные чувствовал себя неловко. Не сложно понять, что между вами двумя есть история, учитывая, как ты смотришь на него.

Я удивлена слышать, что мое лицо так сильно меня выдает; я думала, что научилась достаточно сдерживать эмоции на лице, когда речь заходит об Итане.

— Как я на него смотрю?

— Словно хочешь вырвать сердце из его груди.

— В таком случае, кто решил, что поселить его и его новую девушку по соседству со мной — хорошая идея? — спрашиваю я.

Он садится, и вокруг него летят брызги воды.

— Черт, серьезно?

Я смеюсь:

— Да, серьезно.

— Ты хочешь переехать? Тебе не нужно иметь дело со всем этим. Мы можем подыскать для тебя другую комнату, их здесь много. Я помогу тебе с вещами.

Мило, что он так беспокоится обо мне, и я рада, что помимо того, что он невероятно горяч и потрясающе хорош в постели, он также, кажется, хороший человек. Я не позволяю себе слишком много думать об этом; казаться и быть — две разные вещи. Раньше мне уже доводилось быть одураченной внешностью. Человек на другой стороне берега тому доказательство.

— Я могу остаться там, где есть, все в порядке, — отвечаю я, собирая волосы обратно в хвостик. — Не хочу беситься из-за этого.

Нейт бросает на меня долгий взгляд, перед тем как снова заговорить:

— Если тебе будет некомфортно, ты скажешь мне?

Я ощущаю покалывающее тепло под кожей, когда он произносит эти слова.

— Скажу.

— Я надеру ему задницу, если попросишь.

Нейт чувствует себя в своей тарелке, сложив левую руку за голову и свободно держа в правой канат от моей камеры. У него настолько длинные ноги, что болтаются по колено в воде, создавая хорошее сопротивление, заставляющее нас двигаться вниз по реке очень медленно и неторопливо.

— Заманчивое предложение, — отвечаю я. — Но я была бы признательна, если бы ты просто устойчиво держал нас относительно нашего курса.

Он выпускает смешок сквозь широкую, ленивую улыбку.

— Ты, на самом деле, не любитель активного отдыха, не так ли?

— Мне больше по душе помещения с кондиционером. И я люблю просто смотреть на природу, но точно не участвовать в этом.

— Ты была когда-нибудь в Колорадо?

Я качаю головой.

— Неа.

— Ты изменила бы свое мнение, если бы побывала в Боулдере. Там так красиво, что

волей-неволей захочешь быть на природе постоянно.

Я хочу сказать ему, что если бы он знал меня лучше, то переосмыслил бы это высказывание. Я могла бы помочь и помогу. Но он выглядит таким счастливым, что вместо этого я решаю расспросить его немного о себе.

— Габби сказала мне, что ты там управляешь магазином спорттоваров, не так ли?

— Да, я управляю сетью магазинов. Я работал там, пока учился в колледже, и когда выпустился несколько лет назад, они назначили меня менеджером магазина. Теперь я региональный менеджер.

— Такая работа, кажется, тебе подходит.

— Подходит?

Я киваю.

— Ну, ты занимаешься спуском по веревке, как мы оба знаем. И ты эксперт по сплавлению камер по реке. — Он улыбается, и то, что я вспоминаю, как он получил тот шрам на руке, кажется, делает его счастливым. Как я могла забыть? Вопрос об этом шраме в баре аэропорта привел к одной из лучших ночей моей жизни.

— Я так понимаю, ты работаешь в кондиционированном помещении?

— Да, на самом деле так и есть. У меня свой бизнес.

— Seriously? — Нейт приподнимает брови, и, кажется, я произвела на него впечатление.

— Seriously.

— Бизнес, специализирующийся на бизнесе или...

— Я — веб-разработчик. Создаю веб-сайты для малого бизнеса и благотворительных организаций. Как-то так.

— Вау, — отвечает он, приподнимая брови. — Это должно быть здорово.

— Мне нравится быть самой себе боссом. Я сама выбираю часы работы, что довольно здорово.

— Могу сказать, что есть какое-то "но".

Я закусываю нижнюю губу, когда думаю о том, как преподнести это "но", не прозвучав так, словно я неблагодарна или несчастна.

— Я горжусь тем, что делаю. Но... иногда это кажется таким незначительным. Когда я была моложе, всегда думала, что закончив колледж, займусь своим делом, которое будет приносить реальную пользу. Которое поможет изменить мир.

— Мы не можем изобрести лекарство от рака, — говорит он, скользя кончиками пальцев по поверхности воды. — Кроме того, считаю, что, когда ты говоришь об изменениях, то преувеличиваешь масштабы. Просто из-за того, что это не особо заметно, не значит, что ты этого не делаешь.

— В каком смысле?

Он пожимает плечами.

— Возможно, ты уже меняешь мир.

— Сомневаюсь, — отвечаю я. — Ни один из моих клиентов никогда не скажет: «Вау, Келли. Это грандиозный выбор шрифта».

Нейт смеется и вытаскивает ноги из воды, посылая перед нами град брызг.

— Возможно, нет, но ты создаешь веб-сайт для бизнеса, и это повышает степень их воздействия, помогает им обеспечивать продажи и доходы. Один из этих предпринимателей может взять эти деньги и помочь построить общественный центр или запустить социальную

программу. Или, возможно, они возьмут деньги, заработанные с помощью веб-сайта, и отправят своего ребенка в колледж. Возможно, этот парень совершит что-то великое, и ты будешь причастна к этому. Тебе всего лишь нужно смотреть на вещи немного по-другому.

Я поворачиваюсь к нему в полном восторге, потеряв дар речи. Раньше я даже не задумывалась об этом. И хотя я не осмеливаюсь сказать ему это, малая часть меня тоже начинает смотреть на *него* по-другому.

Еще какое-то время мы с Нейтом продолжаем плыть по реке, оба большую часть времени молчим, просто наслаждаясь компанией друг друга и красотой природы, окружающей нас. Вскоре, набегают тучи, и маленькие капли дождя звенят по воде. Нейт гребет в сторону берега, и как только оказывается на твердой земле, наклоняется и, сжимая руку, помогает мне встать. Я удивлена, увидев, что мы не особо далеко уплыли, лодочный сарай находится всего лишь в ста метрах от нас. Нейт подхватывает камеры и проскальзывает руками в середину каждой, затем закрепляет их на своих плечах.

Я следую за ним по узкой грязной тропинке, и, достигнув дока, обуваю свои туфли и накидываю полотенце на плечи. Нейт бросает камеры в сарайчик и спешит обратно к доку. После того, как он надевает рубашку, я вручаю ему полотенце и начинаю дрожать, когда поднимается ветер, продувающий до мозга костей.

— Сюда, — говорит Нейт, укутывая меня в свое полотенце. Он берет мою сумку и вешает себе на плечо, затем обнимает меня рукой и прячет под свой бок, прикрывая от большей части ветра и дождя.

Мы практически бегом возвращаемся к дому. Нейт, насквозь промокший, и я, ощущающая себя комфортнее, чем когда-либо.

Глава пятая

После того как мы возвращаемся с реки, я принимаю душ, все время размышляя над тем, что Нейт сказал мне ранее: о том, как я могу оказывать влияние своей работой на жизни людей, несмотря на то, что она не всегда кажется значительной, когда я ее выполняю. У него интересный взгляд на жизнь, и он заставляет меня задуматься. Меня немного тревожит, когда я понимаю, что ищу с ним встречи просто, чтобы поговорить, послушать то, что скажет он.

Уже почти пришло время ужина, поэтому я одеваюсь и выхожу в коридор, готовая направиться в главный дом. Конечно, я сталкиваюсь с Итаном. Я испытываю искушение развернуться и отступить в свою комнату, но мне нужно покончить с этим. На самом деле, я не разговаривала с ним с тех пор, как он приехал сюда, за исключением быстрого приветствия в день его приезда.

На нем желтая рубашка и пара свободных брюк цвета хаки. Мне знакома эта рубашка: я купила ее для него, когда мы стали жить вместе. Сомневаюсь, что он помнит, кто подарил ему ее.

— Привет, — говорит он, потирая подбородок указательным и большим пальцами. Он всегда так делает, когда нервничает, и я ненавижу, что все еще могу читать его. — Как дела?

— У меня все хорошо, — отвечаю я ему. Понимаю, что мне следует быть вежливой и тоже спросить, как у него дела, но мне не очень хочется быть вежливой. Я не хочу все для него облегчать, не хочу разговаривать с ним, будто мы всего лишь старые друзья, которые не виделись какое-то время.

— Хорошо выглядишь, — говорит он.

Мне следует поблагодарить его, но я не делаю этого.

— Послушай, Келли, — он снова потирает свой подбородок, — хочу поблагодарить тебя за то, что позволила мне присутствовать на свадьбе. Это много значит для меня.

Хотя Габби и Бен спросили меня, перед тем как пригласить Итана, мне не нравится, что он выставляет все так, будто я всем управляю.

— Если бы ситуация была обратной, — говорю я, и хотя мне смешно представлять, что я поступила бы с ним так же, как он со мной, — надеюсь, ты бы поступил так же. Меня бы убило, если бы случившееся между нами, не позволило мне присутствовать на свадьбе Габби.

— Если бы ты была против моего присутствия на свадьбе, я бы понял, я это заслужил. — И хотя я по собственному опыту знаю, что Итан довольно хороший лжец, на этот раз я решаю поверить ему.

— Я никогда не была мстительной, Итан.

— Я знаю это. Это одна из тех вещей, которые я... — Он останавливается, прежде чем договорить. Это одна из тех вещей, которые он любил во мне. Любил, в прошедшем времени. В прошедшем времени, как и мы двое. И это тот момент, когда для меня наш разрыв становится окончательным. Это было не тогда, когда он плакал, умоляя меня дать ему еще один шанс. Не тогда, когда я упаковала все свои вещи в коробки и поставила их в холодную, пустую кладовку. Не тогда, когда он через три дня остановился у дома моей матери, чтобы вернуть пару моих сережек, которые нашел на комод. Сейчас. Здесь. В коридоре в Вирджинии на свадьбе наших лучших друзей.

Все кончено. И меня это устраивает.

— Твоя новая девушка хорошенькая. — Я на самом деле не уверена, что заставляет меня сказать это, но по какой-то причине кажется правильным вести себя мило с ним, ради себя самой.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, я привел ее с собой только потому, что знал, меня не рады будут видеть в компании. Я не хотел приезжать и быть одиноким, пока я не болтался с Беном.

Впервые после нашего разрыва, мне жаль его. Я знаю, он хочет, чтобы я предложила ему пообщаться со всеми нами, но я не могу этого сделать. Несправедливо по отношению к его новой девушке, Эмили — общаться со своей бывшей, и несправедливо по отношению к себе — предлагать то, к чему я не готова. Возможно со временем, я смогу находиться рядом с ним, но не сейчас.

— Я должна пойти посмотреть, могу ли помочь Эми с ужином, — говорю я, готовая уйти. Я не могу стоять здесь и продолжать разговаривать с ним дальше. — Ты идешь?

— Да, позже. — Итан слегка кивает мне, когда я прохожу мимо. — Ты очень хорошо выглядишь.

Вместо тысячи неприятных слов, крутящихся на языке, я соглашаюсь на простое «спасибо».

Я разворачиваюсь и ухожу по коридору. Я не вижу лицо Итана, но знаю, что он смотрит, как я ухожу.

Глава шестая

Дом Райтов во время ужина не похож на то, к чему я привыкла. Учитывая, что я жила с одним родителем, на ужин я обычно бросала что-то в микроволновку и ела в одиночестве, заканчивая домашнюю работу. Здесь же, все собирались вместе, ведя беседу.

В столовой, недалеко от кухни, протекал какой-то семейный спор; сегодня днем сестра Бена и Нейта, Джесса, прибыла из Филли^[1]. Она спорит с отцом о том, сколько ей следует заплатить за гранитные столешницы для кухни, которую она переделывает вместе с мужем. Мне нравится Джесса, она шумная, как и ее мама, и не обращает внимания на бред ни от одного из своих братьев. Она тоже великолепная, ей двадцать семь, и она — самая старшая из детей Райтов.

Здесь в кухне, Эми дает мне задание приготовить чесночный хлеб. По правде говоря, я сделаю все, о чем бы она меня ни попросила. Мне нравится находиться рядом с ней: она заставляет меня чувствовать себя частью своей семьи. Лазанья, которую она приготовила, кипит в духовке и издает такой чудесный аромат, что мне приходится останавливать себя от того, чтобы добежать туда, открыть дверцу и попробовать ее, пока она еще готовится. Бьюсь об заклад, что ожоги будут того стоить — вот как хорошо она пахнет.

— В Нью-Йорке есть один парк, построенный на старых железнодорожных путях, — говорит Эми с энтузиазмом, наполняя кастрюлю водой. — Он настолько яркий и зеленый на фоне бетонных зданий города. Думаю, этой весной собираюсь съездить туда на поезде и нанести отличный долгий визит. Ты тоже должна поехать. — Она смотрит на Габби.

Я подхватываю ножом кусочек масла и намазываю его на хлеб, пытаюсь не чувствовать себя брошенной, потому что они обе стоят на другой стороне кухни, строя планы без меня. Но так как я не член этой семьи, у меня нет разумной причины для ревности. Тем не менее, я ревную.

— Мы можем провести там выходные, — говорит Эми, моя кастрюлю.

Габби занята нарезкой морковки для салата.

— Да, было бы весело.

— Келли?

Я поднимаю взгляд, ожидая, что Эми сделает мне замечание по тому, как я намазываю масло, но она только выжидательно на меня смотрит.

— Простите? — я не понимаю, чего она ждет.

— Ты готова провести выходные с девочками в Нью-Йорке? Мы можем посмотреть представление или что-нибудь в этом духе.

Я смотрю на Габби, которая глупо улыбается салатнице.

— Было бы здорово, — говорю я, не в силах остановить свою нелепую улыбку.

— Мы должны будем сходить в спа-центр или что-то вроде этого, сделать это правильно, — говорит Эми, и могу сказать, что перспектива этой поездки будет вдохновлять ее на протяжении нескольких последующих месяцев. Она определенно из тех, кто составляет целый план путешествия по своей инициативе, и наличие кого-то, планирующего что-то для меня, делает поездку еще более волнующей. Эми настолько организована, что я хочу отвести ее в сторонку и спросить, не откажется ли она взглянуть на мою жизнь. Посмотрим, удастся ли ей навести в ней порядок.

Закончив с чесночным хлебом, я спрашиваю Эми, могу ли еще чем-то помочь с ужином.

— Неа, — говорит она, глядя на Габби с заговорщической улыбкой. — Почему бы тебе не пойти в гостиную и не познакомиться с Мадлен?

Мадлен — дочка Джессы, и я очень хорошо знаю, что она в гостиной играет со своим дядей Нейтом. Самое последнее, что мне нужно увидеть в этом мире — красивого мужчину с маленьким ребенком. Эми и Габби должны это знать, и поэтому они обе, вредные-превредные женщины, постоянно улыбаясь, настаивают, чтобы я пошла в гостиную.

— Вы двое особой деликатностью не страдаете, — говорю я, направляясь к двери.

Выходя из кухни, слышу позади себя их хихиканье.

В гостиной Нейт сидит, скрестив ноги, перед детским столиком, накрытым розовой скатертью с вышитыми на ней мелкими лиловыми цветочками. Ярко-розовый шарф из перьев обернут вокруг его шеи. Он крошечный и предназначен для кого-то размерами с Мадлен.

— Оттопырь мизинец, дядя Нейт! — говорит Мадлен. Ее голос звучит измученно, словно раньше уже тысячу раз говорила ему помнить о хороших манерах. Он тотчас же подчиняется, осторожно поднимая крошечную лиловую чашечку с крошечного лилового блюдца, которое держит в правой руке.

Он замечает меня, пока я стою в дверном проеме, и улыбается. Улыбается без намека на смущение, даже не тянется снять шарф или поставить чашечку. Складывается впечатление, что он живет ради развлечения этой маленькой девочки, и должна признать, это невероятно мило.

— Мэд, — говорит он, кивая в моем направлении. — У тебя клиент.

Мадлен выхватывает старый блокнот из кармана крошечного клетчатого фартука, повязанного на ее талии, и переключается на меня.

— Добро пожаловать, — говорит она, вытаскивая карандаш из-за уха. — Сколько вас?

— Я одна, — отвечаю.

— Сюда.

Нейт улыбается, когда его племянница ведет меня к нему, и я сажусь на пол, скрестив ноги, подражая ему.

— Милый шарфик, — говорю я.

— Мой лиловый в химчистке, — отвечает он, перебрасывая его через плечо.

— Ну, розовый тебе идет.

Нейт ставит чашку и блюдце на стол.

— Знаешь, я уже слышал это раньше. — Он посылает мне озорную улыбку.

— Не сомневаюсь.

Мадлен подходит к столу, приготовив свой огромный карандаш.

— Кофе или чай?

— Чай, пожалуйста.

Она звенит своим крошечным чайничком у моей крошечной чашки и наполняет ее до краев воздухом.

— Мэдди, — говорит Нейт. — Это мисс Келли. Келли, это моя племянница Мадлен.

— Привет, мисс Келли, — отвечает Мадлен, совершенно безразлично.

Ее абсолютное фокусирование внимания на деятельности поддельного кафе настолько мило, что я не могу не улыбнуться ей, даже несмотря на ее пренебрежительное отношение ко мне.

Хотя в поведении Нейта нет ничего такого.

— Что нужно сказать? — Его голос очень терпеливый, и в то же время добрый.

Мадлен разворачивается ко мне всем телом, но смотрит на Нейта. Краем глаза я вижу, как он четко произносит ей каждое слово.

— Приятно с Вами познакомиться, мисс Келли. — Она пристально смотрит на Нейта, произнося эти слова, и кивает головой после каждого из них.

— А мне с тобой, — говорю я ей.

— Хорошая девочка, — говорит Нейт, широко улыбаясь Мадлен. Она подходит к нему и обнимает его за шею, в то время как наклоняется и, хихикая, что-то шепчет ему на ухо.

Нейт поднимается на колени, прежде чем встать.

— Вернусь через секунду.

Мои глаза расширяются в небольшой панике.

— Я не знаю, что делать с детьми.

— Просто поговори с ней. Она, как крошечный взрослый. Ты просто не можешь ругаться перед ней.

Выходя из комнаты, Нейт оглядывается на меня. Я наблюдаю, как Мадлен играет в импровизированную кухню, которую они с Нейтом соорудили из диванных подушек и одеял. На ней крошечная футболка с логотипом Бронко^[2], которую, несомненно, ей подарил Нейт. Она слишком длинная, почти как платье для нее.

— Мне нравится твоя футболка, — говорю я, пытаюсь завязать беседу. — Ты много смотришь футбол?

Она кивает.

— С папочкой.

— Ты играешь? — спрашиваю я, наполовину поддразнивая, всего лишь желая узнать, как она ответит.

Она разворачивается и смотрит на меня так, словно я только что сказала самую нелепую вещь в мире. Указывая на блестящую корону, которая на ней надета, она смеется:

— Глупо. Принцессы не играют в футбол.

— Конечно, играют. Они просто должны пристегивать свои диадемы.

Мадлен смеется, пока тянется и протягивает мне тарелку с пластиковым хот-догом и пластиковую банку с горошком, и я замечаю Нейта, стоящего в дверном проеме и улыбающегося.

— Мы обучаем ее быть защитником, — говорит он, подходя и усаживаясь рядом со мной. — У нее неплохо получается.

— Я приготовила для тебя сэндвич, — говорит Мадлен, протягивая Нейту тарелку, полную случайных пластиковых продуктов.

— Выглядит аппетитно. Он потирает живот, и мне нравится, как он подыгрывает ей.

То, как его не беспокоит, насколько смешно он выглядит, или с чем ему приходится мириться, чтобы сделать эту маленькую девочку счастливой. Он подносит "сэндвич" ко рту и создает громкие, театральные, словно ест, затем прячет тарелку под стол.

— Ты все это съел! — кричит Мадлен, смеясь.

— Съел, и было очень вкусно. Я хочу увидеть шеф-повара!

— Я и есть шеф-повар. — Мадлен указывает на себя, и Нейт берет ее за руку, мягко притягивая к себе. Он зацеловывает ее, и звонкий детский смех отскакивает от стен. Это лучший звук. С все еще неудержимо смеющейся Мадлен, Нейт встает и кружит ее, десятикратно усиливая ее смех.

— Нейт, будь осторожен, — кричит Эми из другой комнаты. — Время ужина, и сегодня я не собираюсь убирать рвоту.

— Приятного аппетита, мам. Спасибо, — говорит Нейт.

— Ты уже поел! — хихикая, говорит ему Мадлен.

— У меня есть место для большего.

— Где? — Она похлопывает Нейта по животу, ощупывая некоторое свободное пространство.

— У меня пустая нога, — говорит он ей, и выражение ее лица бесценно. — Когда я ем, вся еда спускается туда, поэтому в животе остается больше места.

— Вау, — Мадлен с изумлением вздыхает, широко раскрыв глаза.

— Готова поужинать? — спрашивает он ее, и она кивает, полная энтузиазма. — Почему бы тебе не помочь мисс Келли встать?

Мадлен протягивает ко мне руки, и я сжимаю их в своих. Затем Нейт обнимает ее за талию и тянет назад. Ее руки выскользывают из моих.

— Дядя Нейт! — кричит она, смеясь.

— Попытайся снова, — отвечает он, подмигивая мне. Она хватается за мои руки, и он снова тянет назад, а затем обнимает ее. — Где вся мощь этого тела, принцесса? Нам придется начать работать на скамейке для пресса. — Он поднимает ее над головой, и я никогда за всю свою жизнь не видела, чтобы ребенку было так весело.

— Нейт! — предостерегает Эми.

Мадлен снова протягивает мне руку, и я сжимаю ее в своей. Свободной рукой беру руку Нейта, и он тянет меня. Мадлен бежит из гостиной, и улыбка Нейта, появляющаяся, когда он наблюдает за ней, захватывает дух. И я могу убить Эми и Габби за то, что подвергли меня всей этой ми-ми-мишности.

— Пойдем, — говорит Нейт, его рука слегка прижимается к моей спине, пока он ведет меня в гостиную.

Мистер и миссис Райт сидят рядом друг с другом, Джесса и Мадлен сидят прямо напротив них. К счастью, Итан и Эмили находятся на дальнем конце стола. Здесь осталось только два свободных стула, и они находятся рядом друг с другом, я уверена, что это не случайность. Нейт придвигает мой стул, когда я усаживаюсь, а затем садится на стул слева от меня. Когда я поднимаю взгляд, замечаю, что Итан смотрит на нас, и не буду лгать, чувствую удовлетворение от намека на ревность в его глазах.

Габби и Бен сидят напротив нас с Нейтом, слишком поглощенные друг другом, чтобы заметить, что все собралось на ужин. Они выглядят такими влюбленными, что было бы больно, если бы они не были моими друзьями.

Джесса думает о том же, о чем и я.

— Вы двое выглядите такими влюбленными, — говорит она, слегка вздыхая, пока разрезает свою лазанью. — Я помню этот взгляд. Он постепенно начинает угасать, когда ты гоняешься за четырехлетним кричащим ребенком.

— Ох, помолчи, — говорит Эми, бросив салфеткой в свою дочь. — У нас с вашим отцом вас трое, и мы все еще также смотрим друг на друга.

— Это чудо, после Нейта, — отвечает Джесса.

Нейт игриво усмехается.

— Очевидно, я был не так уж плох, поскольку у мамы и после меня папы был еще один ребенок. — Он снисходительно смотрит на Бена. — Они остановились после тебя, так что...

— Только потому, что они достигли совершенства, — говорит Бен, выпятив грудь.

— Кроме того, если они смогли пережить рвоту Джесс, они смогут пережить все.

Джесса смеется.

— Ты не видел рвоту, с тех пор...

— Рвота! — кричит Мадлен.

— Достаточно, — говорит мистер Райт — Джек, глядя возмущенно и в то же время удивленно. — Кажется, каждая беседа в этой семье перетекает в единственную: о физических особенностях.

— И все же Нейт, Джесс и я здесь, — говорит Бен, поднимая бокал вина. — Должно быть, в тот вечер, когда вы с мамой встретились, в воздухе возникла настоящая магия.

— Как вы познакомились? — спрашиваю я.

Трое детей Райтов одновременно застонали.

— Теперь ты сделала это, — говорит Бен.

Эми закатывает глаза.

— У вас всех, кажется, много мнений о людях, которых бы не было, если бы не тот вечер.

— Ну, я хотела бы послушать об этом, — говорю я.

— Спасибо, Келли, — отвечает Эми, и по улыбке на ее лице могу сказать, что она просто любит рассказывать людям эту историю. Раздраженные взгляды на лицах ее детей подтверждают, что она рассказывает ее часто.

— Я была студенткой по обмену в Париже. — На ее лице отстраненный взгляд, а на губах мягкая улыбка. — Искала тот крошечный театр искусств. В то время, я воображала себя совершенным снобом в сфере кино. Я искала его около часа, пользуясь картой, которую кто-то нарисовал на коктейльной салфетке. Я спрашивала окружающих, но мой французский был недостаточно хорош, чтобы понять направления, которые указывали мне люди. Я была настолько растеряна, а затем ручка моей сумочки зацепилась за конец скамейки. Когда я наклонилась, чтобы отцепить ее, то заметила, что к ней тянулись еще чьи-то руки. Это были руки Джека. — Она смотрит на своего мужа и обхватывает его лицо руками, прежде чем провести по нему пальцами. И хотя, я уверена, он слышал эту историю тысячу раз, он все еще выглядит полностью принадлежащим ей. — Он знал, где находится театр: он был там прежде бесчисленное множество раз. Мы отправились в маленькое бистро вниз по улице от театра, и закончили тем, что пропустили пьесу. Мы разговаривали, пока бистро не закрылось.

— Пока они не выгнали нас, — говорит Джек, нежно улыбаясь, когда смотрит на свою жену.

Эми улыбается и сжимает его руку.

— Он проводил меня до дома.

— Я ходил туда каждый день по пути на занятия. Я всегда знал, что в этом здании что-то особенное. — Джек касается лба Эми своим, и клянусь, это одна из самых милых вещей, которые я когда-либо видела.

— С тех пор мы вместе. И удалось принести в мир этих трех глупцов, — говорит Эми, смеясь.

— Вы бы не знали, как жить без нас, — отвечает Джесса, нарезая лазанью Мадлен.

Эми смотрит на меня.

— Мне всегда нравится говорить, что встреча с мистером Райтом была...

— Лучшим, что когда-либо со мной случилось, — Джесса, Нейт и Бен отвечают в унисон, звуча довольно сдержанно, говоря о событиях, которые привели к их существованию. Они, очевидно, поддразнивают свою мать, и она закатывает глаза. Джек наклоняется и дарит ей нежный поцелуй, и безумно трогательно видеть что-то настолько простое и романтическое между двумя людьми, которые вместе так много лет.

— Надеюсь, ты чувствуешь тоже самое, Габби, — говорит Эми.

— Да, — отвечает Габби, беря Бена за руку.

— Это так прекрасно, — Эмили прикрывает глаза, и все присутствующие за столом оборачиваются и смотрят на нее, совершенно удивленные тем, что она что-то сказала.

Нейт, к несчастью, первым нашелся что ответить:

— Это действительно прекрасно, — говорит он, демонстративно глядя на Итана. —

Истории о людях, уважающих свои обязательства, в наши дни немногочисленны.

Я сжимаю ногу Нейта под столом, в то время как Итан выглядит так, словно хочет, чтобы пол под ним разверзся и поглотил его целиком.

После ужина, мы с Нейтом стоим бок-о-бок у раковины. Он моет грязную посуду, а я расставляю тарелки в аккуратные ряды в посудомоечной машине. Меня беспокоит комментарий, который он сделал Эмили об обязательствах. С тех пор как он сказал это, пытаюсь понять, стоит или нет сказать ему что-то по этому поводу. Но Нейт заворачивает рукава своей рубашки, и я отвлекаюсь на его предплечья, наблюдая, как они окунаются в мыльную пену, насквозь промокшие, сильные и красивые.

Мне действительно следует брызнуть на себя немного воды, чтобы вернуть свои мысли назад, прежде чем я открою рот, но мы одни в доме, полным людей и свадьбой на подходе, кто знает, когда это случится снова? Мне нужно воспользоваться своим шансом, пока я здесь.

— Послушай, — говорю я, передвигая несколько кофейных чашек, чтобы освободить место для следующих, чтобы переставить на полку. — Мне не нужно, чтобы ты заступался за меня.

— О чем ты? — спрашивает Нейт, выключая воду и вытирая руки о полотенце.

— О том, что я не хочу, чтобы эта неделя была для кого-то неловкой. Я не хочу беспокоиться о том, что кто-то ворошит прошлое и швыряет его в лицо Итану или мне.

Нейт поворачивается ко мне, и по какой-то непонятной причине, я хочу приподняться и разглядить складку между его нахмуренными бровями.

— Я не пытался швырнуть прошлое в чье-то лицо, Келли.

Я вздыхаю, не совсем уверенная, объясняю ли я вещи так, что он понимает, к чему я веду.

— Возможно, это был не лучший способ выразиться. Просто то, что случилось между Итаном и мной — произошло между Итаном и мной. И теперь, я в этом неловком положении, находясь здесь и пытаюсь сохранять дистанцию, пока он все еще часть вещей, потому что его друзья — это и мои друзья. Это тяжело, и я не хочу беспокоиться об этом больше, чем следует. Я не хочу беспокоиться о том, что ты скажешь что-то еще, что вытаскивает все это наружу. Возможно, лучше это просто оставить так.

Рука Нейта касается моей, посылая дрожь по моему телу, что заставляет мой желудок сделать сальто.

— Я понимаю, что мы только что познакомились, и я многого о тебе не знаю, но... — Когда наши глаза встречаются, он делает глубокий вдох и поджимает губы, казалось бы,

пересматривая все, что собирался сказать. Что, конечно, делает меня слишком любопытной.

— Но что?

Глаза Нейта находят мои, и для меня настолько легко потеряться в этом глубоком, выразительном синем. Он качает головой, и уголки его рта приподнимаются в неуверенной улыбке.

— Ничего, — отвечает он, и возвращает свое внимание к посуде.

Глава седьмая

После того как мы с Нейтом заканчиваем уборку того беспорядка, который остался после ужина, он поднимается наверх и читает Мадлен сказку на ночь. Как только она крепко засыпает, со всех сторон подоткнутая одеялом, Нейт, Бен, Габби и я направляемся во внутренний дворик гостевого домика. Это красивое пространство с крышей и открытыми сторонами. Напротив дома располагается пространство для гриля, которое лучше большинства кухонь, в которых я когда-либо бывала, и большой каменный очаг со стороны дворика. Два двухместных диванчика расположены перед камином; Бен и Габби обнимаются на одном из них, в то время как мы с Нейтом сидим на другом с расстоянием между нами не более дюйма.

Я устраиваюсь на подушках и закрываю глаза. Мне нравится дуновение ветерка, касающегося прядей волос на моем лице, и я долго и глубоко вдыхаю. Тяжело вспомнить, когда последний раз я вот так свободно дышала. Словно это то, что я хочу делать, а не что должна.

— Тебе действительно нравится это место, так ведь? — спрашивает Бен.

Вчера Габби спрашивала меня об этом же, и я поняла, что мне не следует так явно демонстрировать это, дабы никто из Райтов не забеспокоился, что я захочу остаться здесь навечно. Однако, сегодня не тот вечер, когда я собираюсь волноваться по этому поводу.

— Да, — вдыхаю я, откидывая голову навстречу ветерку, прежде чем открыть глаза.

— Как вы, ребята, вообще покинули это место?

— Легко оставить это место, когда знаешь, что можешь вернуться сюда в любой момент, когда только пожелаешь, — отвечает Нейт с улыбкой. Небольшой размер диванчика не оставляет для нас много места, но я приветствую тепло от непосредственной близости его тела, подгибая под себя ноги, в попытке не впустить холод.

— Что сказал Нейт, — Бен обнимает Габби, и она прислоняется к его груди. Я чувствую под кожей знакомый укол ревности. Не потому, что мне нужен Бен, а потому, что скучаю по ощущению, когда кто-то обнимает меня подобным образом, всецело доверяя свое сердце, свою жизнь... свое все.

— Все же, — говорит Нейт, глядя на меня, — у этого места нет ничего общего с Колорадо.

— Что заставило тебя решиться жить там? — спрашиваю я.

В его глазах задумчивый взгляд, словно он уже скучает по тому месту. Взгляд, заставляющий мое сердце выворачиваться наизнанку. Он слишком прекрасен для подобного желания, и мне приходится сжать руки в кулаки, чтобы скрыть свою тягу к нему. Что в нем такого, что просто притягивает меня, словно магнит?

— Я пошел в Калифорнийский университет на стипендию по лакроссу^[3], и как только я сошел с трапа самолета, сразу понял, что должен был быть там. Я чувствовал себя как дома. Я полюбил горы, озера. Все, — говорит Нейт.

Бен вмещивается с небольшой братской издевкой:

— Нейту всегда нравилось карабкаться на что-то только для того, чтобы просто прыгнуть оттуда. В Колорадо полно мест, с которых можно прыгать.

— Это безумие, — смеясь, говорю я. Я даже не могу себе представить все увлечения Нейта. Дюльфер^[4], альпинизм. Лично мне нравится, когда мои ноги неизменно прочно

стоят на земле. Я не любительница надсмехаться над гравитацией, срываясь с высоты.

— Нет, — Нейт смотрит на меня, сведя брови вместе. Отблеск света от камина, танцующий на его лице, делает его выражение очень теплым. — Безумие — это знать, что в этом мире так много прекрасного и не пользоваться этим.

— Тебе не обязательно восходить на гору, чтобы доказать, насколько она прекрасна, — говорю я ему.

— Это так, но вид с вершины гораздо лучше, — Нейт поддается вперед, опираясь локтями на колени. — Мне нравится ходить пешком по местечку, называемому Уиллоу-Лейкс. Встань рано утром и пройди по тропинкам, пока воздух еще свеж, а вода отражает настолько, что тымотришь на горы, словно через зеркало. Это изменит твою жизнь.

Он говорит так, будто приглашает меня туда с собой. Словно подумывает однажды сделать это.

— Келли бы не повредили такие жизненные перемены, — говорит Габби. — Возможно, тебе как-нибудь стоит показать ей это.

— Я могу показать тебе много вещей, — отвечает Нейт, его голос очень мягок и низок. Он смотрит на меня так, словно я единственный человек во всем мире.

От его взгляда у меня в горле встает ком, и мне приходится сильно потрудиться, чтобы проглотить его.

— Келли не особо хорошо ладит с природой, — типичный Бен, нарушающий неловкость. На сей раз я благодарна ему за это.

— У меня все нормально с природой, — спорю я. — Пока природа держится в стороне от меня. — Могу сказать, это начало "Истории Времени с Габби и Беном" с участием рассказов о Келли против Матери-природы. Довольно много подобных историй на любой выбор.

Габби смотрит на меня и закатывает глаза.

— Нейт, повезло, что тебе вообще удалось на днях вывести ее на реку.

— Везение не имеет с этим ничего общего, — говорит он Габби, но смотрит на меня.

Уголки его рта приподнимаются в лукавой улыбке, заставляющей мой желудок трепетать.

Я хочу дотянуться до Габби и зажать ей рот рукой, чтобы заставить ее заткнуться. Хочу сказать ей, что вытащить меня на эту реку было не везением, а ее глупыми происками. Не могу поверить, что она становится такой очевидной в своем стремлении свести нас с Нейтом. Не то чтобы это действительно имеет настолько большое значение, принимая во внимание нас обоих. Но я не хочу, чтобы ему было неловко, и что немаловажно, не хочу, чтобы было неловко вообще кому-либо.

— Я могу быть довольно очаровательным, — довольно очаровательно говорит Нейт. Он откидывается на диванные подушки, перед тем как вытянуть перед собой ноги.

Я наклоняюсь, подхватываю одну из своих вьетнамок и шутливо бросаю в него. Он смеется, негодяй. Красивый, очаровательный негодяй.

— Сохраню это, — говорит он, удерживая мою вьетнамку, будто та, своего рода, ценный объект.

— Хорошо, — шутливо показываю ему язык.

— Откуда взялась эта глубоко укоренившаяся боязнь приключений? — Нейт надевает мою вьетнамку себе на ногу и пробегает подушечкой большого пальца по цветочному узору на ремешке.

— Не спрашивай ее, — поддразнивает Габби. — У нее список отвращений длиной примерно в милю.

— Это неправда!

Она с неодобрением отводит от меня взгляд, и весь мой гнев перерастает в смех.

— Ну, это в основном неправда, — полагаю, я не могу действительно отрицать это, на этот раз они меня достали.

— Это абсолютная правда, — говорит Бен.

— И ты туда же, — отвечаю я, свирепо уставившись на него. — Неужели все будет так же, когда вы поженитесь? Вы двое сговорились против меня?

— Позволь мне рассказать ему историю о весенних каникулах на втором курсе, — Бен практически умоляет, и отчаяние в его голосе дико раздражает, — про озеро.

Я пожимаю плечами, в каком-то смысле побежденная, и Бен воспринимает это как "да".

Он смотрит на Нейта, прежде чем начинает рассказ, который наверняка адски меня смутит.

— Мы отправились на одно озеро в центральном районе Техаса во время весенних каникул. — Нейт, похоже, чересчур слишком, для моего комфорта, заинтересован в этой истории. — Мы немного выпили, и Итан... — Бен запинается в своем повествовании, словно упоминание имени Итана заставит того появиться прямо из воздуха.

— Продолжай, — говорю я, стараясь не казаться раздраженной, как есть на самом деле. Он уже поднял эту тему, так что нет смысла останавливаться.

Бен, к его чести, колеблется, перед тем как вспомнить, на чем остановился, желая убедиться, что я в порядке, прежде чем продолжить. В данный момент я чувствую себя в ловушке. Если я скажу ему остановиться, то буду выглядеть, словно плохой игрок, если позволю ему продолжить, ну..., наверное, скоро узнаю, что произойдет.

— Итан все выходные донимал ее влезть в шину на цепях. Помнишь, похожая на ту, которая была у одного дедушки на озере рядом с его домом?

Нейт кивает и мгновение смотрит на меня, перед тем как возвращает внимание к своему брату.

— В общем, — продолжает Бен, — шина свисала с того дерева...

— Это было проклятое огромное дерево на краю обрыва, — говорю я, перебивая. Я хочу прояснить ситуацию, потому что эта история кажется немного менее значительной, чем я уверена, прозвучит из уст Бена.

— Келли, это был не обрыв, — смеется Бен.

— Это был обрыв, — говорю я Нейту, хотя знаю, он думает, что я преувеличиваю. Но это нет так. Ну, если только совсем немного.

— У Келли, наконец, хватило храбрости влезть в нее, и Итан оттолкнул ее.

— Он толкнул меня, — говорю я, сверля Бена взглядом. Он был там и знает, что это не преувеличение. Я забыла о том, каким придурком Итан мог иногда быть еще даже до измены.

— И она полетела с дикими воплями. Мы все кричали ей отцепиться, но она ждала слишком долго, и шина замедлилась до такой степени, что она просто выскользнула из нее, — Бен просто помирает от смеха, и Габби от него не отстаёт.

Я знаю, что выглядела нелепо, но не могу избавиться от чувства, что сейчас, как и тогда, эти двое засранцев смеются надо мной. Мои щеки краснеют, и я говорю себе, что просто смущена рассказом, а не тем, что эта история была рассказана в присутствии Нейта.

Я украдкой смотрю на него, беспокоясь, что он тоже смеется. Но нет. Он смотрит так, словно в данный момент хочет пнуть задницу Бена.

— Таким образом она просто, крича, висела там на основании этой качающейся шины, — продолжает Бен.

— А вы, два придурка, смеялись так же, как и сейчас, — говорю я, стараясь не казаться раздраженной. Я думаю, что лучше закончу эту историю сама, ради своего же душевного спокойствия.

— Я наконец, отцепилась, и упала в эту отвратительную воду, кишашую угрями. Они кружили вокруг меня, словно охраняли врата ада. — Я вздрагиваю, желая вырвать из памяти противное ощущение их скольжения по моим ногам. Так омерзительно.

— Врата ада? — говорит Нейт, наконец, выдавив улыбку.

— Да, — кивая, отвечаю я, — Если ад действительно существует, то ворота к нему охраняются угрями, я в этом уверена. — Я потираю предплечья руками, пытаюсь согреться. Мне должно быть достаточно тепло от всего гнева и смущения, протекающим по моим венам, но нет.

Нейт придвигается вперед, расстегивает рубашку с длинным рукавом, надетую поверх футболки, затем накидывает ее мне на плечи.

— Ты не замерзнешь? — спрашиваю я.

Он улыбается и качает головой:

— Неа.

— Спасибо, — отвечаю я. Рубашка пахнет им: этот чистый, бодрящий запах, который я помню с нашей ночи в Далласе. Вся моя выдержка уходит на то, чтобы не зарыть лицо в воротник и глубоко вдыхать этот запах. — Полагаю, мораль этой истории такова: во-первых, мне нужны новые друзья. Во-вторых, я никогда снова не войду в воду, где не смогу видеть свои ноги.

Пальцы Нейта касаются манжетки его рубашки, надетой на мне.

— Ты сделала это вчера, — наши взгляды встречаются, и он посылает мне нежную улыбку.

— Да, полагаю, что так, — я удивлена, что не поняла этого раньше.

Он наклоняется настолько близко ко мне, что я могу почувствовать его теплое дыхание на своей щеке.

— Находясь рядом со мной, думаю, ты будешь способна сделать намного большее, чем то, что ты думала никогда не сделаешь.

Не совсем уверена почему, но чувствую, что он прав.

Глава восьмая

— Даже не уверена, как на это реагировать, — говорю я, когда весьма терпеливый парикмахер по имени Джозефина приглаживает несколько прядей волос Габби назад в самой простой изящной прическе, которую я когда-либо видела. — Думаю, возможно, тебе нужен большой цветок прямо здесь, — я указываю на голову Габби, и она, улыбаясь, шлепает меня по руке.

— Серьезно, Келли. Что ты думаешь? — спрашивает Габби, с надеждой глядя на меня

— Думаю, если б я должна была выбрать для тебя прическу на твою свадьбу, то выбрала бы именно эту. — Я нежно кладу руку на ее плечо, и она слегка сжимает ее.

— Идеально, Джозефина, — говорит Габби, поворачивая голову, чтобы полюбоваться собой.

— Она будет отлично смотреться с корсетом твоего платья. — Эми встает позади Габби, улыбаясь ее отражению.

Габби пытается улыбнуться в ответ, но это грустная улыбка, которая не достигает ее глаз. Я узнаю этот взгляд в ее глазах, который я видела сто раз на протяжении последних нескольких лет. Как мать, Эми тоже узнает его, поэтому отводит Джозефину в сторону, чтобы окончательно обговорить все нюансы свадебной подготовки в субботу утром. Я стараюсь не успокаивать Габби, пока мы в комнате еще не одни, потому что знаю, как она относится к людям, создающим шумиху вокруг нее. Но я так сильно хочу обнять ее, проявить такую сильную любовь, из-за которой она не сможет чувствовать никакую боль. Я хочу оградить ее от печальных мыслей и возвести вокруг нее такую высокую стену, что к ней не сможет найти дорогу ни одно горькое воспоминание. Лишь счастье и любовь.

Габби словно чувствуя, что я хочу ее обнять, качает головой и, вставая, хватая салфетку с туалетного столика. Она очень тщательно старается избегать моего взгляда, и я не понимаю, не от того ли это, что она думает, что заплачет, если сделает это. Независимо от того, что для нее проще, я хочу это сделать.

— Прическа для невесты и локоны для подружек невесты, — говорит Джозефина, читая и утверждая с Эми наши прически по записной книжке, которую держит в руках. — Я буду здесь ровно в восемь.

Эми смотрит на нас с Габби, понимая, что нам нужно несколько минут наедине.

— Я провожу Вас, — говорит она, следуя за Джозефиной через дверь в гостевую комнату, которую она выделила для свадебной подготовки гостей невесты.

Затем, только мы вдвоем остаемся в комнате, укомплектованной зеркалами и туалетными столиками для праздника. И пока я осматриваюсь и замечаю все особенные штрихи, которые Эми создала с целью убедиться, что все идеально для свадьбы, я ощущаю этот внезапный порыв привязанности к ней. В любом случае, она заботливая женщина, и я знаю, что она любит Габби, но все же она изо всех сил старается, дабы убедиться, что Габби знает это. В этот день ей нужно почувствовать, что она — часть семьи больше, чем в любой другой. Габби идет за ширму в углу комнаты, и я слышу шуршание чехла, в котором висит ее свадебное платье, пока она его открывает. Я не совсем уверена, что сделать или сказать, чтобы заставить ее почувствовать себя лучше, поэтому присаживаюсь на край кровати.

— Тебе нужна помощь? — спрашиваю я, отчаявшись, разорвать тишину между нами.

— Пока нет. — Ее голос слегка дрожит, и могу сказать, что она отчаянно пытается

держаться.

Зная ее слишком хорошо, я хочу сказать ей, что плакать — это нормально. Но глубоко в душе я понимаю, что это ничем не поможет. Вместо этого я пытаюсь переключить ее внимание с того, чего ей не хватает, на то, что она обретает.

— Ты обретаешь очень классную семью, Габ, — говорю я тихо. — Они все очень сильно тебя любят.

Она не отвечает, но в этом и нет необходимости. Я знаю, что она прекрасно понимает, как каждый из семьи Райтов относится к ней. Как только я собираюсь открыть рот, чтобы завести какой-нибудь разговор, Габби выходит из-за перегородки с опущенной головой и, дойдя до зеркала в полный рост, которое прислоненно к стене, останавливается.

— Поможешь застегнуть?

Я подхожу к ней и медленно застегиваю молнию. Это платье создано для Габби: элегантное и сдержанное. Великолепное. Классическое. Прекрасное облегающее платье из кружева и шелка с вырезом "сердечко" и абсолютно идеальным силуэтом для ее фигуры.

Когда платье застегнуто, я встаю перед зеркалом, чтобы взглянуть на Габби. Позади нее через окно сияет солнце и отражается от зеркала, отбрасывая на ее лицо красивый свет, а волосы, собранные сзади, подчеркивают высокие скулы и тонкие черты лица.

— Посмотри на себя, — тихо говорю я, улыбаясь сквозь слезы, наворачивающиеся на глаза. Кажется, будто только вчера мы вдвоем играли в переодевание в спальне моей мамы и притворялись, что готовимся к нашим собственным свадьбам. И вот она, выглядит великолепно, чем кто-либо из нас мог бы себе представить. — Ты так прекрасна, Габ.

И эти слова, наконец, заставили ее заплакать, возможно потому, что больше всего на свете она хочет, чтобы ее мама и папа были здесь, говоря их ей.

— Я скучаю по ним, Келли, — говорит она, и слезы текут по ее щекам. — Мне хотелось бы, чтобы они присутствовали здесь. — Это настолько похоже на нее — пытаться держать себя в руках, потому что она всегда была тем типом людей, которые считают, что они должны быть сильными ради всех остальных, и после смерти родителей это только усилилось. Это произошло ровно через месяц после восемнадцатилетия Габби. Мистер и миссис Морган вышли из дома, нарядившись для похода в театр, но из-за грозы дороги были скользкими, и мистер Морган свернул позднее лишь на долю секунды...

Я провела ночь в ее доме, и стояла рядом с ней, когда она открыла входную дверь двум сотрудникам полиции, выразившим свои соболезнования. Я редко отходила от нее во время следующих тяжелых месяцев. Такой опыт образует настолько прочную связь между двумя людьми, что ей даже не нужно говорить, что она собирается сказать. Я уже знаю это, и мне хотелось бы сделать что-нибудь, дабы воплотить ее желание в реальность.

— Я бы все отдала, чтобы они были здесь, — шепчет она.

— Я знаю, — говорю я, крепко обнимая ее. Из всех сил стараюсь подобрать правильные слова, не желая выказывать ей банальные сантименты, говоря ей, что они в лучшем мире, откуда присматривают за ней. Такой тип мышления редко утешает человека, который предпочел бы, чтобы его близкие были рядом. — Я люблю тебя, — наконец, вырываются из меня слова.

Она мгновение молчит, прежде чем говорит:

— Я тоже тебя люблю. — Ей требуется время, чтобы отпустить меня, и когда она отстраняется, то улыбается сквозь слезы. Она обмахивает лицо и быстро проводит по щекам обратной стороной ладоней, и я улыбаюсь ей. Она никогда не умела справляться со столь

сильными эмоциями.

— Пожалуйста, расстегни платье, чтобы я смогла снять его до того, как испачкаю его тушью.

Я смеюсь, представляя ситуацию, которая бы последовала после того, как она поняла, что на ее нетронутом белом платье черное пятно. После того как я его расстегнула, она возвращается за перегородку в углу комнаты.

— Поговори со мной о чем-нибудь, что не заставит меня плакать, — говорит она, звуча немного более похожей на саму себя.

— Хорошо, — отвечаю я, ломая мозг над тем, чтобы придумать другую тему. В итоге, я выдаю тупейшую мысль, пришедшую мне в голову:

— Ты бы вышла замуж за Бена, если бы он разговаривал как бурундук?

Думаю, ее смех — самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала.

Глава девятая

Ближе к полуночи, настойчивые удары спинки кровати о мою стену с той стороны вынуждают меня покинуть спальню. На самом деле, Итан никогда не был таким диким в постели, так что, либо он пытается разозлить меня самым дешевым из возможных способов, либо его новая девушка серьезно раскачала его мир. Я понимаю, он хочет, чтобы я, по крайней мере, думала, что она именно это и сделала. С ним возможно все. Независимо от причины столь позднего нарушения спокойствия, я не хочу это слушать.

Поскольку я пока не собираюсь спать, могу попытаться немного поработать. Мои окна открыты, и ветерок, влетающий через них, приятно охлаждает, поэтому я хватаю ноутбук и выхожу на улицу, надеясь, что смогу поймать там сигнал Wi-Fi. Я выхожу во внутренний дворик и направляюсь к камину, щелкнув выключатель, который Нейт включал прошлой ночью. Гамак, висящий между опорами на правой стороне крыльца, практически взывает ко мне, поэтому я плюхаюсь в него и открываю свой компьютер.

В темноте я прищуриваюсь от яркости экрана, но глаза быстро привыкают. К счастью, мне удастся подключиться к сети. В моем почтовом ящике есть несколько предложений о разработке сайтов, поэтому я просматриваю свой календарь, чтобы понять, смогу ли вместить работу в свое расписание. Ответив этим клиентам, я открываю проект, который практически закончила. Я играю несколькими размерами шрифта и корректирую некоторые цвета, пока конечный результат не устраивает меня.

— Ты собираешься спать здесь?

Я так пугаюсь, что чуть не вываливаюсь из гамака, но благодаря удивительно быстрой реакции с моей стороны, мне удается удержать ноутбук от падения на землю. Я так потерялась в своей работе, что даже не услышала, как подошел Нейт.

— Теперь уж точно не собираюсь, — задыхаясь, говорю я, театрально схватившись за грудь.

— Не хотел тебя напугать, — говорит он с легкой усмешкой, обходя гамак с дальней стороны. — Я увидел, что камин включен и решил убедиться, что все в порядке.

— На случай, если бы я оказалась вором? — спросила я, ухмыльнувшись.

— Воры обычно не присаживаются и не чувствуют себя как дома, но никогда не знаешь наверняка.

— Очевидно, что вор никогда не стал бы сидеть в гамаке.

Нейт улыбается, кончиками пальцев скользя по веревке.

— Не против, если я присоединюсь? Обычно, когда я приезжаю домой, это мое место, но теперь оно узурпировано одной... одной...

— Незнакомкой.

— Нет, — отвечает он мягко, покачивая головой. — Определенно, нет.

Мое сердце замирает, когда он смотрит на меня со скрытым желанием. Прежде чем передумаю, я двигаюсь, чтобы освободить место для него. Пробираясь на другую сторону гамака, он случайно касается рукой моей ноги.

— Господи, Келли. У тебя ледяные ноги.

— Поэтому я включила камин, — говорю я, спеша закончить письмо, над которым работала, когда он прервал меня.

Нейт спрыгивает с гамака, направляясь к шкафчику на другой стороне крыльца, и

достаёт плюшевое одеяло. Он разворачивает его, направляясь ко мне, и накрывает меня, перед тем как вновь опуститься в гамак. Я невольно улыбаюсь тому, насколько он внимателен; кажется, ему всегда точно известно, что мне нужно, что замечательно, учитывая тот факт, что я знаю его всего несколько дней. Я решаю не заикливаться на этом факте, потому что мысли о том, насколько он мил, застают меня врасплох.

— Спасибо, — говорю я, в восторге от тепла на моих голых ногах и, наслаждаясь теплом от тела Нейта, пока он проскальзывает под одеяло. Он улыбается мне, обхватив и подтянув мои ступни к своей груди. Он растирает их (словно это само собой разумеющееся), вызывая ноющую боль. С моих губ срывается небольшой вздох, в то время как я, игнорируя работу, прислоняюсь головой к веревке и наслаждаюсь ощущением того, что кто-то заботится обо мне. Прошла вечность с тех пор, как я чувствовала нечто подобное.

— Итак, — улыбаясь, говорит мне Нейт. — Что ты здесь делаешь?

Я глубоко вдыхаю и касаюсь подбородка указательным пальцем, пока решаю, хочу ли рассказать ему правду.

— Скажем так, в соседней комнате был некоторый шум. Я побоялась, что если останусь там немного дольше, то меня затянуло бы в один неловкий развращенный порно-водоворот.

Нейт втягивает воздух через нос, и когда он продолжает потирать мои ноги, его поглаживания оказывают чуть большее давление.

— Могу ли я просто сказать, без всякой личной заинтересованности, что я действительно рад, что ты рассталась с этим придурком?

Я киваю и смотрю вниз на клавиатуру. Я действительно не знаю, что на это ответить.

— Чертовски низко поступать так с кем-то, не говоря уж о том, кому ты..., — Нейт умолкает, качая головой. — Извини, это просто вывело меня из себя.

— Если это заставит тебя почувствовать себя лучше, то удары с чрезмерным энтузиазмом заставили меня подумать, что это было не по-настоящему. И стоны были... театральными.

Нейт смеется.

— Постоянные удары показывают отсутствие мастерства. И думаю, требуется намного больше таланта, чтобы заставить женщину почувствовать себя настолько хорошо, чтобы она не смогла издать вообще никаких звуков.

Мои щеки покраснели, когда я посмотрела на него, его глаза настолько впечатляющие, когда смотрят в мои. Я затаила дыхание, вспомнив ночь, которую мы провели вместе, время, когда он заставил меня почувствовать себя настолько хорошо, что я не могла дышать, не могла пошевелиться, не могла издать ни звука. Добившись своей миссии, заставив меня смутиться, Нейт меняет тему.

— Над чем ты работаешь? — спрашивает он, словно только что и не заставил мой мир перевернуться.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоить колотящееся сердце.

— Просто несколько предложений для создания кое-каких сайтов. Обычно у меня нет перерывов в работе, и я, на самом деле, боюсь отстать. Всего один или два дня больше на подготовку могут создать разницу между весьма счастливым и весьма недовольным клиентом.

Нейт кивает, откинув голову на гамак.

— Я думал, что одно из преимуществ быть собственным боссом — возможность брать выходной, когда захочется.

— Не тогда, когда у тебя маленький бизнес, — смеясь, отвечаю я. Выходной? Он шутит? — Хотя, классно иметь возможность работать везде, где ни захочется.

— За исключением твоей спальни там наверху, — говорит он с кривой ухмылкой.

— За исключением моей спальни.

— Могу я посмотреть, над чем ты работаешь? — кивает он в сторону моего ноутбука.

— Нет, — отвечаю я мягко, с усмешкой. Закрываю крышку ноутбука. Позволить ему посмотреть несколько моих проектов не будет большой проблемой, но я слишком стесняюсь своей работы и переживаю о том, что делать, если ему не понравятся мои эскизы. Как ни глупо это может звучать, но мне кажется, что это сильно расстроит меня.

Если его беспокоит моя реакция, то он не признается.

— У тебя есть какой-нибудь совет для того, кто только начинает бизнес?

Я поднимаю брови, потому что немного удивлена его вопросом.

— Зачем? Ты думаешь заняться чем-то?

— Друг, с которым я встречался в Колумбии перед тем, как приехал сюда, хочет, чтобы я стал его партнером в разработке линии походного снаряжения. — Пальцы Нейта до сих пор лежат на моих ногах, и я тут же начинаю скучать по поглаживаниям. Я, также, замечаю, что его глаза опущены, когда он говорит об этом смелом начинании, очевидный показатель того, что он, по какой-то причине, не слишком взволнован этим. И я хочу выяснить, что это за причина.

— Мой первый совет заключается в том, что, вероятнее всего, ты должен быть в восторге от своего продукта, если, хоть самую малость, надеешься успешно его продать, — поддразниваю я, мягко толкнув его коленом.

Проходит какое-то время, прежде чем мы встречаемся взглядами.

— Я в восторге, — наконец-то, говорит он, глядя на меня. — Дело в том, что мой отец думает, будто это пустая трата времени. Он не слишком-то это поддерживает.

— Если он похож на мою маму, то просто переживает за тебя. Во времена их молодости, начало предпринимательской деятельности было не таким рискованным предприятием, как в наши дни. Не пойми меня неправильно, оно было рискованным, но не таким, как сегодня. Они не понимают, что у нас нет таких возможностей, которые были у них. Корпоративная среда в наши дни настолько отличается, и каждой компании просто недостаточно сократить издержки и увеличить штат, чтобы усердно работать и быть лучшими. Сложно подняться. Двигаться куда-нибудь, — говорю я ему. — Иногда тебе нужно взять все в свои руки. Или, по крайней мере, попробовать.

Выражение его лица тут же смягчается, и инстинктивно я понимаю, что сказала правильную вещь. Нейт возвращается к поглаживанию моих ног, и я делаю глубокий вдох и ахаю, когда он находит уязвимое место, нуждающееся в особом внимании.

— Мне нравится моя работа, — объясняет он. — Я просто хочу попробовать что-нибудь новое.

— Думаю, тебе следует это сделать. Вы придумали название?

— Кайлу — моему другу — нравится «Rocky Mountain Rec», но... Я не знаю.

— Мне тоже нравится. — Мне не требуется даже и десяти секунд, чтобы начать мысленно выстраивать идею логотипа, хотя Нейт даже не дает мне ни малейшего намека на то, что ему интересна моя идея. — Все просто, прямо слетает с языка. Передает цель компании, — говорю я, с зевком заканчивая предложение.

Нейт нежно мне улыбается перед тем, как нежно похлопать меня по ноге.

— Пойдем, — говорит он, перекинув ноги на другую сторону гамака. Как только он встает, то предлагает мне руку. Я слишком устала, чтобы спорить, и слишком заинтригована, чтобы не принять ее.

— Куда мы? — я позволяю ему поднять меня. Он берет мой ноутбук, затем идет и выключает камин.

— Обрато в дом, в комнату, свободную от порно, в которой тихо и спокойно. Сегодня ты можешь спать в моей комнате. Я лягу на полу. А завтра утром я попрошу маму выделить тебе другую комнату.

— Ты не обязан этого делать, — говорю я, моргая сонными глазами.

— Я знаю. — Он улыбается мне, и это настолько прекрасное зрелище, что я просто встаю и следую за ним в главный дом.

Я следую за Нейтом через кухню; дом устрашающе тих по сравнению с тем, как громко здесь обычно, когда семейство Райтов собирается вместе. Я изо всех сил стараюсь не шуметь, поэтому тихо крадусь на цыпочках, боясь кого-нибудь разбудить.

— Я единственный, чья комната находится внизу, — объясняет Нейт. Он говорит не совсем обычным голосом, и мягкость в интонации заставляет меня улыбнуться. — Никто нас не слышит.

Он ведет меня в гостиную с телевизором размером с киноэкран и деревянным балочным потолком, затем вниз по длинному коридору. Снимки в винтажных рамках украшают стены, и часть меня хочет попросить его притормозить, чтобы я смогла хорошенько их рассмотреть. Но мои веки тяжелы, а завтра еще будет время их посмотреть.

— Эта моя, — говорит Нейт, ведя меня через слегка приоткрытую дверь в конце коридора. Он тянется и включает свет, и я улыбаюсь, когда вижу его комнату изнутри. Я знаю, что он вырос здесь, и ожидала увидеть двухъярусную кровать и постеры полуголых женщин; ну, вы знаете, типичный подростковый стиль. Но эта комната не выглядит, будто когда-либо принадлежала подростку. Либо Эми переделала ее, после того как Нейт уехал в колледж, либо у него всегда был хороший вкус.

Стены насыщенного бежевого цвета, и ряд книжных шкафов из темного дерева у стены напротив двери. В книжных шкафах хранится бесчисленное множество книг. Некоторые из них лежат на боку, некоторые — выстроены в ряд по размеру, от самых высоких к самым низким. Переплеты всех их сильно потрепаны, и мне нравится тот факт, что он любит читать. Я не собиралась об этом спрашивать, но это приятно знать. Вместо постеров полуголых моделей, которые я ожидала увидеть — картины озер и гор. Плакаты сноубордистов и лыжников. Все вокруг заставлено спортивным инвентарём, и им же занят почти каждый предмет мебели. Лыжи, клюшка, теннисная ракетка. Даже если бы я не знала, что Нейт — управляющий магазина спортивных товаров, я бы догадалась об этом, основываясь на огромном количестве вещей, находящихся в его комнате.

Кровать Нейта огромна и идеально заправлена. Я не могу перестать думать, его ли это рук дело, или Эми приходит сюда каждое утро, когда он дома, и заправляет его кровать. Я понимаю, что любой из двух вариантов имеет место быть.

— Ванная здесь, — говорит Нейт, открывая дверь позади себя. — Я постараюсь не забывать опускать сиденье для тебя. — Он подмигивает, так что я понимаю, он шутит, и когда я прислоняюсь к дверному проему, чтобы заглянуть внутрь, не могу поверить, насколько огромна ванная. Красиво выложенная плитка с открытым душем, наподобие тех, что вы можете увидеть в журнале по дизайну. Определенно, Эми и Джек недавно сделали

здесь ремонт. Никаких шансов, что это место выглядело также, когда Нейт учился в старшей школе.

Он подходит к своему шкафу, достает одеяло и две подушки, затем расстилает одеяло на полу. Обходит импровизированную постель и стелет простыни на свою настоящую кровать, подготавливая ее для меня. Он взбивает подушки с театральным хлопком, и затем указывает руками.

— Это все твое, — говорит он.

Я забираюсь в постель, и она мягче, чем я могла себе представить. Мои колени утопают в перине, пока ползу на другую сторону, и я ловлю себя на мысли, что рада тому, что у Итана дешевый громкий секс с его новой девушкой, потому что этот матрас гораздо лучше того, что в моей гостевой комнате. Я пытаюсь сказать себе, что мой комфорт никак не связан с тем, что Нейт настолько близко. Он накрывает меня одеялом, затем с нежной улыбкой на лице встречается со мной взглядом. Его взгляд задерживается, и у меня такое чувство, словно он хочет что-то сказать, но вместо этого просто шепчет:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Нейт скользит кончиками пальцев вдоль одеяла, и затем разворачивается и входит в ванную, закрыв за собой дверь. Я поворачиваюсь на бок и наблюдаю в щель под дверью за тенью от его ног. Вся постель пахнет им, я возвращаю голову на подушку и вдыхаю. Это не одеколон или нечто подобное, что вы можете купить, это сочетание чистоты и свежего воздуха, которое присуще ему, и я хочу набрать его в бутылку, чтобы забрать с собой домой. Что-то мне подсказывает, что запах не был бы столь притягательным, если бы Нейта не было рядом, но я отталкиваю эту мысль подальше.

Нейт выходит из ванной, одетый в серую футболку и голубые шорты, и когда он тянется выключить свет, я зову его.

— Да?

— Тебе не обязательно спать на полу, — говорю я, сжав губы, когда оттаскиваю простынь, чтобы освободить для него место.

— Ты уверена?

Я уверена, что, скорее всего, это глупый шаг с моей стороны. Но я хочу, чтобы он был в этой постели рядом со мной. Я не могу этого отрицать.

— Ты уже был во мне, — говорю я, пытаясь поддразнить его. — Делить кровать, по сравнению с этим, ничто.

Когда наши глаза встречаются, моя предполагаемая шутка кажется слишком глубокомысленной. Но губы Нейта приподнимаются в полуулыбке, и он, так или иначе, забирается в постель.

Я лежу на боку, а он — на спине, хотя могу сказать, что он хочет повернуться в мою сторону. Возможно, из-за того, что я в постели, или потому, что он всегда так спит, я не знаю. Он смотрит на меня, и я улыбаюсь, надеясь, что он поймет, что я не против того, чтобы он двигался. Мы ощущаем неловкость, словно пара подростков; это в какой-то степени мило и определенно сводит с ума. Наконец-то, он поворачивается, его глаза по-прежнему прикованы ко мне, и я не могу отвести взгляд. Не хочу. Лунный свет, льющийся через окно позади меня, отбрасывает самое красивое сияние на его лицо. Голубоватое и немного неясное, словно я в каком-то легком тумане. Нейт улыбается этой довольной, ленивой улыбкой, словно ни в одном месте мира ему не было бы лучше, чем здесь, в этой

постели со мной.

— Ты будешь здесь, когда я проснусь? — спрашивает он.

Это мог бы быть мстительный вопрос, учитывая то, как я повела себя в последний раз, когда мы были в одной постели. Но он так тихо спрашивает, что больше похоже на желание, чем на что-либо другое.

— Да, — шепчу я.

Мгновение он смотрит на меня, затем тянется и заправляет прядь волос мне за ухо, кончиками пальцев нежно скользит по моей щеке. Его прикосновение оставляет горячий след на моей коже, заставляя меня желать большего. Это опасное, прекрасное чувство. Он быстро убирает руку со вспышкой сожаления, промелькнувшей на лице. Мне это не нравится; я больше предпочитаю улыбку, которую видела мгновением раньше.

Возможно, это от того, что я соскучилась по тому, чтобы вот так просто спать с кем-то, или, возможно, от того, что я соскучилась по ощущению чьей-то кожи, я не знаю. Но я тянусь и переплетаю наши пальцы, соединяя наши руки.

Закрываю глаза и засыпаю намного крепче, чем за все эти последние месяцы.

Глава десятая

Утренний воздух прохладен и свеж, и солнце сияет очень ярко, предвещая наступление прекрасного дня. Джесса, Бен, Габби и Мадлен идут перед нами, прокладывая новую тропинку по мягкой зеленой траве в поле позади дома Райтов. Мы с Нейтом плетемся за ними, через каждые пару шагов, улыбаясь, смотрим друг на друга. Иногда первым отворачивается он, иногда — я. Но наши глаза всегда находят друг друга, от чего внутри меня разливается тепло.

Прошлой ночью я осталась с ним и утром все еще была там, как и обещала. Когда мы проснулись, наши руки и ноги были переплетены: его левая рука онемела от того, что на ней всю ночь лежала моя голова, а моя нога затекла, с середины ночи застряв в ловушке между его икрами. Он массировал мою ногу до тех пор, пока она вновь не обрела чувствительность, а я скользила пальцами вниз по его руке, помогая привести ее в чувство. Мы смеялись и дразнили друг друга до тех пор, пока наконец-то, не скатились с кровати, и покинув его комнату, я почувствовала боль, совершенно непохожую на ту, которую испытывала, когда покидала его в отеле ранним утром после того, как мы переспали.

В душе я слишком долго и слишком много думала о том, что должна и не должна чувствовать, и дала себе слово держать с ним дистанцию, только для того, чтобы защитить свое сердце. Потом я увидела его за завтраком, когда он рассказывал Мадлен глупую историю о троллях, в попытке заставить ее съесть яйца, и поняла, что не смогу держаться в стороне от него. В любом случае, какая теперь разница? Через четыре дня он вернется в Колорадо, а я — в Техас, и на этом все закончится. Что неправильного в том, чтобы наслаждаться этим, пока есть возможность? Мне просто нужно быть осторожной. Я смогу быть осторожной.

Джесса и Габби держат Мадлен за руки, раскачивая ее в воздухе во время ходьбы. Я помню, как делала также, будучи маленькой, когда мои родители все еще были вместе. Это одно из моих самых ранних воспоминаний и одно из тех немногих, которые у меня есть, с тех пор, когда мы были вместе, как семья. Пронзительный хохот Мадлен, пока она качается взад-вперед, звучит так, будто это лучшее время в ее жизни.

— Знаешь, — говорит Джесса, — помню, когда мама и папа качали так Бенни, и его руки выскользнули из их. Он приземлился на спину. — Она смеется так, как любая сестра смеялась бы над злоключением одного из ее младших братьев и сестер.

— Так вот, что произошло, — смеется Нейт, глядя на свою сестру, словно это разумное объяснение тому, что он всегда думал, будто с Беном было что-то не так.

— Ну, если вы спросите меня, думаю, Нейт определенно показывает классические признаки сильного удара головой, — говорит Бен.

— Тебя никто не спрашивал, — смеясь, отвечает Нейт. Он подмигивает мне, прежде чем посмотреть вперед, и все внутри меня трепещет.

Бен игнорирует его.

— Помнишь, когда он побрился в средней школе? Так неровно. — Он оглядывается на своего брата, указывая на его голову.

Нейт притворяется обиженным.

— Моя голова практически идеальной формы. И лысым я выглядел круто. — Он наклоняется настолько близко ко мне, что я чувствую ухом его щетину. — Я на самом деле

выглядел круто.

С волосами, без волос. Не представляю, что Нейт может плохо выглядеть.

— Каждый выглядит круто побритым налысо, когда это его выбор, — говорит Джесса. — Как только проявится семейное облысение Райтов, вы по-другому запоете.

— Всегда есть "Регейн"^[5], — смущенно потирает затылок Бен.

Габби пытается быть незаметной, отклоняясь назад, чтобы лучше рассмотреть его ситуацию с волосами, и я смеюсь. Мадлен вырывается от Габби и Джессы и опережает нас, ее длинные, вьющиеся каштановые волосы развеваются позади нее. Джесса бежит за ней и, наконец, поймав ее, щекочет, и они обе падают на землю в приступе смеха.

— Я хотела сказать тебе, — говорит Габби. — Мы с Беном собираемся вечером поужинать с Итаном и Эмили. — Она медленно поворачивается и смотрит на меня настороженными глазами, словно переживает по поводу моей реакции. Я не ожидала, что она будет проводить все свое время со мной. Какой смысл приглашать Итана, если бы его собирались отнести к статусу непрошеного гостя, изолированного от лучшего друга? Я сказала, что не против его приезда, и, думаю, что до сих пор так себя и вела.

— Надеюсь, вы повеселитесь, — говорю я ей.

— Где, черт возьми, вы собираетесь ужинать? На заправке у главной дороги? — Нейт смеется над своей шуткой, получая удовольствие от самого себя. Не могу солгать, это довольно очаровательно.

— В округе ничего нет? — я осознала, за те несколько дней, что нахожусь здесь, я не покидала границы имения, и не особо обращала на все это внимание по дороге к дому в тот день, когда прилетела.

— В округе меньше, чем ничего, — объясняет Нейт. — Как думаешь, почему у нас так много дел здесь в доме? Это автономная развлекательная среда.

— Мы собираемся в местечко неподалеку от Ричмонда, — говорит Бен, словно нет ничего особенного в том, чтобы ехать час только для того, чтобы поужинать с другом. За последние полгода, с тех пор как мы с Итаном расстались, я хотела обнять Бена за то, что он так хорош в этом. За то, что он на моей стороне, но способен сохранить Итана, как друга, даже не одобряя его поступка.

— Эй, — говорит Нейт, скользя рукой по моей, тем самым привлекая мое внимание. Его пальцы оставляют после себя горячий след, и я вздрагиваю. — Как ты смотришь на то, чтобы я приготовил для тебя ужин?

Четыре дня, Келли. Четыре дня. Будь осторожна.

Я улыбаюсь ему.

— Замечательно.

Нейт стоит за кухонным островком, аккуратно нарезаая ломтики свежего хлеба. Должна признать, что действительно впечатлена тем, насколько серьезно он воспринимает предложение приготовить для меня ужин. Я ожидала макарон с сыром или какой-нибудь другой холостяцкий "деликатес", но он действительно старается. Окончательно расправившись с хлебом, он укладывает четыре кусочка на разделочную доску, проверяя, насколько они подходят для поджаривания. На плите стоит тарелка, полная жареного бекона, и мой желудок урчит. Ранее я спрашивала его, могу ли чем-то помочь, отчасти из вежливости и частично в целях ускорения этого процесса, чтобы мы могли поесть. Он решительно отказался, заявляя, что я "смотрю, как работает мастер".

— Что ты...

Нейт поворачивается и нежно прикладывает палец к моим губам, тем самым сдержанно заставляя меня замолчать.

— Мне нужно сосредоточиться, Келли, — говорит он. Я практически смеюсь; то, как он пытается превратить сэндвич в искусство, так мило.

Он кладет хлеб в тостер, затем начинает нарезать помидор, так же ровно, как и нарезал хлеб. Он входит в ритм как раз тогда, когда Эми проходит мимо кухни, а затем возвращается, останавливаясь в дверях.

— Сэндвичи, Нейт? — спрашивает она, качая головой. — Не так надо ухаживать за девушкой.

Плечи Нейта опускаются, и он бросает нож на разделочную доску.

— Никто ни за кем не ухаживает, мам. Думаю, она та, кто не поддается ухаживаниям. — Он поворачивается и подмигивает мне, нежно улыбаясь.

Несколько дней назад я бы подумала, что он уctивый, но теперь... Я просто не уверена. Думаю, мой желудок хочет доказать, что он все-таки не прав, потому что бабочки задействованы в полную силу.

Эми смеется, словно она не верит тому, что только что услышала.

— Ох, дружок. Ни одна не способна устоять перед ухаживаниями. Нам всем нравятся ухаживания.

— Пап! — кричит Нейт, раскладывая ломтики помидора на доске.

Джек показывается в дверях через несколько секунд, обнимая Эми за талию. Она располагает свою руку поверх его, и я ловлю себя на мысли, что немного завидую тому, как мило они выглядят. Мои родители едва могли находиться вместе в одной комнате, когда были женаты.

— Мама снова говорит об ухаживаниях, — говорит он, стараясь звучать недовольно, но терпит фиаско.

— Он не нуждается в твоих советах, — говорит Джек, с любовью глядя на свою жену. — Он учился у лучшего.

Эми, смеясь, откидывает голову назад.

— Ты — опытный ухажер.

— Кто-нибудь, пожалуйста, скажите еще раз "ухаживания", — говорит Нейт с наигранным раздражением.

— Уха-а-аживания, — пронзительно кричит Мадлен, вбегая в кухонную дверь, и мы вчетвером взрываемся от смеха.

— Давайте, оставим их, — говорит Джек, мягко выталкивая Эми за дверь.

— Прибери за собой беспорядок, Нейт, — Эми подмигивает мне, прежде чем берет Джека за руку и выходит.

— Я люблю твою семью, — говорю я, утащив маленький кусочек бекона с тарелки на плите. Есть что-либо вкуснее бекона? Ответ: нет.

— Ты бы не любила их так сильно, если бы росла с ними, — Нейт сосредоточен на намазывании слоя майонеза на тост.

Я понимаю, он всего лишь поддразнивает меня, и я бы не ожидала от него ничего другого, но хочу сказать ему, что расти с ними намного лучше, чем как росла я с двумя родителями, которые постоянно кричали друг на друга, пока однажды мой отец ушел и не вернулся. Но мы хорошо проводим время, и я хочу, чтобы все было легко. Поэтому делаю глубокий вдох и проглатываю слова, которые вертятся у меня на кончике языка.

Нейт смотрит на меня с печальной улыбкой на его красивом лице.

— Я сказал что-то не то, да?

Я не знаю, как ему всегда удается видеть то, что я пытаюсь скрыть.

— Нет, — качаю я головой, вероятно слишком быстро для правдоподобного ответа. По-прежнему улыбаясь своей лучшей улыбкой.

— Лгунья. — Он дотрагивается своей рукой до моей, и Боже... его улыбка просто заставляет меня светиться изнутри.

Мне кажется, я должна что-то ответить, но я жду слишком долго и пока думаю, что же сказать, тишина слишком затягивается. Слишком поздно. Нейт, похоже, уже продолжает дальше, сконцентрировавшись на том, чтобы закончить наш ужин. Он идет к холодильнику и достает контейнер с картофельным салатом, который по его словам он приготовил ранее. Он нарезает сэндвичи по диагонали и кладет на каждую тарелку две солидные порции картофельного салата. Украшает каждую тарелку веточкой петрушки, стараясь, чтобы это выглядело красиво. Поразительно, но ему это удается.

— Я впечатлена, — говорю я ему. Не из-за того, что он приготовил деликатес или нечто грандиозное, а потому, что это просто, но выглядит восхитительно.

— Сэндвичи моего собственного приготовления. У меня еще весьма хорошо получается заказывать пиццу.

Он поднимает тарелки, я хватаю наши напитки, и мы направляемся к столу на веранде. Два комплекта столового серебра лежат на милой клетчатой скатерти, и стоят две зажженные свечи. Я приподнимаю бровь.

— Это citronella^[6], — быстро добавляет он в свою защиту. — От комаров.

Я не могу сдержать смех.

— Это похоже на ухаживаниеее.

Он смотрит на меня, и есть что-то в его взгляде. Возможно, надежда... Не знаю. Но чтобы это ни было, это мешает мне отвести взгляд.

— Я думала, ты не умеешь ухаживать.

— Твои слова, не мои. — Мне не стоило этого говорить, но маленькая часть меня рада, что сказала. Чтобы держать рот на замке и прежде чем совершу промах и скажу еще что-нибудь, чего не планирую, я откусываю сэндвич, который просто... восхитителен. Я пробую картофель, и он тоже суперский.

— Ты усовершенствовал сэндвич, Нейт. И этот картофельный салат невероятно хорош.

— Рад, что тебе нравится, — говорит он. — Это рецепт моей бабушки.

— Серьезно? — Несмотря на то, что я лишь наблюдала за тем, как он готовил еду, которую мы едим, мне трудно связать этого крепкого мужчину передо мной с человеком, который говорит о приготовлении салата по бабушкиному рецепту. Я представляю его на кухне его дома в фартуке и готовящего на скорую руку какой-нибудь рецепт из детства. Мысль об этом заставляет меня улыбнуться.

— Что? Ты мне не веришь?

— Я просто представила тебя в фартуке, вот и все.

— Знаешь, у меня есть один, — говорит он, накалывая несколько картофелин вилкой.

— Почему-то меня это не удивляет.

— Поперек груди на нем написано "Осторожно: Невыносимо Жарко". — Он абсолютно серьезен, но все же улыбается мне.

Я прикрываю рот рукой, пока смеюсь, и его глаза задерживаются на моих, когда моя улыбка угасает. Иногда он смотрит на меня столь значительно, что я не уверена, должна обнять его или убежать.

— Нам следует поесть, — говорит он, кивая в сторону моей тарелки.

Мы впадаем в легкое молчание в ходе нашего обеда, периодически поддразнивая, периодически перекидываясь парой фраз. Только после того, как мы оба заканчиваем, у нас завязывается некое подобие настоящей беседы.

— Это был лучший сэндвич, который я когда-либо пробовала, — говорю я ему, складывая свою салфетку и убирая ее на стол.

— Когда-либо? — спрашивает он, выглядя немного удивленным и весьма довольным собой.

— Ну, моя мама однажды приготовила мне жареный сыр... но он на втором месте. — Я делаю глоток вина, а затем, откидываюсь на спинку стула. — Итак, чем ты занимаешься, когда не готовишь сэндвичи?

— Год назад я купил свой первый дом, — говорит он, отодвигая от себя тарелку, таким образом, освобождая место, чтобы поставить локти на стол. — В хорошем районе и все такое, но на самом деле его нужно немного подремонтировать. Пока я примерно на полпути, но трачу много свободного времени, работая над этим. Я заманиваю своих друзей помочь мне, обещая бесплатную пиццу и пиво. Я подружился со многими в Home Depot^[7].

— И тебе удалось держаться подальше от скорой помощи, — поддразниваю я.

Он смеется.

— До сих пор. Иногда, когда я не занят ремонтом, я направляюсь к озеру возле моего дома. Отправляю сообщения своим приятелям, и в половине случаев мы проводим время там. Плаваем, немного выпиваем. А что насчет тебя?

— Моя жизнь скучна, по сравнению с твоей.

— Сомнительно. Нет необходимости в обустройстве квартиры, чтобы занять себя?

Я качаю головой.

— После расставания я остановилась у мамы. Планировала на время. Имею в виду временно, я просто не... понимаешь. — Он собирается позволить мне нести бред, поэтому я заставляю себя остановиться, прежде чем он начнет осуждать меня и все такое. — Я много читаю, занимаюсь исследованием рынка. Мне нравится печь, хотя в последнее время не часто этим занимаюсь. Я много работаю. Вероятно, слишком много. — Я качаю головой и делаю еще один глоток вина. — Боже, я звучу жалко.

— Нет. Ты говоришь, как человек, чья жизнь изменилась, и ты просто еще не вошла в колею.

Я улыбаюсь, потому что это такой хороший взгляд на ситуацию. Мне нравятся взгляды Нейта на жизнь. Мне нравится его взгляды на меня.

— Спасибо.

Я тянусь и приподнимаю волосы на затылке. Теплый вечер, самый теплый, с тех пор как я здесь, и я вроде хочу пойти в дом, чтобы ощутить прохладу.

— Знаешь, — говорит Нейт, наклоняясь ко мне и опуская локти на колени, — Габби и Бен вернутся не скоро. Какие у тебя планы на остаток вечера?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Пока никаких.

С озорным блеском в глазах он спрашивает:

— Как смотришь на то, чтобы поплавать?

Глава одиннадцатая

У Райтов закрытый бассейн, так что Нейт был прав: это место действительно представляет собой автономную развлекательную среду. Бассейн довольно большой, даже слишком, и я удивлена, что не замечала его раньше. Это заставляет меня задуматься, что еще Эми и Джек скрывают в этом доме. Кинотеатр? Боулинг? Я хочу спросить, но боюсь неправильно подобрать слова, будто я как-то высмеиваю их богатство. Так что, держу рот на замке.

Возле окон вдоль стен расположены тусклые лампы, в бассейне тоже тусклый свет. Приглушенное освещение создает романтическую атмосферу, и я не совсем уверена, что мне это нравится, и не потому, что я против ухаживаний от Нейта, а скорее потому, что я хочу этого. И это опасно, это плохо. Это то, что я обещала себе не делать, особенно, если собираюсь остаться невредимой, пережив следующие четыре дня. Я могу наслаждаться временем, проведенным с ним, но просто не могу позволить себе зайти слишком далеко.

— Мне нравится твой купальник, — говорит он, одаривая меня озорной улыбкой. Опять же, он словно знает, о чем я думаю, и хочет, чтобы я перестала так много думать.

Я смотрю вниз на свое простое красное бикини, словно забыла, что на мне надето.

— Спасибо, — отвечаю я ему. — Мне тоже нравится твой.

На самом деле, на нем голубые плавки, ничего особенного. Но они низко сидят на талии, и из-за отсутствия на нем футболки, я могу поглазеть на его пресс, который... невероятен. Я хочу сказать ему это, но решаю промолчать.

Нейт быстро смотрит вниз, словно тоже забыл, что на нем надето.

— Тебе повезло, что сегодня для тебя я решил отказаться от облегающих мужских трусов.

Я смеюсь.

— Я это ценю. — Хотя, уверена, если кто и сможет заставить их выглядеть хорошо, так это он.

Вода в бассейне очень теплая, и мы с Нейтом стоим вместе на мелководье по колени в воде. Я делаю несколько шагов вперед, и он следует моему примеру, пока мы не оказываемся по пояс в воде. Я скольжу пальцами по поверхности воды, наслаждаясь мягким ощущением на кончиках пальцев. Прошло много времени с тех пор, как я была в бассейне, и воспоминание о том, как я плавала с папой, всплывает в моей голове. В отличие от большинства других воспоминаний, это заставляет меня улыбаться.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Нейт.

— О своем отце, — отвечаю я ему, даже не задумываясь о том, хорошая ли идея поделиться этим с ним. О том, хочу ли я этого. Кажется, мой рот решил все за меня. Я хочу, чтобы он знал, хотя не уверена почему. — Мы часто ходили плавать, когда я была ребенком, — говорю я. Нейт смотрит на меня, словно я рассказываю ему самый интересный рассказ, который он когда-либо слышал, что воодушевляет меня продолжать.

— Он выполнял тот трюк, когда присаживался в воду, а я садилась ему на плечи. Он хватал меня за лодыжки, а затем неожиданно выскакивал и бросал меня через бассейн.

Было весело.

Нейт улыбается. Что-то мне подсказывает, он рад, что я поделилась с ним, а также могу сказать, он прекрасно понимает, о чем я говорю.

— Мадлен тоже нравится так делать.

— Девчушка мне по душе.

Несколько мгновений спустя, Нейт погружается в воду и отплывает в сторону, в десяти футах от меня, где глубоко. Добравшись, он держится на плаву.

— Тебе стоит подплыть сюда, — говорит он. — Вода чистая, так что ты видишь, что здесь нет атакующих угрей.

Я поднимаю руку, чтобы потереть шею. Мне так трудно держаться в стороне от него, особенно с видом его влажной кожи, которая манит меня в другой конец бассейна. Я хочу провести руками по всему его телу, и то, насколько сильно я этого хочу, похоже на зависимость.

— Ты боишься намочить волосы?

— Нет! — выкрикиваю я, наполовину смеясь. Просто, чтобы показать ему, что не боюсь намочить волосы, я ныряю под воду и плыву, слегка потянув его за ногу, перед тем как выныриваю прямо перед ним, оказываясь с ним лицом к лицу.

— Хорошо выглядишь, — говорит он, одаривая меня одной из тех улыбок, которые заставляют меня чувствовать, словно мое сердце замедлилось, сделало сальто и забилось с новой силой.

— Ты такой льстец.

— Я не пытаюсь льстить. Я действительно так думаю.

Я закатываю глаза.

— Почему я просто не могу сделать тебе комплимент? — спрашивает он.

Я долго смотрю на него и не знаю, что ответить. Я плыву к другой стороне бассейна, потому что внезапно мое сердце кажется таким тяжелым, что я не уверена в способности удержаться на воде. Нейт следует за мной.

— Келли, — очень нежно говорит он.

Моя спина прижата к блестящей голубой плитке, выложенной по периметру, и я смотрю вниз на свои руки, форму которых искажает вода. Он хватается руками за бетонный край бассейна по обе стороны от моей головы. Он припер меня к стенке, но я не ощущаю угрозы. Он близко, но я смогу уплыть, если захочу.

Дело в том, что я не хочу.

— Он на самом деле резко с тобой обошелся, не так ли? — говорит Нейт, даже не пытаясь скрыть свой гнев. — Ты все еще чувствуешь себя подавленной из-за этого. — И потому, как вырываются его слова, я понимаю, что это утверждение. Я должна внести ясность в этот вопрос.

— Я не подавлена из-за этого, — говорю я, смотря прямо ему в глаза. И это правда. Ну, часть правды, но все не так просто.

— Келли...

— Нет. Дело в том, что я думала, это будем мы, понимаешь? Мы с Итаном поженимся. Поженившись, проведем всю оставшуюся жизнь вместе. Я думала, это то, к чему мы шли. Я позволила себе поверить, что я с ним навсегда, а затем пришла домой и обнаружила его в постели с другой женщиной. В нашей постели. И я просто... я не могла в это поверить.

— Измена, как правило, не только секс, — говорит он, словно это вообще имеет значение.

— От этого не легче, Нейт. Это только усугубляет ситуацию.

Он кивает, глядя вниз, и я не уверена, он молчит, потому что хочет, чтобы я

продолжала, или потому, что просто не знает, что еще сказать. Какая-то часть меня готова сказать это, признаться вслух, и я хочу признаться ему.

— Полгода спустя меня беспокоит не секс. Ну, не только. А то, что я никогда не думала, что он может так со мной поступить. Я даже не думала, что он на это способен. Я должна была знать его лучше всех, и я задаюсь вопросом, насколько далеко смогла бы зайти, до того как узнала бы? Были бы мы женаты? Были бы у нас дети? Сколько бы времени мне понадобилось, чтобы выяснить, что я его совсем не знала? Вот, что чертовски меня пугает. Так что, дело не в нем, понимаешь? Дело во мне. Я не доверяю себе, когда дело касается вопроса, кому можно доверить своё сердце.

Нейт делает глубокий вдох, и его лицо настолько полно понимания, что я могу расплакаться. Он подхватывает прядь моих волос и прячет ее за ухо, и выражение его лица настолько нежное, что я не могу удержаться и прижимаюсь щекой к его ладони, закрывая глаза. Он заставляет меня чувствовать себя в безопасности, и я не знаю, правильно ли это, но хочу позволить себе утешение, которое он предлагает, несмотря на всю опасность. Мне было бы так легко позволить себе влюбиться в него. Так легко впустить его. Так легко позволить ему разбить мое сердце.

Рука Нейта скользит по моей шее и прослеживает лямку моего купальника кончиком пальца. Я могу почувствовать след тепла его прикосновения, идущего вплоть до кончиков пальцев на ногах.

— Невозможно узнать, кому безопасно доверить свое сердце. Влюбленность — это риск.

Я горько смеюсь.

— Думаю, научно доказано, что из меня неважный любитель риска.

Он смеется, опустив руку обратно на край бассейна.

— Не все парни такие, как Итан.

Я знаю, ему не терпится сказать мне, что он — не Итан, но он этого не делает. Я не знаю, почему его молчание заставляет меня верить ему больше, чем его словам, но прямо сейчас все в моей голове лишь сплошная неразбериха.

— Но какие-то да, Нейт. Как я пойму разницу?

Он ждет, пока я посмотрю ему в глаза, прежде чем произносит:

— Ты это почувствуешь.

Он говорит с такой убежденностью, что я хочу ему верить. Я точно знаю, что что-то чувствую, когда с ним, и не уверена, это то, что я не могу назвать, или то, что просто не хочу называть. Однако, чем бы это ни было, оно сводит меня с ума; словно разрывает на части.

Нога Нейта задевает мою, и, внезапно, я чувствую, как он прижимается ко мне грудью. Я не уверена, кто из нас приблизился, но, в любом случае, это не имеет никакого значения. Я передвигаю ногу, прижавшись ей к стене позади себя, потому что я нуждаюсь в опоре, и в то время как я двигаюсь, мое бедро задевает его эрекцию. Он резко втягивает воздух, учащенно дыша от прикосновения, смотрит на меня с напряжением в глазах, которое посылает по мне нервную дрожь. И правда заключается в том, что я безумно устала от попыток разобраться в этих чувствах. Я хочу, чтобы чувствовал лишь Нейт, хочу, чтобы на какое-то время меня убрали из уравнения.

Прежде чем мне удастся разобраться со всеми причинами, почему это очень плохая идея, я оборачиваю ноги вокруг бедер Нейта, чтобы удержаться. Скольжу рукой по его плечу и обнимаю за шею, затем другой рукой скольжу вниз по его груди, нежно царапая ногтями

кожу. Прикосновение заставляет его веки вздрогнуть. Он тянется, чтобы прикоснуться к моему лицу, но когда я смотрю на него, понимает, мне нужно, чтобы он позволил мне взять все в свои руки. Он понимает, мне нужно, чтобы он просто вернул руки на бортики бассейна. Поэтому, он так и поступает.

Я очень сильно хочу поцеловать его, но если сделаю это, то понимаю, что не смогу остановиться. Я настолько потеряюсь, что не пойму, смогу ли когда-нибудь снова найти свой путь назад. Я не уверена, что захочу, и это чертовски меня пугает.

Пробегаю кончиками пальцев по поясу плавок Нейта, и его мышцы сжимаются от моего прикосновения. Мне нравится дразнить его, вынуждая ждать. Но я не настолько жестока, так что это длится недолго, прежде чем я запускаю руку под ткань и скольжу ладонью по всей длине его эрегированного члена. Я обхватываю его рукой и провожу вниз. Нейт наклоняет голову, подставляя свою совершенную, покрытую щетиной челюсть моим поцелуям. Я прижимаюсь губами, затем мягко кусаю его за подбородок, вытягивая из него рычание, которое побуждает меня продолжать. Я делаю еще одно движение вниз, и он толкается бедрами мне в руку, нуждаясь в большем трении. Его дыхание ускоряется, пока я двигаюсь, и мои глаза встречаются с его. Он наклоняет голову и слегка двигается вперед, желая поцеловать меня, но я смотрю вниз, потому что не могу позволить себе сделать это прямо сейчас. Я сосредотачиваю внимание на том, что делаю, и когда мой палец скользит по головке члена Нейта, его глаза закрываются. Вода делает все более чувствительным для меня, поэтому я представляю, насколько лучше это ощущается для него.

— Келли, — шепотом произносит он мое имя. Он прижимается лбом ко мне, и я чувствую тепло его дыхания на своей щеке. Его губы прямо здесь, и мне хватает силы воли, чтобы не попробовать их. Мне удастся противостоять любому побуждению, пробегающему через мое тело, и каким-то образом это — подобное прикосновение к нему, а не поцелуй — самое сексуальное, что я когда-либо делала.

Все еще поглаживая его, я скольжу другой рукой за его шею и слегка царапаю ногтями кожу его головы. Я помню, что ему нравилось это в первую ночь, когда мы были вместе в Далласе, ему и сейчас это нравится. Судя по тому, как замирает его дыхание, и расслабляются мышцы. Кажется, будто он больше не может держать голову и кладет ее на мое плечо, пока я ласкаю его все сильнее.

— Нейт, ты здесь?

Черт. Это Джесса.

Его имя отзывается эхом по всему помещению, и он мгновенно резко оборачивается. Я убираю руку подальше от него и подныриваю под его руку. Джесса входит как раз тогда, когда я поднимаюсь на площадку перед бассейном, и я благодарна, что она предусмотрительно позвала его по имени, перед тем как зашла сюда.

— Привет, Келли, — улыбаясь, говорит она мне.

Я улыбаюсь ей, пока беру полотенце и оборачиваю его вокруг себя. Мое сердце так сильно стучит в груди, что я практически вижу его под своей кожей.

— Привет, — отвечаю я, отталкивая нарастающую волну разочарования от того, что нас с Нейтом прервали.

— Что случилось? — спрашивает Нейт. Его голос слегка угрюм; более хриплый, чем обычно. Мне интересно, замечает ли разницу Джесса.

— Мама ищет тебя, она хотела, чтобы ты помог ей передвинуть кое-какие столы. Я просто скажу ей, что ты занят.

— Все в порядке, — говорю я ей. — Я как раз собиралась возвращаться в свою комнату. Чувствую себя немного уставшей.

Нейт вздыхает.

— Я сейчас буду.

Джесса выходит, и я туго оборачиваю полотенце вокруг себя, в то время как смотрю на Нейта. Его руки скрещены на бортике бассейна, лоб прижат к рукам, смотря вниз. Возможно, мне следует что-то сказать, но я молчу. Просто разворачиваюсь и ухожу.

Глава двенадцатая

Пока мы с Нейтом ужинали, Эми перенесла мои вещи в последнюю свободную спальню в главном доме. И так уж вышло, что она располагается в самом начале коридора, который ведет к комнате Нейта. Я провела здесь всего лишь несколько минут, когда переодевалась в купальник, и, честно говоря, на самом деле, прямо сейчас не хочу здесь находиться. Хочу вернуться в бассейн к Нейту. Я сожалею, что не завершила то, что начала; пожалела об этом в момент, когда уходила.

Я пахну хлоркой и каждый раз, когда чувствую этот запах, вспоминаю, как Нейт смотрел на меня в то время, как я прикасалась к нему. Эти воспоминания не дают мне ясно мыслить, поэтому я иду в ванную и включаю кран. Как только вода становится достаточно горячей, я снимаю купальник и ступаю под душ.

Под теплой расслабляющей водой мои мысли возвращаются к Нейту, к тому, чем мы только что занимались. Или, полагаю, чем я только что занималась. Не знаю, почему меня так тянет к нему; это совершенно нелепо. Я знаю его меньше недели. Дело в том, что мне нравится разговаривать с ним и находится рядом. Глупо пытаться это игнорировать, правда ведь? Но когда я рядом с ним, то просто хочу целовать его. Разговаривать с ним часами. Просыпаться, делить с ним постель. Я помню, как чувствовала то же самое по отношению к Итану, хотя это происходило не так быстро.

Нейт был прав, не все похожи на Итана. Возможно, Нейт не изменит мне, а, возможно, уйдет, как мой папа. Или, может быть, просто что-то не сработает между нами по какой-либо причине. Это причинит такую же боль.

Это именно та причина, по которой женщины вроде меня не созданы для секса на одну ночь. Я не могу отделить чувства от секса, даже с незнакомцем. И я говорю себе, что это не незнакомец, это Нейт. Я бы не чувствовала себя таким образом, если бы он не появился на свадьбе, так ведь? Возможно, я смогла бы двигаться дальше и позволить сексу остаться просто сексом, даже если мне было тяжело покидать его тем утром. Уф, это сводит с ума.

Я просто хочу отключить мозг и повеселиться. Почему это так сложно для меня? Он открыто сказал, что я могу использовать его тело ради собственного удовольствия, и понимаю, что он не шутил, так что не похоже, что ему отвратительна эта идея. Что неправильного в том, чтобы наслаждаться его компанией, пока он здесь? Даже если у меня и есть чувства, что с ними станет? В воскресенье мы уедем. Он вернется в Колорадо, я — в Техас. Отношения на расстоянии не сработают между нами. И меня не будет ожидать жестокое разочарование, на другой стороне того, что, как я знала, все равно не получится, верно?

Я молода и должна выходить в свет веселиться. Я знаю, что когда уеду отсюда, буду сожалеть, что держала его на расстоянии вытянутой руки, сильнее, чем о том, что подпустила его слишком близко, особенно учитывая, что не подпускать его означает лишиться себя хорошего времяпрепровождения с отличным парнем, как бы непродолжительно это время ни было. Я не могу больше спорить сама с собой, это пустая трата времени и энергии.

Когда вода начинает остывать, я выключаю душ, сушу полотенцем волосы и надеваю пижаму. Чувствую, что мне нужно сделать что-то для Нейта в знак примирения за то, что сбежала от него, и у меня есть отличная идея. Я сажусь на кровать и включаю ноутбук, затем, пребывая в большем воодушевлении, чем за всю свою жизнь, запускаю фотошоп.

Разработка нескольких вариантов логотипов, исходя из того, что он рассказывал мне о своей бизнес-идее прошлой ночью, не занимает у меня много времени. Когда я довольна несколькими образцами, набираюсь смелости, чтобы пойти по коридору к его комнате.

Я стою посреди коридора между нашими комнатами, уставившись на прямоугольник света, рассеивающийся по блестящему деревянному полу. Дверь Нейта открыта, словно он надеялся, что я приду. Не уверена, но, возможно, он знал, что я захочу прийти. Кажется, он понимает некоторые вещи обо мне, в которых я сама еще не совсем разобралась, и это кажется одновременно замечательным, но, вместе с тем, сбивает с толку. Приятно, когда есть тот, кто подсознательно знает, что тебе нужно.

Потихоньку барабанию кончиками пальцев по краю ноутбука, который держу подмышкой, я делаю несколько шагов вперед, пока не заглядываю в его комнату. Он сидит на полу, облокотившись спиной о кровать. Его правая нога согнута в колене, левая — вытянута перед ним. Он держит книгу, упираясь локтем в колено, сосредоточившись на том, что читает. Я не могу разобрать название книги, но она толстая и потрепанная, словно он читает ее в сотый раз. Какой-то момент заставляет его улыбнуться, и меня переполняет соблазн просто стоять здесь и смотреть на него. С целью сдержать мою ненормальную активность, как можно ниже, я стучу по дверной раме, чтобы он знал, что я здесь.

Нейт поднимает голову и смотрит на меня так, будто я единственный человек во всем мире, которого он хочет видеть. Его взгляд падает на ноутбук, зажатый под моей рукой, но затем он улыбается мне, и вдруг я не могу понять, почему боялась прийти к нему.

— Привет, — говорит он, закрыв книгу и откладывая ее на пол рядом с собой.

— Привет. Не возражаешь, если я войду?

— Нисколько, — он немного сдвигается вправо, даже при том, что на полу уже предостаточно места. Похлопывает рукой возле себя, я подхожу, опускаю ноутбук на кровать, затем усаживаюсь, сложив под себя ноги.

Я должна извиниться перед ним, и, по какой-то причине, это оказывается не так просто. Я складываю руки в замок и сжимаю их до такой степени, что у меня практически белеют костяшки, но в это время Нейт кладет свою руку поверх моей. Как только его кожа соприкасается с моей, все напряжение из моего тела просто улетучивается. И хотя он знает, что мне есть, что сказать, он не давит на меня, просто дает столь необходимое мне время.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Мне очень жаль, что я не закончила то, что делала.

Он издает небольшой смешок.

— Не похоже, что в тот момент у нас была возможность продолжить.

— Нет, но я могла бы остаться. Я просто...

— Все в порядке.

Наконец, я поворачиваю голову и смотрю на него. Его глаза ясные, выражение лица мягкое, а улыбка искренняя. Я теряюсь в этой улыбке намного дольше, чем следовало бы, прежде чем заставляю себя отвернуться. Глядя на пол перед собой, я замечаю разбросанные здесь фотографии. Рядом с ними лежит открытый где-то посередине фотоальбом.

— Что это? — спрашиваю я, наклонившись вперед и вытащив фото из стопки. Это фотография Бена и Нейта, и, должно быть, по меньшей мере, десятилетней давности. Оба выглядят практически идентично, только их лица менее угловатые, все еще смягченные ранней подростковой пухлостью, которую они еще не совсем утратили. Оба стоят посреди того, что, должно быть, является лесной вырубкой, обняв друг друга за плечи. На обоих

белые футболки с надписью на груди "Собственность Райтов". Как я не пытаюсь, мне не удается сдержать смех.

— Что это за футболки?

Нейт качает головой, будто ожидал этого, но не выглядит слишком смущенным, и в этом есть что-то очаровательное.

— Это было снято на каком-то семейном сборе. В том году состоялось воссоединение семьи Райт, так что тема была "Собственность Райтов". Конечно, на нас должны были быть футболки. Мама, также, на полном серьезе сопоставляет мистера Райта с мистером Правильным^[8], так что ты просто должна быть готова, когда она выпьет за это на свадьбе в субботу.

— С нетерпением жду этого, — говорю я. Не осмеливаюсь сказать ему, что эти футболки в своем роде очаровательны. — Так ты просто ностальгируешь этим вечером?

— Мама хотела, чтобы я нашел кое-какие фотографии меня и Бена в детском возрасте, чтобы она могла повесить их на пробковую доску, которую собирается подготовить к вечеринке. Это должно быть достаточно унижительным для него.

— Думаю, это мило, — говорю я, прослеживая кончиком пальца край фотографии.

— И ты был милым.

— Был? — спрашивает Нейт, поддразнивая.

Я пожимаю плечами.

— Не знаю, назвала ли бы тебя сейчас милым?

— А каким бы ты назвала меня?

Я чувствую, как румянец ползет от шеи к щекам, и избегаю смотреть на него, обратив внимание на стопку фотографий справа от альбома. Я беру ее и просматриваю фотографии одну за другой. На них на всех Нейт в своем нелепо прекрасном великолепии. Кемпинг, водные лыжи. Сноубординг. Просмотрев половину стопки, я натываюсь на фотографию, на которой он с женщиной. У нее выгоревшие светлые волосы, а щеки розовые от прохладного воздуха. Они стоят перед бежевой палаткой, а на заднем плане — потрясающее кристально-голубое озеро. Нейт целует эту женщину таким образом, что можно видеть их улыбки, несмотря на то, что их губы прижаты друг к другу, и я делаю глубокий вдох, чтобы оттолкнуть прилив ревности, который нарастает во мне.

— Твоя девушка? — спрашиваю я, откинув голову, чтобы посмотреть на него.

Он кивает.

— Кэрлайн. Мы встречались в колледже.

— Что произошло? — спрашиваю я, даже не задумываясь о том, что, на самом деле, это не мое дело. — Мне жаль, не следовало спрашивать об этом.

Нейт улыбается. Это милая улыбка, которую я не видела прежде.

— Все в порядке. Мы закончили колледж, и она уехала работать в Коннектикут. На протяжении пары месяцев мы пытались встречаться на расстоянии, но это были те отношения, которые развивались лишь на пивных вечеринках и загородном отдыхе. В реальной жизни это не так уж и замечательно.

Я изгибаю бровь, удивляясь его честности.

— Это была твоя последняя девушка?

Он смеется.

— Нет, с тех пор было еще несколько.

— Несколько? — Мне не следует удивляться, но я все же не понимаю, почему удивлена.

Глядя на него, я имею в виду... как он долгое время может быть одинок?

— Мерси, Джейн и Рейчел. С первой были долгие отношения, с двумя другими, ну... не особо.

— Они не смогли справиться с твоим обаянием? — поддразниваю я, толкнув его плечом.

Нейт делает глубокий вдох.

— Рейчел не смогла справиться с тем, что я оставлял колпачок от зубной пасты и не убирал крошки со стола, после того как готовил сэндвич. И просто к сведению, ни то ни другое я больше не делаю, — говорит он. — Джейн не смогла справиться с тем фактом, что я не был и даже не мог быть таким, как ее бывший. Очевидно, он был идеален. Она позаботилась о том, чтобы частенько мне об этом рассказывать. С Мерси мы просто не подходили друг другу.

— Отличный способ выразиться, — говорю я ему, взясь с краем своей футболки. — Мне следует начать говорить всем, что мы с Итаном просто не подходили друг другу, вместо того, ну, ты понимаешь, чтобы рассказывать им о том, что произошло.

Нейт пожимает плечами.

— Но ведь это — правда, вне зависимости от того, что привело вас к тем неуместным вещам.

— И ты просто продолжаешь пытаться? Продолжаешь снова отдаваться этому? — Идея двигаться от потенциально разбитого сердца к потенциально разбитому сердцу просто поражает меня. Это не укладывается у меня в голове.

— Я не собираюсь встречать подходящую женщину, пока не повстречаюсь с несколькими неподходящими.

— А что если ни одна из них не будет подходящей? — Мне немного больно произносить это вслух, хотя понимаю, это из-за моего страха. Не думаю, что Нейт переживает по поводу того, что будет одинок всю оставшуюся жизнь.

— Это будет отстойно, — говорит он, и взгляд его голубых глаз встречается с моим. — Но, по крайней мере, я смог бы сказать, что пытался. Как по мне, одинокая жизнь не утомительна.

— Жизнь без разбитого сердца.

— Действительно, но что хорошего без плохого?

У него есть точка зрения, и хоть мне действительно хочется поспорить с этим, я не могу. Я восхищаюсь оптимизмом его взгляда на жизнь, но понимаю, что это исходит глубоко из него, что прочно основывается на позитивном настрое, учитывая то, как он рос. Его сестра вышла замуж, а брат женится через несколько дней. Его родители вместе уже целую вечность. Для кого-то вроде меня, позитивные отношения не так просты. Я росла не так, как и он.

— Похоже, многие в твоей семье нашли свои половинки, — говорю я ему.

— А многие в твоей — нет. — Он просто знает, не то чтобы это было трудно представить.

Я смеюсь, но коротко и горько, и мне не нравится то, как это заставляет Нейта посмотреть на меня, словно он наполовину заинтересован и слишком любопытен. Словно ему, наконец, удалось собрать воедино все части моей жизни, которые прежде не имели для него смысла.

— Это еще слишком мягко сказано, — говорю я ему, изо всех сил стараясь казаться

веселой. Но прямо сейчас мне не особо хочется говорить об этом, поэтому я смотрю вниз на фотографии, которые все еще держу в руках. Я пролистываю еще несколько, и на них только Нейт, без Кэролайн. На одной — он катается на лыжах, на другой — прыгает с обрыва в озеро.

— Ты на самом деле увлекаешься прыжками со скал, не так ли?

Он улыбается и пожимает плечами.

— Иногда.

— Тебе нравится ощущение падения?

— В мире нет ничего лучшего, — отвечает он, его глаза безумно яркие, интенсивные и наполненные смыслом. Смыслом, который я никак не могу понять. — Я еще и взбираюсь по ним, просто, чтобы ты знала.

— Чтобы иметь возможность спуститься с них по веревке. Безумие.

— Некоторые вещи настолько прекрасны, что ты можешь понять это, только взобравшись на вершушку горы. Или спрыгнув со скалы.

В его словах столько оптимизма, что он притягивает меня, словно магнит. Все его надежды, беззаботность и душевная доброта сочетаются с прекрасным лицом и телом, что наверняка меня погубит. Хочется, чтобы я могла окончательно поддаться этому, чтобы увидеть, куда это приведет. Но я знаю его меньше недели. Я должна постоянно напоминать себе, что легко заставить людей понять, чего ты хочешь, когда ты должен сделать это всего лишь ненадолго. Как я могу понять, вижу ли его настоящего?

Я смотрю в его глаза, синие со стальным оттенком и сфокусированные прямо на мне.

— Не могу представить, каково это.

Легкая улыбка подергивает его губы, притягивая мой взгляд, и Боже, я очень хочу прижаться к ним губами. Я хочу потеряться в ощущении его щетины на моей щеке и рук, бережно удерживающих мой затылок, пока он будет целовать меня. Но боюсь сделать это, потому что понимаю, что поцелуй между нами будет больше, чем просто поцелуй.

— Кстати, о прыжках, — говорю я, отчаянно меняя тему. Мой голос немного замедленный, но я тянусь и хватаю свой ноутбук, открывая экран, в то время как даю себе несколько минут, чтобы собраться. — Хочу показать тебе кое-что. — Открываю логотип «Rocky Mountain Res», разработанный мной ранее, и выстраиваю их на экране, чтобы он сразу мог все их увидеть. — Я постоянно думала об этом после нашего разговора прошлой ночью. Надеюсь, ты не против.

Я разворачиваю ноутбук так, чтобы Нейт мог увидеть экран, и выражение его лица неопределимо. Немного счастливое, немного пораженное, и есть что-то еще, что я не вполне могу понять. Возможно, это связано с моим проявлением поддержки, когда его собственный отец не особо заинтересовался идеей его и его друга начать их собственный бизнес. Возможно, просто хорошо, чтобы он знал, что кто-то поддерживает его. В любом случае, мне нравится его улыбка. Мне нравится то, как ноутбук освещает его лицо.

— Ты разработала их? — недоверчиво спрашивает Нейт, наклонившись, чтобы ближе посмотреть на экран.

— Да. У меня просто зародилась парочка идей в голове, и я решила согласовать их. Ты не должен использовать их или что-то еще, но я подумала...

— Келли. — Он прерывает меня, его голос такой мягкий. Кладет свою руку поверх моей и сжимает ее, тепло его кожи заставляет мои веки трепетать. — Спасибо.

Я улыбаюсь.

— Пожалуйста.

Он какое-то время изучает каждый и когда отпускает мою руку, я тотчас же начинаю скучать по его прикосновению.

— Смотри, — говорит он, указывая на первый из четырех эскизов, которые я показала ему. — Грандиозный выбор шрифта.

Я выпускаю искренний смешок, откидывая голову на его кровать.

— Спасибо.

Он поворачивается ко мне, его глаза прикрыты. Облизывает свои идеальные губы и смотрит на меня так, словно хочет поцеловать. Я понимаю, что смотрю так, словно хочу его. Но по какой-то причине, я уклоняюсь. Глупый мозг. Глупое разбитое сердце.

— Мне, пожалуй, лучше уйти, — шепчу я. — Уже поздно.

Нейт сжимает губы в тонкую линию, затем глубоко вдыхает через нос. Он закрывает ноутбук и неохотно отдает его мне. Я беру его и встаю.

— Спасибо, — говорит он напряженно.

Улыбнувшись, я киваю.

Иду по коридору, чувствуя, что оставила часть себя там, в его комнате. Всего лишь час назад, я решила перестать думать так много и просто позволить себе немного повеселиться. И именно тогда, ему следовало начать разговор о девушках и обязательствах, и я вновь возвращаюсь к отрицанию. Почему я просто не могу позволить ему поцеловать меня? Это поцелуй, это приятно. Что плохого в том, чтобы почувствовать себя хорошо? Я тянусь и дотрагиваюсь до своих губ, вспоминая тепло его губ той ночью в номере отеля. Я вновь хочу почувствовать это тепло. Что я делаю? Почему позволяю себе уйти от него, когда просто хочу... я хочу...

Поцелуй. Всего лишь один поцелуй.

Прежде чем передумаю, я кладу ноутбук на кровать и пробегаю пальцами по волосам. Я возвращаюсь обратно к комнате Нейта, в которой все еще открыта дверь. Он стоит возле кровати, наклонившись и убирая простыни. Когда я достигаю двери, он останавливается на мгновение, словно ощущая мое присутствие. Возможно, он также восприимчив ко мне, как и я к нему.

Когда наши взгляды встречаются, я пересекаю комнату, словно на автопилоте, словно у меня нет выбора. И затем, я стою прямо перед ним, и он смотрит на меня, словно сквозь все мои страхи и оправдания. Как будто смотрит прямо сквозь меня. И дело в том, что я не могу отвести взгляд. Свет падает на его глаза таким образом, что делает их невероятно голубыми. Его зрачки обрамлены более темным цветом, и я думаю, его глаза самое прекрасное, что я когда-либо видела в своей жизни.

Не задумываясь, я тянусь и скольжу пальцами по его лбу, вниз по виску к его щекам. Его веки подрагивают, он облизывает губы, и мое сердце так сильно колотится, что я понимаю, он, должно быть, способен почувствовать это через кончики моих пальцев. Он слегка поворачивает голову, его учащенное дыхание скользит по моему запястью, и тогда эти великолепные глаза вновь смотрят в мои. Мои пальцы обхватывают его сзади за шею, пока другая рука поднимается вверх по его груди и плечу. Я поднимаюсь на цыпочки и, пока не передумала, прижимаюсь своими губами к его. Мгновенно, одна рука Нейта поднимается по моей талии, останавливаясь на пояснице, и притягивает к себе. Другая — запутывается в моих волосах, бережно придерживая мою голову, когда мои ноги становятся ватными.

Поцелуй сним ощущается таким спокойным и необходимым, как дыхание. На вкус он

такой же, как я и запомнила, его язык настолько идеален для моего, он издает эти мягкие звуки, когда мы движемся вместе, что я хочу сохранить это до конца своей оставшейся жизни. Я хочу быть той единственной, кто когда-либо услышит их.

На протяжении нескольких минут или, возможно, часов, мы целуемся так, будто вообще не собираемся останавливаться. Нейт прижимается лбом ко мне, и я провожу пальцами по его шее и плечам. Он закрывает глаза и вздыхает, затем сгибает палец под моим подбородком и поднимает мою голову до тех пор, пока наши губы не встречаются вновь в медленном, более нежном поцелуе.

Когда на этот раз мы отрываемся друг от друга, я скольжу руками вниз по его рукам, позволяя нашим пальцам сплестись, перед тем как отстраняюсь. Я хочу большего, но если позволю себе сделать это, пока мы здесь, мне нужно знать, что я могу контролировать это. Мне необходимо понимать, что это может быть на моих условиях.

— Келли, — шепчет Нейт.

Так много всего, что я хочу сказать ему, хочу сделать с ним. Я пообещала себе один поцелуй, но взяла два.

— Спокойной ночи, — улыбнувшись, тихо говорю ему. Это искренняя улыбка, рассказывающая ему все то, о чем я не могу сказать вслух.

И мне приходится приложить огромное усилие, чтобы выйти за дверь.

Глава тринадцатая

Задний двор Райтов украшен разноцветными подвесными фонариками: голубые, красные, лиловые и желтые шары отбрасывают мягкий свет по всему двору, свисая с проволоки, натянутой между деревьями. Остальные гости очень маленькой свадебной вечеринки прибыли сегодня днем, и Эми, устроив предсвадебный ужин, решила отпраздновать тот факт, что мы все, наконец-то, собрались в одном месте. Мы, в некотором смысле, расходимся по двум группам, разделенным по полу. Мы с Габби сидим с двумя нашими близкими подругами, обе из которых присутствуют здесь в качестве подружек невесты. Жасмин, темнокожая, с длинными ухоженными волосами и улыбкой, которая может заставить вас выдать ваши самые глубокие, темные секреты, и Шелби — робкая, начитанная брюнетка с дикой жилкой, появление которой вы никогда не смогли бы предугадать. Девушка Итана, Эмили, сидит с края нашего узкого круга: не слишком близко, не слишком отстраненно.

— Морокко или Греция — это твой выбор? — спрашивает Габби, глядя на Жасмин так, словно ее потенциальные направления для отпуска — худшие места для отдыха во всем мире.

— Я знаю, что это не осуждение, которое мне слышится, Габби Морган. — Жасмин использует тот голос, который предназначен для случаев, когда она хочет, чтобы вы поняли, она больше не собирается терпеть ваше дерьмо.

— Просто... зачем ехать одной? В подобное путешествие? — спрашивает Габби.

— Потому что я хочу отправиться в отпуск, и не собираюсь сидеть без дела, ожидая, что какой-нибудь мужчина отвезет меня.

— Звучишь, как Келли, — говорит Габби.

— Эй, — отвечаю я, с не совсем поддельной обидой. — Не впутывай меня в это.

— Если Келли хочет быть свободным человеком, я это поддерживаю, — говорит Жасмин, улыбаясь мне. — Я работаю, как проклятая. Я замужем за своей работой. Честно говоря, это самые здоровые отношения, которые у меня были. Я получила повышение, так что, в честь этого, отправляюсь в путешествие. Мой личный медовый месяц, если вам так угодно, — говорит она, перед тем как сделать глоток вина из бокала, который держит в правой руке. — И мне не придется убираться за каким-нибудь тупицей.

— Медовый месяц без секса, — напоминает ей Шелби. Уровень извращенности Шелби может поставить человека в неловкое положение.

— Девочка, я могу получить секс без обязательств, — ухмыляется Жасмин в сторону Шелби. — Я познакомлюсь с каким-нибудь красавчиком-греком и обо всем позабочусь сама. Вы обе, если вам так хочется, можете выходить замуж, — говорит она, снисходительно махнув рукой на Габби и Шелби. — Я счастлива сама с собой.

Я вздыхаю, хотелось бы и мне быть такой уверенной в своей жизни в результате возложенного на саму себя одиночества. Я поступаю так в большей степени из-за необходимости, чем из-за предпочтения. Я не нуждаюсь в разбитом сердце; Жасмин не нужны обязательства. Жасмин идет и садится рядом со мной, и, поворачиваясь, чтобы улыбнуться ей, я мельком замечаю Нейта. Нейт, Бен и их отец стоят у гриля с пивом в руках на патио гостевого дома. Марко и Ксавье — друзья жениха — тоже там оживленно беседуют с мистером Райтом, наверняка обсуждая надлежащий вращающийся момент Мустанга

шестьдесят седьмого года или что бы то ни было, о чем мужчины разговаривают, ведя себя подобающе мужчинам. Нейт поднимает глаза в тот момент, когда я смотрю, и наши взгляды встречаются. Он улыбается, кивая мне, и я улыбаюсь в ответ, сильный прилив энергии ощущается во всем теле, вплоть до кончиков пальцев.

Даже находясь в другом конце двора, он все же знает, как добраться до меня.

— Брат Бена испытывает твой обет безбрачия, не так ли? — говорит Жасмин настолько тихо, что ее могу слышать только я. — Я узнаю этот взгляд, Келли. У тебя проблемы, и ты еще даже не понимаешь этого.

Я улыбаюсь, потому что она ошибается, ошибается и еще раз ошибается. У меня, несомненно, проблемы. Но я, определенно, это понимаю.

— Итак, Эмили, — говорит Шелби, и я ощущаю, как чувство страха зарождается во мне, распространяясь ледяными щупальцами во мне. Мы с Габби рассказали Шелби и Жасмин о ситуации Итан/Эмили и вдолбили им, что говорить о моем прошлом с Итаном воспрещается, но они обе под воздействием алкоголя, так что, кто знает, что может произойти? — Как вы с Итаном познакомились?

Я неодобрительно смотрю на Шелби, что она абсолютно игнорирует. Меня это не особо расстраивает, потому что, честно говоря, я хочу услышать ответ Эмили.

Эмили, улыбаясь, смотрит на Итана, стоящего в другом конце двора, перед тем как ответить.

— Мы познакомились в караоке-баре.

Жасмин чуть не выплевывает свой напиток.

— В караоке-баре? — спрашиваю я, совершенно недоумеваю. Итан не выносит караоке. Или, похоже, не выносил.

— Да. На вечеринке в честь дня рождения друга. Мы подружились на почве того, что оба были единственными, кто отказывался петь.

Это нелепо, но какой-то части меня приятно знать, что я была права насчет караоке.

— Как давно вы вместе? — спрашиваю я.

Габби сверлит меня взглядом, но мне все равно. Она может удивляться, сколько ей угодно. Сегодня вечером я собираюсь нарушить свои собственные правила, просто потому что должна знать ответ.

— Пару месяцев, — говорит она, убирая прядь волос за ухо. Она такая милашка, и есть в ней что-то весьма светлое, будто она просто источает свет. Я понимаю, почему Итан обратил на нее внимание.

— Чем ты занимаешься? — спрашивает Жасмин.

— Я логопед в начальной школе в Форт-Уорте.

— Она еще и рисует в свободное время, — говорит Габби, включаясь в разговор.

Она говорит это с таким энтузиазмом, что я задаюсь вопросом, выжидала ли она просто подходящего момента, надеясь задеть мое любопытство, чтобы я начала задавать ей подобные вопросы.

Я жду несколько мгновений, прежде чем что-то сказать.

— Что ты рисуешь?

— В основном, пейзажи.

— Покажи ей, — говорит Габби, подталкивая Эмили плечом.

Неохотно Эмили выуживает свой телефон из заднего кармана и пролистывает несколько фото, прежде чем передать мне телефон.

Когда я вижу картины, то столбенею. Они удивительно прекрасны, несмотря на ужасное качество изображения телефона. Мне трудно поверить, что их нарисовал кто-то, с кем я на самом деле знакома, что, я понимаю, нелепо.

— Эмили, — улыбаясь, говорю я ей, — они великолепны.

— Спасибо, — говорит она. И даже под тусклым светом фонаря я вижу ее румянец.

Возвращаю ей телефон, и впервые за весь вечер, кажется, что никому из нас нечего сказать.

— Могу я задать вам всего один вопрос, который терзает меня весь день? — спрашивает Эмили, выглядя в какой-то степени смущенно. Она встает, садится рядом с Жасмин, а затем наклоняется. Не знаю, кто, по ее мнению, может ее подслушать, парни, по крайней мере, в тридцати метрах от нас. — Тот парень, — говорит она, указывая на мужчин, окружающих гриль. — Тот, что в красной футболке?

— Марко, — говорит Шелби.

— Да, он. Почему у него татуировка «Ring Pop»^[9]?

Мы все раздражаемся хохотом, хватаясь за животы и хватая ртом воздух. Жасмин труднее всего отдышаться, потому что она изводила Марко по поводу этой татуировки с тех пор, как он набил ее, и я понимаю, что в этот момент она, должно быть, чувствует себя правой.

— Марко! — кричит она.

Все без исключения поворачивают головы в нашу сторону, и Марко выкрикивает:

— Что?

— Тут Эмили хочет знать все о твоей тату «Ring Pop».

Плечи Марко опускаются, когда Ксавье, Итан и Бен взрываются от смеха.

— Это анк, вы засранцы, — кричит он.

Эмили, усмехаясь, качает головой.

— Это Ring Pop, — говорит она себе под нос.

Боже, помоги мне, она мне нравится.

— Это лучший гамбургер, который я когда-либо пробовала, — говорит Шелби, наклоняя голову, чтобы слизнуть плавленый сыр, стекающий по ее большому пальцу.

Я мычу в знак согласия, вспоминая, как мой папа всегда говорил мне, что чем беспорядочней еда, тем она вкуснее. Воспоминание вызывает неожиданное тепло во мне, и я заталкиваю его обратно, как только оно всплывает. Воспоминания о моем отце — редкие хорошие вещи, и когда они появляются, то, как правило, исчезают так же быстро, как и пришли.

— Мы купили их чуть ниже по улице, — говорит Джесса, и каждый член семьи Райт тяжело стонет, включая Габби.

— Я не хочу думать о том, что у моей еды есть лицо, Джесс. — Нейт с опаской смотрит на свой гамбургер, но все равно продолжает есть.

Джесса закатывает глаза.

— Ты всегда чересчур переживал за животных.

— Не до такой степени, что не станет их есть, — отвечает Марко. — Он слопал с полусотню гамбургеров на мальчишнике Бена.

— Что случается в Вегасе, — говорит Нейт, прежде чем снова откусить.

— Ты же какое-то время был вегетарианцем, когда тебе было десять, да? — спрашивает Джесса.

— Пожалуйста, не рассказывай эту историю прямо сейчас. — Нейт кладет свой

гамбургер и вытирает руки о мягкое бумажное полотенце перед ним.

— Какую историю? — спрашиваю я, догадываясь, что если Нейт не хочет ее рассказывать, то она, должно быть, наверняка стоит того, чтобы ее услышать. Он закатывает глаза, но сопровождает это милой улыбкой.

— Мам, тебе взять одну? — Джесса поднимает свою бутылку пива и вертит ей, перед тем как сделать глоток.

— Как-то, перед тем как мы пристроили патио к гостевому дому, — улыбаясь, начинает Эми, — там было огромное дерево, и у нас были проблемы с птенцами и белками, падающими с веток. Нейт всегда следил за ними, и когда один из них упал, построил им небольшую кровать, наполнив коробку из-под обуви старыми полотенцами. Он кормил их с пипетки до тех пор, пока они не становились достаточно большими, чтобы вновь стать самостоятельными.

Нейт выглядит совершенно смущенным, и несколько парней за столом делают все возможное, чтобы не рассмеяться над ним, что, вероятно, в их же собственных интересах, потому что Нейт определенно с ними справится. И, вероятно, моментально. Могу сказать, что Итан хочет сострить, и какая-то часть меня хочет увидеть, как, без сомнения, он будет повержен, ведь Нейт крупнее и сильнее его. Но Итан решает не попадаться на крючок. Женщины, ну... каждая из них, за исключением его ближайших родственниц, мечтательно смотрят на него, и я, если честно, немного ревную. Какая-то часть меня хочет подойти туда, где он сидит, встать перед ним и написать МОЙ по всей его простой серой футболке. Но это безумие, правда? Желание отметить свою территорию, когда нет никакой территории? Я не могу заявлять права на Нейта.

Правильно?

Что со мной не так?

К счастью, Нейт, кажется, не обращает внимания на боготворящую его женскую аудиторию.

— Можем мы поговорить о чем-нибудь другом, а не о моем госпитале по спасению дикой природы.

Эми вздыхает, когда смотрит на своего сына, сжимая перед собой руки. В мгновение ока она переключает свое внимание на Ксавье.

— Как твоя мама? — спрашивает она. У матери Ксавье несколько лет назад диагностировали рак груди. Пока она хорошо справляется, но на какое-то время...

— Прекрасно, спасибо, что спросили, — говорит он с набитым ртом. Он улыбается ей, и от этого у него на щеках появляются милые ямочки. Это заставляет меня вспомнить, почему я была слегка влюблена в него, когда впервые встретила с ним много лет назад.

— Она бы ударила тебя, если бы увидела, как ты разговариваешь с набитым ртом, — говорит Жасмин полуязвительным-полусладким тоном. Они с Ксавье встречались в старшей школе, еще до того, как мы познакомились с ними. Они расстались летом перед колледжем, но Жасмин слишком часто его поддразнивает, а Ксавье всегда смотрит на нее, пожалуй, немного дольше, чем должен бы. Между ними до сих пор что-то есть, но не думаю, что они когда-нибудь перейдут к действиям, и какой же лицемеркой я оказалась бы, если бы обратилась к одному из них?

— Ему не впервой, — говорит Бен.

Эми закатывает глаза на своего сына, но улыбается, невзирая ни на что.

— Марко, а ты как поживаешь?

— Хорошо, спасибо. — Он всегда так вежлив.

— Поскольку у нас близится свадьба, и у меня на уме есть невесты, я должна спросить.

Ты уже сделал предложение своей девушке?

Марко глотает и практически давится едой. Бен слегка похлопывает его по спине, но Марко не требуется много времени восстановиться.

— Нет, мэм. Не сделал.

— Ну, так чего ж ты ждешь? — спрашивает Эми.

Марко пожимает плечами, и его лицо внезапно становится серьезным, когда он обводит взглядом стол, словно не знает, что ей ответить.

— Не уверен, что она та самая.

— Ох, — вздыхает Эми. — Тогда лучше подождать.

— Как понять? — спрашивает Шелби. — Что это тот самый человек?

— Я поняла, когда Джек перелетел через Атлантический океан из Парижа в Филадельфию, пока еще учился за границей, только ради того, чтобы мы могли побыть вместе на Рождество, — говорит Эми, и, в отличие от ужина другим вечером, никто из ее детей шутливо не застонал во время этой истории.

Джек присоединяется к разговору, беря Эми за руку.

— А я понял, когда она провела свои рождественские каникулы, пытаясь вылечить меня и поставить на ноги.

На губах Джессы расцветает милая, практически робкая улыбка.

— Я поняла, когда Райан стал первым человеком, которому мне хотелось звонить всякий раз, когда происходило что-то хорошее. Или когда я просто хотела кому-то рассказать о своем дне.

Я оглядываюсь на Итана, и он встречается со мной взглядом. За ним скрывается сожаление, и я задаюсь вопросом, думает ли он о том же, о чем и я. Он никогда — ни разу на протяжении наших отношений — не был для меня таким человеком. С хорошими новостями или всякий раз, когда хотелось поговорить, я всегда звонила Габби.

В глазах Габби этот рассеянный взгляд.

— Мы с Беном отправились на долгий уикенд в Остин, — говорит она, глядя на него. — У нас были билеты на ту пьесу, которую я всю жизнь хотела посмотреть. — О чем она умалчивает, так это о том, что у нее появилось отвращение к походам в театр после смерти ее родителей, и тот уикенд был для нее большим шагом. Но ей не нужно говорить об этом людям за этим столом, каждый, кто ей небезразличен, итак знает эту историю. — Для меня было весьма важно надеть браслет, принадлежавший моей маме. Но я так сильно нервничала, что каким-то образом умудрилась забыть его. Это кажется таким банальным, это ювелирное украшение, но за ним была история, и я просто... Мне нужно было надеть его в ту ночь. — Она улыбается Бену с непролитыми слезами в глазах, и он смотрит на нее так, словно она самое драгоценное в его жизни. — Бен проехал весь путь обратно в Даллас, чтобы забрать его, просто чтобы я смогла его надеть. Вот тогда я и поняла.

Она касается щеки Бена и наклоняется, чтобы поцеловать его.

— Обычно Бен забывчивый, — говорит Эми.

— Например, как он забыл про обручальные кольца, — глаза Джессы широко раскрываются, и она захлопывает ладонью рот, когда осознает, что сболтнула то, чего не должна была.

— Расслабься, — говорит Бен, поглаживая тыльную сторону руки Габби. — Нейт забрал

их по пути сюда.

— И поэтому он пропустил свой рейс, остановившись перекусить барбекю и застряв в пробке, — говорит Джесса, и мой желудок просто... падает.

Но тем вечером была задержка из-за погоды. Он сказал мне, что не сможет вылететь до следующего утра.

Нейт смотрит на меня, его глаза широко открыты и неясны. Слова его сестры просто крутятся на повторе в моей голове.

Примерно во втором часу ночи, все, наконец, начинают расходиться по своим комнатам, уставшие после долгого вечера еды, смеха и веселья с друзьями. Несмотря на то, что я долгое время не знала большую часть семьи Райтов и не проводила какое-либо время со своими друзьями на свадебной вечеринке в течение какого-то времени, было что-то очень домашнее и знакомое в этом вечере, что придало его завершению горьковато-сладкий оттенок.

Я не особо устала, и, кажется, Нейт тоже все еще бодрствует. Я чувствую, что он просто ждет возможности остаться со мной наедине для того, чтобы объяснить всю историю с аэропортом, о которой проговорила Джесса. Могу признаться, что хочу узнать причину этого, вероятно, настолько же сильно, насколько он горит желанием рассказать мне, что гораздо больше, чем следует.

Мы сказали Эми и Джеку, что возьмем обязанности по уборке на себя, чтобы они могли быть свободными на остаток ночи. Они сделали так много для этой свадьбы, что это кажется абсолютно правильным, и дает нам с Нейтом приятное нейтральное основание для того, чтобы все обсудить. Нейтральное основание — это хорошо; с Нейтом это наименее опасно. Нейт стоит по одну сторону длинного стола для пикника, а я — по другую. Мы оба держим огромные полиэтиленовые пакеты: один — для мусора, другой — для переработки отходов.

Нейт сбрасывает одноразовые тарелки с остатками еды в свой пакет, а я выливаю остатки вина в траву, перед тем как закинуть пластиковые стаканчики в пакет для последующей переработки. Стрекохут сверчки, и дует легкий ветерок. Он достаточно легкий, чтобы охлаждать нашу кожу, но недостаточно сильный, чтобы устроить беспорядок из того, что осталось на столе для пикника.

Мы оба молчим, и это молчание не совсем комфортное. Мне кажется, он ждет, когда я спрошу его, почему его сестра думает, что он пропустил свой рейс из Далласа, когда мне он сказал, что рейс был отложен до следующего утра. Кажется, ему, в какой-то степени, неловко из-за всего этого, и учитывая, что я всегда думаю о плохом, подозреваю, что это из-за того, что он принял меня за легкую мишень для секса в аэропорту и не совсем готов признаться в этом. Я имею в виду, что была легкой мишенью для секса в аэропорту; я сама искала этого, в конце концов. Но понимание этого разрушит прихоть флирта, магнетизм, который я испытывала, когда мы были вместе. Я хочу, чтобы он сказал мне правду, но в тоже время, не хочу ее знать.

— Нейт, — начинаю я. Его взгляд встречается с моим, будто бы он ждал всего лишь одного сигнала, чтобы признаться. Так он и поступает.

— Я солгал тебе той ночью, — говорит он, всматриваясь в мои глаза. — Мой рейс был отменен из-за шторма, но я зарегистрировался на еще один позднее этим же вечером. Я просто убивал время в баре; хотел застать конец игры. А затем вошла ты. — Он делает глубокий вдох и вздыхает, и в мире нет ничего, что могло бы заставить меня отвести взгляд. — Я был прикован к месту, Келли. Я не мог встать, не мог уйти. Мне нужно было

продолжать разговаривать с тобой, я не могу этого объяснить. Это было... необходимо мне, как дыхание.

— Тогда почему ты солгал? — мой голос надламывается, когда выходят слова.

— Как ни странно, из-за того, что не хотел, чтобы ты подумала, будто я использовал тебя. Сейчас я понимаю, что это был не лучший план. Моя мама, она отслеживает мои рейсы, и я не хотел объяснять, почему...

— Почему ты пропустил свой рейс, чтобы заняться сексом с какой-то женщиной, которую встретил в баре? — Я пытаюсь звучать непринужденно, но терплю фиаско.

— Нет, — говорит он, сокращая расстояние между нами. Даже не осознавая этого, я сделала несколько шагов ему навстречу. Нейт роняет пакет, затем тянется к моей руке. Он держит только мои пальцы, слегка скользя подушечкой большого пальца по моим ногтям.

— Я не просил тебя покинуть бар, чтобы заняться с тобой сексом. Я имею в виду, я хотел заняться с тобой сексом. Я хочу заняться с тобой сексом. — Он выпускает хриплый смешок, качая головой, и расстроенная улыбка создает тепло, расцветающее в моей груди.

То, как он спотыкается на словах и смотрит на наши переплетенные пальцы, когда продолжает, довольно мило. — Хотела ли бы ты просто разговаривать той ночью? Я бы сидел там и разговаривал до тех пор, пока не взошло бы солнце. Если бы пришлось, я пропустил бы и десять рейсов.

Он сжимает мою руку, глядя на меня, и нежный свет фонарей заставляет его идеальное лицо выглядеть практически божественным. Дыхание застревает прямо у меня в горле. Я хочу спросить его почему, почему он так сильно хотел поговорить со мной. Мной, девушкой, которую оставил отец, и парень которой обратился за утешением к другой женщине. Девушкой, которая никогда не была хороша настолько, чтобы заставить людей хотеть остаться. Но каким-то образом, он захотел.

Он внимательно смотрит мне в глаза, и, возможно, понимает это. Возможно, он видит все сомнения внутри меня.

— Ты включила во мне переключатель, который долгое время был выключен, — говорит он. — Той ночью, с тобой, все просто... вспыхнуло.

Мое сердце скачет, и воздух вокруг меня внезапно ощущается весьма напряженным. Мне нет дела до уборки или мусора, который мы собираемся здесь оставить, нет дела ни до чего, кроме улыбки Нейта, тепла его руки и ощущения его кожи на моей. Я хочу почувствовать его руки на себе, всюду.

Я переплетаю наши пальцы, и мы просто идем друг с другом, словно моя ладонь была создана, чтобы вмещаться в его руке. Я веду его через двор в дом, через гостиную и вниз по длинному коридору, ведущему к нашим комнатам. Мы проходим мимо моей и направляемся в его комнату. Я включаю свет и закрываю дверь.

Нейт выглядит слегка удивленным, и я хочу зацеловать его, пока это удивление не исчезнет. У него есть вопросы, я знаю это. У меня нет ответов, пока нет. Возможно, никогда и не будет, но думаю, он понимает это. Он хорошо понимает меня, зная не так уж и много обо мне. Он вернул некое доверие, которое я потеряла, когда несколько месяцев назад обнаружила, что Итан изменяет мне. Он заставляет меня снова чувствовать себя желанной; это то, чего мне слишком долго не хватало.

Я расцепляю наши пальцы и кладу обе руки ему на грудь, используя его тело в качестве опоры, когда приподнимаюсь на носочки, чтобы прижаться к его губам. Поцелуй мягкий и нежный, очень медленный и именно такой, какой мне необходим. Нейт кладет руки мне на

бедро, удерживая меня, и кончиками пальцев проскальзывает под мою футболку, обжигая кожу. Я отрываюсь всего лишь на мгновение, чтобы расстегнуть его толстовку.

— Келли, — говорит Нейт очень напряженным голосом. — Что... — Кончиками пальцев я провожу вдоль подтянутых мышц его живота, вверх вдоль его груди, и вопрос застревает у него в горле.

Стягивая толстовку с его плеч и опуская ее лужицей на пол, я шепчу:

— Ты включил переключатель.

Глава четырнадцатая

Нейт берет в ладони мое лицо, его взгляд застывает на моем, когда он нежно проводит подушечками больших пальцев вдоль моих разгоряченных щек. Под синевой его глаз скрываются золотистые крапинки. Я никогда не замечала их прежде, несмотря на то, что находилась достаточно близко, чтобы рассмотреть их. Возможно, я никогда по-настоящему не всматривалась в них, а, может быть, слишком боялась по-настоящему их разглядеть, слишком боялась всматриваться достаточно глубоко, чтобы увидеть чувства, скрывающиеся в глубине прекрасных, выразительных глаз Нейта.

Воздух между нами накаляется; он наполнен чем-то, что заставляет напрячься каждый нерв в моем теле. Каждый раз, когда Нейт касается меня, электрические разряды, вызывают высочайший, практически невыносимый выброс энергии вокруг нас. Это так сильно отличается от нашего последнего раза вместе, но до сих пор невероятно знакомо. Все это кажется удивительным, чудесным.

Предопределенным.

Руки Нейта скользят назад и обхватывают мою голову, в то время как он дарит мне нежный, ласковый поцелуй. Затем эти мягкие, идеальные губы двигаются вдоль моей щеки, слегка задевая мочку уха. Он зарывается лицом мне в волосы, глубоко дыша, и я цепляюсь за него, пробегая пальцами по коротким волосам у него на затылке, осторожно оттягивая их так, как я знаю, ему нравится. Одна его рука обнимает меня за спину, другая ложится на талию, и он очень крепко держит меня. Настолько сильно, что мне кажется, будто он пытается впечатать мое тело достаточно сильно, что, кажется, будто он боится отпустить меня. Словно, если отпустит, я исчезну.

Хочу сказать ему, что я здесь, никуда не уйду, но не могу. В любом случае, попытка убедить его иным способом, все испортит.

Он стягивает мою футболку через голову, отбрасывая ее в сторону, и затем расстегивает мой лифчик, спуская лямки по плечам. Кончиками пальцев нежно проводит вдоль ключицы, ниже к впадинке между грудью. Его ладони скользят вверх и вниз по бокам, накрывая выпуклость моей груди, перед тем как подушечки его больших пальцев начинают поддразнивать мои соски. Он касается меня очень медленно, пробуя все способы, которыми может заставить мое тело реагировать на него, и наблюдает, словно пытаюсь зафиксировать в памяти каждое мгновение. Затем его рот и язык следуют по тому же пути, который только что проделывали его руки.

Я исследую руками его грудь. Запоминаю рельеф каждой мышцы, выступающей поверхности каждого шрама. Я пробую солоноватую сладость его кожи, облизывая, посасывая и покусывая ее зубами, повторяю попытки с удвоенной силой всякий раз, когда он начинает с трудом дышать, вздыхать или стонать, что происходит довольно часто.

Просовывая пальцы под пояс его джинсов, отходя назад, тяну его на себя, и, упираясь ногами в матрас, падаю на кровать. Нейт смеется, Боже, это мой любимый звук, и я быстренько справляюсь с его ширинкой, стягивая джинсы и боксеры вниз, пока они не оказываются у его ног. Я провожу ногтями вдоль бедер Нейта, вцепляясь в них, тем самым вырывая легкое шипение из его уст и заставляя всю его загорелую кожу покрыться мурашками. Скольжу ладонью вниз по его эрекции, и он запрокидывает голову назад, выдыхая от полного удовлетворения. Ничего не могу поделать с улыбкой, и мной движет эта

новообретенная сила, которую я ощущаю, просто от осознания того, что этот великолепный мужчина полностью в моей власти.

Мои руки скользят от бедер к изгибу его задницы, и я раздвигаю ноги, сжимая его и оставляя ему место приблизиться. Облизываю его от основания до кончика, нежно беря в рот. Втягиваю щеки, вбирая его настолько глубоко, насколько могу, и каждый мускул тела Нейта выглядит напряженным, хотя он все еще кажется очень расслабленным. Его руки почти лениво путаются в моих волосах, пока он наблюдает, как я ласкаю его ртом, его взгляд слегка рассеян, а веки прикрыты до такой степени, что я могу разглядеть лишь слабый намек на голубой цвет. Когда он находится на грани оргазма — я могу сказать это по тому, как ускоряется его дыхание, и как мое имя слетает с его губ, будто он умоляет и одновременно выпрашивает — он аккуратно толкает меня назад на кровать, двигая к изголовью. Нависая надо мной, тянется и выхватывает презерватив из своей тумбочки, затем где-то за мной находит подушку, взбивает ее, перед тем как поднять мою голову и просунуть под нее подушку.

Нейт улыбается мне, одной рукой сжимая простыни возле моей головы, другой — властно обхватывая мою шею. Я тянусь и легко касаюсь пальцами уголка его рта, наслаждаясь ощущением его щетины под своими пальцами. Он поворачивает голову, целуя мою ладонь, после губами прокладывает тропинку к моему запястью, по внутренней стороне руки, вдоль груди и ниже, к животу. Встает на колени между моих ног и обхватывает меня за лодыжку, опуская ее себе на плечо. Целует внутреннюю сторону лодыжки, и я смеюсь, что заставляет его улыбнуться напротив моей кожи. Он прокладывает поцелуями дорожку к моему колену, где прикусывает кожу, затем продвигается ниже к внутренней стороне бедра, слегка задевая щетиной места, которые, как он знает, заставят меня извиваться. Я тянусь, чтобы сплести наши руки, моя правая рука в его левой, и он сжимает мои пальцы, перед тем как переплести их.

— Нейт, — шепчу я, так отчаянно желая почувствовать его в одном местечке, которое он столь намеренно игнорирует. Я ожидаю, что он скажет мне быть терпеливой, но он этого не делает. Он раскрывает меня и лижет клитор, сначала медленно, но ускоряется под стать скорости моего дыхания. Он толкает пальцы внутрь меня, сгибая их, когда я выгибаю спину. Мы — бесконечная цепь действий и реакций: он пристально наблюдает за мной, по ходу корректируя свой план. Ускоряет движения, которые подводят меня ближе к краю, и прекращает те, которые не делают этого. Я близко, очень близко, но когда взгляд его голубых глаз встречается с моим, пока он ласково поглаживает мое бедро своей свободной рукой, острая боль прознаёт мою грудь, расползаясь и оплетая сердце.

Я понимаю, что за последний год позволила себе привыкнуть к быстрому и простому освобождению и отсутствию духовной близости. Сделай это, чтобы понять, понять и почувствовать. Я довольно долго не была столь тесно связана с кем-то, и это ощущение переполняет меня. Я тянусь и пробегаю пальцами по волосам Нейта, опуская голову назад на подушку, когда мой оргазм, горячий и прекрасный, медленно накрывает меня. Он неспешно потирает руками вверх и вниз мои бедра, целуя меня там, когда мое дыхание замедляется, и пульс перестает грохотать в ушах.

Я сажусь и разрываю упаковку презерватива, раскатываю его по все длине эрекции Нейта. Он странно смотрит на меня, будто что-то не так, и в то же время все совершенно в порядке, но все по-другому. Не думаю, что в состоянии подобрать слова, чтобы объяснить это, как бы сильно ни хотела.

— Иди сюда, — говорю я ему, согнув палец.

Он наклоняется, руки крепко прижаты по обе стороны моих бедер. Я нежно беру его лицо в свои руки, позволяя кончику своего носа скользить вдоль его скул, подбородка. А затем наши губы едва лишь соприкасаются, и мы дышим вместе до тех пор, пока я слегка не подаюсь вперед, и он делает то же самое, и наши рты сливаются в долгом и глубоком поцелуе. Я тяну его вниз на себя, позволяя ему устроиться между моих ног.

Он смотрит на меня глазами, переполненными эмоциями.

— Келли...

— Обними меня, — шепчу я, просто желая, чтобы он выполнял то, что я говорю, не задавая мне лишних вопросов. — Положи руку мне на спину.

Он скользит рукой чуть ниже моих лопаток, пока я не чувствую, как пальцами прижимается к моему боку, затем свободной рукой убирает прядь волос с моего лица.

— Ты в порядке?

Я киваю, пытаюсь не заплакать. На самом деле, я больше чем просто в порядке, но мне нужно это, по-своему.

Я толкаюсь бедрами вперед, заставляя Нейта врасплох, когда он проскальзывает в меня, и обхватываю ногами его талию, подталкивая его скользнуть глубже. Мои руки обнимают его за плечи, и он выпускает маленький, дрожащий вздох, когда наши взгляды встречаются.

— Вот так, хорошо? — говорю я, цепляясь за него. У него практически нет места, но он справляется. — Вот так.

Он кивает, не в состоянии сказать что-то, или, возможно, ему просто нечего сказать. Двигаясь, он прижимается своим лбом к моему, и мое дыхание застревает в горле, когда я собираюсь попросить его поцеловать меня. Но он знает, он всегда понимает, что мне нужно, так что его губы встречаются с моими, когда мы двигаемся вместе, и я держу его, словно никогда не собираюсь отпустить. Словно не позволю ему уйти, не смогу. И мне нравится то, как его кожа ощущается напротив моей, то, как его поцелуи слегка рассредоточены, потому что я заставляю его чувствовать себя настолько хорошо, что он не может отдышаться. Мне нравится то, как он заставляет все мое тело сжиматься прямо перед тем, как я кончаю, но он продолжает, продолжает толкаться в меня до тех пор, пока я не получу от него каждую каплю удовольствия, которую могу, и все мои кости превращаются в желе. Он сразу же следует за мной, и когда силы покидают нас обоих, мы лежим запыхавшиеся в беспорядочном переплетении рук, ног и тел, Нейт переворачивается на спину, притягивая меня сверху. Я лежу у него на груди, моя голова находится у него на плече. Тянусь к нему, пока каждый дюйм нашей кожи не соприкасается.

Я хочу раствориться в нем, хочу заполнить все свободное пространство внутри него. Он целует меня в лоб, когда я кончиком пальца рисую крошечные сердца у него на груди. Его дыхание замедляется и выравнивается, но он обнимает меня, прижимая к себе, даже во сне желая, чтобы я была ближе.

Я закрываю глаза и улыбаюсь. В отличие от нашей первой совместной ночи в Далласе, на этот раз ни одна частичка меня не хочет сбежать. Даже хуже того, я хочу остаться.

Желание остаться — самое страшное чувство из всех.

Когда я лежу в объятиях Нейта, рассвет вновь наступает, кажется, слишком быстро, но на этот раз я не сбегаю. Моя голова покоится у него на плече. Его пальцы пробегают по моим волосам, аккуратно потянув их так, чтобы уложить меня обратно спать, если бы я так отчаянно не пыталась вспомнить каждую секунду этого утра. Наши ноги сплетены под

простынями, и все это ощущается так естественно, что я не могу представить, что когда-то чувствовала себя комфортно в другом месте. Но просто позволяю себе остановиться на этой мысли на секунду, потому что она, как правило, ведет меня к путям, которые заставляют меня слишком много думать.

— Что ты предпочитаешь на завтрак? — спрашивает Нейт, накручивая кончики моих волос на палец.

— Сложный выбор, — отвечаю я, наслаждаясь биением его сердца под своей рукой, растянувшейся поперек его груди.

— Между чем?

— Между своим желанием вкусно покушать и желанием дожить до сорока.

— Ну, так что? — он прижимается поцелуем к моему лбу, его щетина восхитительно грубо ощущается на моей коже.

— Ну, для начала бекон, имею в виду... это очевидно.

— М-м-м, бекон.

Мне нравится то, как звучит голос Нейта, когда я прижимаюсь ухом к его груди.

— Бекон на завтрак, бекон на обед, бекон на ужин. Бекон на каждый перекус, — говорю я. — Бекон, бекон и еще раз бекон.

— Так что еще тебе нравится? — спрашивает он, тихонько смеясь.

— Кукурузные хлопья с изюмом. Я люблю их, и ничего не могу с собой поделатъ, — говорю я, протягивая руку, чтобы сплести наши пальцы. Все в нем такое тёплое, что я не могу не прикасаться к нему, не желать быть рядом с ним. — Они полезны для здорового сердца.

— Клетчатка важна, — соглашается он, поднося мои пальцы к своим губам. Он прижимается к ним поцелуем, и я смотрю на него как раз вовремя, чтобы поймать его улыбку.

— Постоянство и все такое. К тому же, изюм — довольно потрясающий.

Нейт смеется.

— Могу сказать, этот разговор принимает оборот семьи Райтов, — говорит он, и я вспоминаю разговоры с его семьей, при которых присутствовала, которые неизбежно приводили к непристойностям.

— Тогда спроси меня еще о чем-нибудь.

— Есть какие-нибудь запреты?

Я чувствую изменение в его дыхании по тому, как поднимается и опускается его грудь. Возможно, это должно быть предупреждением мне, чтобы сказать, что да, есть некоторые ограничения, но я чувствую себя открытой книгой перед ним. Не знаю почему именно, но не чувствую себя вынужденной скрывать что-то прямо сейчас.

— Нет, никаких, — отвечаю я.

Он колеблется несколько секунд, и мой пульс ускоряется.

— Расскажи о своей семье, — говорит он тихо. — Ты знаешь все о моей, но я ничего не знаю о твоей.

— Справедливости ради, я просто в каком-то роде наткнулась на твою семью, — отвечаю я, пытаюсь выиграть немного времени.

— Моя мама сказала мне, что хочет взять тебя с собой в поездку в Нью-Йорк. Это немного больше, чем просто случайно наткнуться.

— Думаю, она чувствовала себя неловко из-за того, что я стояла там, когда она

поинтересовалась, поедет ли Габби. — Надеюсь, он не слышит скрытое разочарование в моем голосе.

— Неет, — говорит он, кончиками пальцев скользя по моей спине. Это простое движение заставляет все мои нервы встать дыбом, затрудняя мою концентрацию. — Она не склонна к чувству вины. Если она спросила, поедешь ли ты, то только потому, что она хочет, чтобы ты поехала. И ты увливаешь от моего вопроса. — Он целует меня в макушку. — Ты можешь не отвечать, если не хочешь.

Как ни странно, но то, что он дает мне выход, заставляет меня захотеть ответить ему.

— Что ты хочешь узнать? — спрашиваю я, подняв глаза вверх и встречаясь с ним взглядом.

— Все.

Пусть получает свой ответ.

— Моя мама, Элла Мэй Сэмпсон, родилась в Плано, штат Техас, во время сильной жары летом 1965 года.

Нейт смеется.

— Умно.

Я беру минутку, чтобы собраться с мыслями, прежде чем снова начинаю рассказывать.

— Моя мама, она невысокая, как и я, и мы очень похожи. У нее прекрасные слегка волнистые светлые волосы, и она всегда убирает их подальше от лица. Она безумно умная и очень усердно работала, чтобы поступить в колледж, после того как мой отец оставил нас. Она вице-президент маркетинговой компании. На самом деле, она собиралась приехать в эти выходные, но в последнюю минуту ей пришлось отправиться в командировку.

Несмотря на то, что меня не было всего несколько дней, разговор о моей матери заставляет меня скучать по ней настолько сильно, что становится больно.

— Она, кажется, потрясающая.

— Да. Она одна из самых активных людей, которых я когда-либо встречала. Я, честно, не знаю, какой бы была моя жизнь, если бы не она.

— Твой отец, он ушел?

Я киваю.

— Да. После развода какое-то время он был рядом. Приходил увидеться со мной каждые выходные на протяжении года. Но однажды, я ждала, что он заберет меня, но он не пришел. С тех пор я его не видела.

Я чувствую сбой в дыхании Нейта, и его руки крепче обнимают меня.

— Сколько тебе было, когда это произошло?

— Одиннадцать. В то время мне было сложно принять это, — признаюсь. Я никогда никому не говорила этого, даже Итану. — Я не хотела верить в то, что он мог просто взять и бросить меня. — Поэтому я представляла, будто он осознал, что совершил ошибку и вернулся, наблюдая за мной на расстоянии. Например, я представляла, что он был в толпе в торговом центре, в толпе родителей, которые сидели на трибунах во время моей игры в софтбол. Это было жалко.

— Это не жалко, — говорит Нейт, его голос вроде как разбит. — Но я никогда не пойму, как кто-то может бросить своих детей.

— Думаю, для некоторых это легко, — кончиком пальца я вывожу крошечное сердце у него на груди, чтобы отвлечь себя.

— Как это возможно?

— Не знаю, — отвечаю ему. — Но страшно то, что иногда ты не знаешь, кто эти люди, пока не становится слишком поздно.

— Келли, — шепчет он, настолько тихо, что я практически не слышу.

— Он пытался связаться со мной пару лет назад, — признаюсь я. Это еще одна вещь, которую я никому не рассказывала, даже собственной матери.

— И что ты сделала?

— Ничего, — внезапная волна стыда поражает меня, когда я признаю это. Она приходит из ниоткуда, едва не перехватывая дыхание. — Я просто никогда не перезванивала ему.

— Даже для того, чтобы сказать, какую сильную боль он тебе причинил?

Я выпускаю небольшой смешок.

— Почему бы мне хотеть, чтобы он знал это?

Нейт перемещается на свою сторону и скользит рукой вниз, оборачивая ее вокруг моей талии. Несмотря на то, что наши тела не контактируют, как до этого, это положение кажется намного более интимным. Так я не могу спрятаться от него, его глаза всматриваются в мои.

— Думаю, это хорошо, давать понять людям, что они причинили тебе боль, — говорит он, и в его тоне нет ни намека на осуждение. — Как еще они осознают свои ошибки?

— Почему я должна быть ответственна за то, чтобы он стал лучше? — я стараюсь не звучать так злобно, как ощущаю себя.

— Не должна, — отвечает он с печальной улыбкой на губах. — Возможно, у меня идеализированное мировоззрение, не знаю.

Он тянется и обхватывает мои щеки ладонями, и я закрываю глаза и наклоняюсь к нему. У него определенно идеализированное мировоззрение, но это мне и нравится в нем, особенно учитывая, что я достаточно цинична за нас двоих.

— Неа, — отвечаю я, пытаюсь поддразнить его. — Не у тебя.

— Твои чувства важны, Келли. Знаешь, я был засранцем в своей жизни... чаще, чем готов признать. И да, я знал тогда, что вел себя, как засранец, но когда, наконец, осознал, как это, на самом деле, повлияло на этих людей — когда они сказали мне, какую сильную боль я им причинил — это изменило меня. И, знаешь, те, кому я причинил боль, некоторые из них не получают преимущества от того, что видят, как я стал лучше. Но это те люди, которые научили меня, как относиться к людям, которых я люблю.

Заканчивая говорить, он тяжело сглатывает, и могу сказать, что он признался в большем, чем собирался.

Не уверена, сказал ли он то, что сказал, из-за того, что хочет, чтобы я поняла, что он совершал ошибки и учился на них, или потому что думает, каким образом я могу помочь своему отцу стать лучше. Возможно, он думает, что это поможет мне выговориться, а, может быть, просто сказал это, чтобы сказать. Но есть что-то в его настрое, что затрагивает это разочарованное местечко внутри меня, заставляет меня чувствовать робкий проблеск надежды, сколь бы мимолетным он ни был.

Прямо сейчас, единственное в мире, что я хочу — поцеловать его. Так что, именно это я и делаю.

Глава пятнадцатая

— Что это? — спрашивает Нейт, поднимая мою сумку со своих коленей, изучая ее, словно она своего рода научное явление. Он сидит на краю моей кровати, с нетерпением ожидая, когда я закончу собираться, чтобы мы могли спуститься на предсвадебный обед. Я все время повторяю ему идти без меня, но он отказывается. Несмотря на то, что прямо сейчас он своего рода заноза в моей заднице, не могу отрицать, мне нравится, что он рядом.

— Это моя сумка, — говорю я, смеясь над выражением замешательства на его лице.

— Она больше тебя, Келли.

Это черная кожаная сумка хобо, которая малость великовата, и, действительно, в ней целая куча... ну, всякой фигни.

— Нет, — говорю я ему.

Он открывает пряжку и всматривается внутрь.

— Привет... привет... привет, — говорит он, произнося каждое слово тише, тем самым имитируя эхо.

— Ты можешь быть умником или любопытным. Но не можешь быть и тем, и другим одновременно. — Я наношу немного духов за уши и на запястья, перед тем как склоняюсь над комодом для лучшего обзора в зеркале, чтобы нанести блеск для губ.

— Как ты в ней что-то находишь?

Я пожимаю плечами.

— Иногда не нахожу. Бывает, я бросаю туда вещи и нахожу их через несколько месяцев. Я немного неряшлива, — говорю, покрывая губы блестящим розовым блеском.

— Один из моих недостатков.

Нейт кивает, щелкая застежкой сумки, по-видимому, откладывая эту информацию на потом. Затем откидывается на кровать, раскидывает руки по обе стороны от себя, удерживаясь на них.

— Ты должен спуститься вниз, я буду через несколько минут.

Он садится позади меня, я могу видеть его только через отражение в зеркале, но наблюдая за озорной улыбкой, растягивающей его губы, узнаю этот взгляд в его глазах. Он практически хищнический и посылает дрожь по моей спине. Он наклоняется вперед, ставя локти на колени.

— Почему я должен уйти, когда здесь прямо передо мной настолько замечательный вид? — Я чувствую, как Нейт проводит кончиками пальцев сзади по моей ноге, выше под подол моей юбки. По моему телу распространяется покалывающее, легкое ощущение. Я действительно не знаю, как это назвать, но испытываю подобное каждый раз, когда он прикасается ко мне, смотрит на меня, и я знаю, он слышит, как у меня перехватывает дыхание. И тогда он прижимает свои руки по обе стороны от моих ног, разворачивая меня к себе лицом. Он встает, скользя руками выше, выше и еще выше, пока они не оказываются на моей талии, и поднимает меня на комод.

— Нейт, — шепчу я, чтобы просто услышать его имя.

Он начинает с шеи, осыпая мою кожу поцелуями, перед тем как провести губами вниз вдоль выреза моего платья, опускаясь все ниже и ниже. Его руки все еще сжимают мою талию, и он подтягивает меня на край комода, пока не устраивается у меня между ног. Его щетина ощущается грубой на моей коже, и я знаю, она оставит красноту после себя, но мне

все равно, ничто не имеет значения, лишь бы его рот и руки оставались на моем теле. Он не снимает мое платье, не настолько, чтобы засунуть руку под ткань. Он просто следует рукой ниже к впадинке между грудями, и у меня появляется ощущение, будто каждый сантиметр моего тела полыхает.

Затем, он опускается на колени, поднимает мою правую ногу на комод, а левую — себе на плечо. Он проводит зубами вдоль чувствительной кожи на внутренней стороне моего бедра, покусывая и целуя, пока поднимается выше.

— Мы опоздаем, — шепчу я, и когда он открывает глаза, они темны и напряжены, затуманены вызовом. Я скольжу ногтями по его голове и ниже к линии подбородка, царапая щетину. Она колется под моими пальцами, и Нейт вздыхает, когда я убираю руки.

— Значит, опоздаем, — говорит он все более тяжелым и низким голосом.

— Но это предсвадебный обед твоего брата.

Он смеется и качает головой.

— Келли, не говори прямо сейчас о моем брате.

Я снова пробегаю пальцами по его волосам, и когда он закрывает глаза и делает глубокий вдох, могу сказать, я компенсирую свою ошибку.

— Тем не менее, — шепчу я, обхватывая его щеки. — Опоздаем.

— Держу пари, мне не потребуется даже и пяти минут. — Нейт одаривает меня этой самоуверенной легкой ухмылкой, и я решаю бросить ему вызов, несмотря на то, что понимаю, скорее всего, он прав.

— Здесь нечем хвастаться.

— Позволь не согласиться, — говорит он и скользит пальцем вдоль края моих трусиков, заставляя меня извиваться. — В данном случае ничего не сказано о моей стойкости, лишь о том, как сильно я завожу тебя.

Я понимаю, это займет не пять минут, но мне нравится эта решимость в его глазах, когда он собирает юбку вокруг моей талии. Он оттягивает трусики в сторону, и я ощущаю его дыхание на себе, прямо перед тем, как он начинает долго и решительно облизывать меня. Я выпускаю вздох и откидываю голову на зеркало, пробегая рукой по его волосам, когда мое дыхание ускоряется.

— Ох, Нейт, — шепчу я, и чувствую его улыбку, когда его рот движется напротив меня, посасывая, потягивая и облизывая. Другая его рука ложится мне на бедро, и я сплетаю наши пальцы, просто желая каким-либо образом быть связанной с ним.

Подушечка его большого пальца медленно кружит вдоль тыльной стороны моей руки, имитируя мучительное движение его языка. Я крепче сжимаю его руку, когда чувствую, как внутри меня нарастает волна удовольствия, и притягиваю его голову, чтобы его рот находился там, где я хочу, где мне нужно, чтобы он находился. И в тот момент, когда я готова распасться, в мою дверь стучат.

— Келли, — говорит Шелби, практически крича. — Обед начинается, ты идешь?

— Да, — выдыхаю я, обращаясь вовсе не к ней. Потому что да... да.

Нейт смеется с нежным гулом, что практически губит меня.

— Келли?

— Я скоро буду, — выкрикиваю, надеясь, что она не уловит дрожь в моем голосе.

— Ты опоздаешь.

— Я сказала, что заканчиваю! — кричу я и смеюсь над абсурдностью всего этого, потому что я заканчиваю, на самом деле заканчиваю, ощущая вспышки от всего

происходящего по всему моему телу. Мое дыхание неровное, а рот Нейта все еще на мне, подталкивая меня дальше, когда я преодолеваю эту волну. Наши пальцы все еще переплетены, моя рука выводит ленивые круги на его затылке. После того, как он прижимается нежными поцелуями к внутренней стороне моих бедер, он поднимается и опускает мое платье.

Я хочу поцеловать эту самодовольную улыбку на его лице, поэтому тяну его ближе и тоже улыбаюсь, когда наши губы встречаются медленно и нежно. Отстраняясь, он все еще улыбается, и я провожу подушечкой большого пальца по его нижней губе, стирая розовый блеск, размазанный по ней.

— Что с лицом? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами, наклоняясь ближе, прижимает руки по обе стороны от моих бедер. Я утыкаюсь носом ему в шею и глубоко вдыхаю, когда его губы задевают мочку уха.

— Две минуты и шестнадцать секунд, — шепчет он.

После обеда мы все собираемся вокруг патио, разделившись по разным группам, общаясь и смеясь. Я замечаю, что нахожусь рядом с Нейтом, хотя в этом нет особой необходимости; просто испытываю глубокое желание быть ближе к нему, и в этот раз не преувеличиваю.

— Итак, нет прыжкам со скалы, — говорит он, смеясь сквозь улыбку, когда подносит бутылку пива к своим губам. — Я как бы предполагал, что ты скажешь это после твоего эксперимента с тарзанкой и угрями. Тебе либо нравится чувство падения, либо ты ненавидишь его.

Я облокачиваюсь о низкую кирпичную стену, огораживающую патио, расставляя руки по обе стороны от себя, когда Нейт делает шаг вперед, загораживая мне обзор на толпу. Будто он хочет, чтобы я была только его, и сегодня вечером я слишком счастлива, что позволяю ему это.

— Дело не в том неудачном падении, — говорю я ему, откидывая голову назад, пока наши глаза не встречаются. — Мне нравится это глубокое, покалывающее ощущение, когда мой желудок падает вниз. В этот момент ты уже отказался от контроля и можешь наслаждаться этим. Это сводит с ума, когда ты стоишь на краю твердой, безопасной земли и принимаешь решение прыгать.

Нейт долго смотрит на меня, печальная улыбка растягивает его губы. Его рука прикасается к моей щеке, и я прижимаюсь к ней, пока он пробегает пальцами по моим волосам, обхватывая меня за затылок и касаясь своим лбом моего.

— Нет необходимости все планировать, Келли. Хотя бы раз поступи интуитивно, — говорит он тихо, и я понимаю, что он говорит не о прыжке в воду с обрыва. Возможно, мы и не говорили. Наши губы соединяются всего лишь на несколько мгновений, и, несмотря на то, что это милый поцелуй, даже невинный, он будоражит каждый нерв в моем теле.

Я смотрю направо и вижу Габби. Она стоит с Беном, Марко и Эмили, но смотрит на нас с Нейтом. Когда она извиняется перед ними, что прерывает беседу, я касаюсь руки Нейта и киваю в ее направлении, позволяя ему понять, что собираюсь поговорить с ней. Мы встречаемся на середине комнаты, и она быстро берет меня за руку и ведет в уголок неподалеку от гамака. Она понимающе ухмыляется мне, и у меня скручивает желудок, потому что я понимаю, что меня ждет.

— У него все так плохо, — говорит она нараспев, словно мы вернулись на игровую площадку в начальной школе. — И он не единственный.

Я пристально смотрю на нее, отчасти потому, что она прервала нас и отчасти потому, что она права.

— Ты обещала: никакого сводничества, Габби.

— Я не обещала!

— Обещала, ты обещала тем утром в грузовике, — напоминаю я ей.

Она улыбается, и есть что-то доброе в этой улыбке, что заставляет меня расслабиться.

— Я имею в виду, что не делала ничего для сводничества. Это все... вы двое. Все это видят.

— Видят что? — спрашиваю я, прикидываясь невинной.

— То, как он смотрит на тебя, Келли. То, как ты смотришь на него. Если ты думаешь, это просто какая-то интрижка...

— Это интрижка, — говорю я, прерывая ее. — И я наслаждаюсь ей, пока она длится. Не разрушай эти два дня, которые у меня остались, пытаясь превратить то, что происходит, в нечто большее.

— Келли, — вздыхает она. — Я не глупа. Как думаешь, что произойдет, когда это все закончится?

— Что, как я знаю, произойдет, так это то, что вы с Беном отправитесь в медовый месяц. Я вернусь в Даллас, а Нейт — в Боулдер, и я буду с нежностью оглядываться назад.

— ТИХО ВСЕМ! — кричит Мадлен. Нейт держит ее, и она кажется смущенно-внезапным вниманием, когда в комнате воцаряется тишина, поэтому утыкается головой ему в шею, пряча свое лицо. Он делает несколько шагов в сторону гостевого дома, чтобы каждый мог видеть его, и ищет мои глаза в толпе. Подмигивает мне, и я понимаю, что он делает все это, для того, чтобы прервать этот разговор, потому что видит, как мне не по себе. Я могла бы и поцеловала бы его за это, если бы это не разозлило Габби.

Нейт прочищает горло.

— У Мэд есть кое-что, что она хотела бы сказать своим дядюшке Бену и новой тетушке Габби, — говорит он с улыбкой, нежно подталкивая Мадлен своим подбородком.

Габби, никогда не оставляющая разговор незавершенным, оборачивается ко мне, перед тем как указывает в сторону Нейта, словно хочет напомнить мне о том, что у меня прямо перед глазами.

— Ты на самом деле собираешься сделать себя несчастной, чтобы доказать свою правоту?

— Я ничего не пытаюсь доказать, — говорю я ей, и это правда. Она думает, что я стану несчастной, если не дам себе шанс быть с Нейтом, но я смогу пережить эти страдания. Неизбежно разбитое сердце, вот что убивает.

Уже поздно, и все гости начинают прощаться и возвращаются в свои комнаты, чтобы отдохнуть перед важным днем, ожидающим нас завтра. Завтра в это же время я буду стоять здесь со всеми этими людьми, одетая в красивое платье, и Габби на всю оставшуюся жизнь свяжет себя с Беном узами брака. Что самое замечательное, по крайней мере, для меня, это то, что она даже ничуть не нервничает. Конечно, она переживает о церемонии, но обязательная часть уравнения даже не заставляет ее напрячься.

Я достаточно самокритична, чтобы признать, что завидую ей в этом плане. Не то чтобы я жаждала выйти замуж, но всегда хотела, чтобы такая вероятность присутствовала. Теперь это кажется неосуществимым для меня, как выиграть джекпот в лотерее. Я вспоминаю, как Нейт сказал мне ранее этим утром, что необходимо рассказать людям, причинившим мне

боль о том, что они со мной сделали. Возможно, есть от этого какая-то польза, помимо помощи этим людям не совершать вновь те же ошибки. Возможно, примирение поможет мне двигаться дальше. К чему конкретно, не знаю... но, разве прямо сейчас это важно?

В другом конце двора, Итан в одиночку сидит на скамейке. Его локти опущены на колени, и он держит бутылку пива за горлышко, зажав его большим и указательным пальцами, осторожно покачивая ее туда-сюда. Мне приходит в голову, что, несмотря на то, что я не готова поговорить со своим отцом о том, как чувствовала себя, когда он оставил нас с мамой, я готова поговорить с Итаном о нашем расставании. Возможно, это поможет ему больше, чем мне, и как бы сильно мне не хотелось помогать ему, я сделаю это. Когда-то он был моим другом, и иногда я скучаю по этому, даже если боль предательства портит эти воспоминания.

Я спускаюсь с крыльца и шагаю через лужайку, и если Итан и удивлен, когда я сажусь рядом с ним, он этого не показывает. Его взгляд останавливается где-то справа от нас, и когда я поворачиваю голову, то вижу, что он смотрит на Эмили. Мадлен спит, раскинувшись на коленях Эмили. Эмили пробегает пальцами по волосам Мадлен, пока разговаривает с Джессой. Не вполне понимаю, откуда исходит эта неистовая защитная волна, учитывая тот факт, что я едва знакома с Эмили, но она есть, и я не могу ее игнорировать.

— Не изменяй ей, Итан. Она этого не заслуживает, — говорю я. Удивлена своей прямоотой, но Итан не выглядит обиженным этим.

Итан молчит минуту, наблюдая за своей девушкой, надеюсь, позволяя тому, что я только что сказала, уложиться в голове.

— Вы двое теперь друзья? — наконец, отвечает он.

— Мне не обязательно дружить с ней, чтобы понять, что я не хочу, чтобы это произошло с ней.

Глядя на меня грустными глазами, Итан открывает и закрывает рот, будто хочет что-то сказать, но не совсем понимает, как это выразить. Вместо этого, я решаю говорить за него, потому что мне нужно сделать это, пока я готова.

— Я просто скажу это хорошо? Это все будет абсолютно лишено всякого гнева и обиды, которые я испытывала по отношению к тебе на протяжении последних шести месяцев, и после того, как я выскажусь, ты сможешь перестать смотреть на меня, как на брошенного щенка, а я перестану смотреть на тебя так, словно хочу вырвать твое сердце, и, возможно, для Бена и Габби наши отношения больше не будут неудобными, — говорю я на одном дыхании. — Все это время я была зла на тебя не из-за измены, которая да... причинила мне боль, но... в тот день ты что-то отнял у меня, Итан. Ты убил мою веру в людей и мою способность доверять им и с готовностью принимать их слова. Ты заставил меня бояться рискнуть еще раз. — Его взгляд застыл на моих глазах, и каким-то образом я понимаю, что он слушает и принимает мои слова близко к сердцу. — У меня были проблемы с некоторыми вещами, до того как я познакомилась с тобой, имею в виду, я не перекладываю всю вину на тебя, но ты не помогал с этим. Не уверена, смогу ли когда-либо стать такой, какой была раньше. Возможно, я смогу двигаться дальше после всего этого и стану сильнее, лучше. Надеюсь на это. Надеюсь, и ты станешь... — Я делаю глубокий вдох, потому что сказать эти слова труднее, чем я ожидала. — Я надеюсь, у тебя хорошая жизнь, Итан. Действительно надеюсь.

Итан моргает влажными глазами, и я практически слышу, как он сглатывает.

— Келли, мне жаль, что я причинил тебе боль.

— Я знаю, — говорю я, тянусь и сжимаю его предплечье. — Я прощаю тебя.

Его глаза возвращаются к Эмили, на его лице написана неуверенность.

— Отпусти ее, если все станет слишком плохо, — он кивает, но не смотрит на меня, и я воспринимаю это как намек уйти. Я делаю всего лишь несколько шагов, перед тем как он говорит.

— Нейт — хороший парень.

Я могу посмеяться, потому что Итан — самый последний человек, которому я когда-то захочу рассказать о любом потенциально возможном любовном интересе, и хочу сказать ему, что не нуждаюсь в чьих-то указаниях на душевную нравственность Нейта. Но я не хочу заканчивать этот разговор с озлобленностью; это разрушит все, что я пыталась здесь сделать.

Вместо этого, я говорю ему правду.

— Я знаю.

Когда я возвращаюсь на патио, Нейт опирается на перила с края, вдали от всех. Только по выражению его лица могу сказать, что он видел, как я разговаривала с Итаном, и когда он поднимает взгляд, его глаза полны вопросов. Подсознательно, я понимаю, что он не будет расспрашивать меня, о чем мы разговаривали, потому что знает, что это на самом деле не его дело. И что самое странное, я хочу, чтобы это было его делом. По тем или иным причинам, я не хочу, чтобы он волновался об этом, или чтобы любые мысли о примирении между Итаном и мной даже приходили ему в голову.

Нейт выпрямляется, когда я подхожу ближе. Его рука обнимает меня за талию, пальцы оказываются на моем бедре, и мне так спокойно здесь, в месте, где наши тела, кажется, прекрасно соответствуют друг другу. Он наклоняется, задевая губами мое ухо.

— Все в порядке?

Я делаю глубокий вдох, кивая, затем наши глаза встречаются.

— Я просто попыталась помочь Итану стать лучше.

Брови Нейта соединяются в замешательстве, перед тем как ленивая, понимающая улыбка появляется у него на лице, придавая блеск его глазам.

— Ты не хочешь сбежать отсюда? — спрашиваю я.

— Да, — тихо говорит он, положив руку мне на спину, когда ведет меня туда, где стоят Габби и Бен, чтобы мы могли пожелать им спокойной ночи. Я обнимаю их двоих и говорю Габби, что завтра утром первым же делом увижу ее, игнорируя самодовольное выражение на ее лице, когда Нейт сплетает наши пальцы, пока мы разворачиваемся и идем через двор.

Он медленно выводит круги на тыльной стороне моей ладони, когда я следую за ним в его комнату, где он включает свет и осторожно закрывает дверь позади нас. Он прижимается нежным, томительным поцелуем к моим губам, когда я тянусь и развязываю его галстук, стягивая тот с шеи и позволяя упасть на пол. Мы оба расстегиваем пуговицы на его рубашке, и когда с ней покончено, я вожусь с молнией на его брюках. Когда он наконец-то обнажен, он быстро справляется с моим платьем, спуская его по плечам, пока оно не падает к ногам. Нейт расстегивает мой лифчик, я стягиваю трусики, а затем он скользит одной рукой вниз по моей груди и дальше к бедру, пока ведет меня к кровати.

Нейт сидит в центре кровати, и я чувствую себя комфортно между его скрещенными ногами, обернув свои ноги вокруг его талии, а руки — вокруг шеи. Каждый удар моего безумного сердца подталкивает меня ближе к нему, и каждое нервное окончание в моем теле пульсирует, нуждаясь в нем. Он должен чувствовать то же по отношению ко мне, если твердость у моего бедра — это какой-либо показатель, но мы не торопимся и просто

целуемся. Просто обнимаемся. Просто существуем.

Большую часть ночи мы проводим в объятиях друг друга. Иногда дремлем, иногда касаемся друг друга. Иногда моя спина прижата к груди Нейта, тепло его губ ощущается на моей шее, он прижимает ладонь к моему бедру, раскрывая меня для себя, и я вздыхаю, когда он скользит в меня, словно всегда должен быть там. В этом нет ничего безумного, все происходит медленно и целенаправленно, словно ни один из нас не преследует никакое удовольствие, кроме того, которое исходит от ощущения просто быть вместе. Мы проводим всю ночь, изучая тела друг друга, как на вкус, так и на ощупь

Ранним утром, когда мы оба спокойны и тихи, я не трачу время на мысли о неизбежном разрушении моего уже разбитого сердца. Я просто счастлива быть с Нейтом и принадлежать ему столько, сколько бы это ни продлилось.

Глава шестнадцатая

Габби наблюдает сквозь стеклянные двери гостиной Райтов за друзьями и членами семьи, занимающими свои места на заднем дворике. Она так прекрасна в чудесном платье и с идеально собранными волосами, что мне действительно тяжело смотреть на нее. Она подобна лучику солнца: такая же ослепительно яркая и теплая. Я подхожу к ней, в правой руке держа ее букет, а в левой — свой.

— У нас осталась последняя возможность сбежать никем незамеченными, — говорю я, перекладывая цветы в своих руках, чтобы разгладить ее фату. — Я вырублю Жасмин и Шелби, и это даст нам, как минимум, пятнадцать минут форы.

— Мечтай, что сможешь вырубить меня, Киркпатрик, — поддразнивает Жасмин, с намеком на вызов в глазах.

— Все, чего я хочу, так это стоять у алтаря. — Габби смотрит на меня с блеском в глазах, и я вижу, насколько она уверена в том, что собирается сделать. — Я хочу стать его женой.

Хотела бы я быть настолько же уверенной хоть в чём-то в своей жизни.

Сбоку от двери зеркало в полный рост, я бросаю взгляд на свое отражение. Выгляжу так же прекрасно, как и ощущаю себя в этом бледно-розовом шифоновом платье с волосами, крупными локонами лежащими на плечах, потому что этим утром они просто не хотели слушаться парикмахера. Платье длиной чуть ниже колен, и мне нравится то, как блестящие босоножки заставляют выглядеть мои ноги.

— Принарядилась для своего дружка там снаружи? — спрашивает Шелби, выгибая бровь дугой и стреляя в меня осуждающим взглядом. — Габ выходит замуж через пять минут, и ты видела ее с Беном. Это единственное, чего стоит придерживаться, потому что у тебя не будет другого шанса увидеть ее в свадебном платье.

Я показываю ей язык, и она улыбается. Я стараюсь быть не слишком очевидной в том, как стою на носочках и смотрю за окно, стараясь найти Нейта. Мой желудок делает милый маленький переворот, когда вижу его, выглядящего таким обворожительным в светло-сером костюме.

— Дамы, вы готовы? Пора, — говорит подруга Эми, Диана, открывая двери.

Приглушенный шум толпы затихает, когда начинает звучать трио скрипок. Шелби распрямляет плечи и выходит на патио. Жасмин занимает свое место в дверном проеме, готовясь идти следующей. Я протягиваю Габби ее букет, и она обхватывает мои пальцы своими, слегка сжимая их. Когда она посылает мне понимающую улыбку, ее глаза переполняют слезы, слезы счастья,

— Ты прекрасно выглядишь, — говорю я ей, проглатывая ком в горле. — Ты собираешься стать такой счастливой, Габ. Ты заслуживаешь всего счастья в этом мире.

— Как и ты, — шепчет она. — Я люблю тебя, Келли.

Улыбаясь, я киваю:

— Я тоже люблю тебя. Удачи, красотка.

Габби выпускает мою руку, как только Диана касается моего плеча, давая понять, что мне пора идти. Я выхожу на зеленую-презеленую траву нетронутой лужайки, и смотрю куда угодно, только не на Нейта, потому что боюсь, что если увижу его лицо, то пройду слишком быстро. Вместо этого, я сосредотачиваюсь на том, чтобы переставлять одну ногу перед

другой и пройти по проходу между рядами девственно-белых стульев, на которых сидят все те, кого любят Бен и Габби. Эми улыбается мне со слезами на глазах, когда прохожу мимо нее, и я делаю три шага вверх к алтарю.

Когда Габби выходит из дома, музыка сменяется на тихий, нарастающий марш. Я сквозь слезы наблюдаю за ней, пока она идет по проходу. Бен выглядит настолько влюбленным, что кажется, для него тяжело не сорваться через двор к ней и взять на руки. И циник во мне — та еще сволочь — дает о себе знать. Я не могу не думать обо всех парах, которые делали это до них: шли по проходам и стояли у алтарей, где обещали любить друг друга вечно. Пары, которые, годы спустя, спорят из-за кухонных столов и антикварных ламп, с комфортом восседая в офисах своих адвокатов по бракоразводным делам, получающих по пятьсот долларов в час. Они все в самом начале выглядели, как Габби и Бен?

Я думаю о Эми и Джеке, держащихся за руки в первом ряду, которым как-то удалось сделать невозможное. Предопределено ли, когда пары идут по проходу, какие из них справятся с этим, а какие — нет? Или же все начинают с равным шансом, а выборы, которые они делают на протяжении многих лет, либо сближают их, либо отталкивают? В моей голове кружатся мысли обо всем этом. Выходить замуж, черт возьми... даже отдавать кому-то свое сердце подобно прыжку с обрыва. Как люди могут брать на себя такое обязательство, не зная, что произойдет, когда они завоюют расположение?

Такие люди, как мои мама и папа, просто не смогли сделать так, чтобы это сработало. Но есть также такие люди, как Эми и Джек. И люди, как Габби и Бен, настолько любящие друг друга, что одновременно и вдохновляют, и пугают меня.

А еще есть Нейт, который стоит через проход от меня, не сводит с меня глаз и улыбается мне, словно больше ничего вокруг не существует.

Когда он смотрит на меня подобным образом, мне хочется этого.

Я тянусь и беру букет Габби.

— Дорогие, мы собрались здесь сегодня...

Ужин начинается, как только садится солнце, и мерцающие огоньки, украшающие стойки навеса в сочетании с мягким светом свечей от конусообразных украшений на столах отбрасывают неосязаемое свечение через шатер. На другой стороне — танцпол с диджейским пультом в углу, но сейчас он воспроизводит нежную музыку, по большей части приглушенную гулом разговоров и столовых приборов, звенящих по фарфору.

Ужин очень вкусный: филе с обжаренной спаржей и грибным ризотто. Мы пьем восхитительное вино в замечательной компании. Бен и Габби только что поженились, и они отвратительно милы. Я должна быть счастлива — имею в виду, я счастлива — но не должна быть настолько увлечена своими мыслями.

Я чувствую себя комком нервов и нестабильности, и абсолютно ничего не помогает. К счастью, не думаю, что моя рассеянность настолько очевидна, и даже если так, другие люди слишком поглощены вечеринкой, чтобы заметить это, что, несомненно, хорошо.

Нейт сидит слева от меня, нарезаая для Мадлен стейк и спаржу на маленькие кусочки. Она сидит у него на коленях, хихикая. Джесса сидит через несколько столов со своим мужем, который прилетел лишь сегодня утром. Им, похоже, выпала доля семьи Райтов, судя по тому, как далеко зашли их конструктивные отношения: они женаты в течение пяти лет, а смотрят друг на друга так, будто это их свадьба. Даже Итан с Эмили склоняются ближе друг к другу, держась за руки и обмениваясь улыбками.

Кажется, я выбиваюсь из этой группы. Как ни странно, это не расстраивает меня, а

только заставляет хотеть остаться одной, чтобы случайно не огорчить кого-либо из этих прекрасных людей вокруг меня. Особенно, кое-кого прямо рядом со мной, столь умилительно-замечательного со своей племянницей, что мне тяжело убрать улыбку со своего лица.

— Прибережешь попозже для меня танец? — спрашивает Нейт, когда пронзает кусочек мяса вилкой.

— Почему я должна приберечь его? — Мадлен смотрит на него вверх своими голубыми любознательными глазами.

Нейт ухмыляется и выпускает веселый смешок.

— Мэд, это такое выражение. Когда ты хочешь потанцевать с прелестной девочкой и знаешь, что многие парни также собираются пригласить ее, ты хочешь убедиться, что она в курсе, что ты хочешь быть одним из этих парней. Поэтому ты просишь ее приберечь для тебя танец.

Маленький миленький ротик Мадлен формируется в крошечную "О", и могу сказать, она не совсем понимает о чем речь, но все равно соглашается с ним.

— Хорошо.

Нейт смеется, когда Мадлен крадет кусочек стейка с его вилки, набивая им свой рот с громким чавканьем.

— Так ты прибережешь для меня танец позже? — Он сексуально подмигивает мне, что заставляет мое сердце болеть так же сильно, как и трепетать.

Я киваю, не доверяя себя произнести и слово.

Нейт хмурит брови, должно быть, заметив, что я потерялась где-то в своих мыслях. Как только он открывает рот, чтобы сказать что-то еще, Эми встает и стучит ложкой по бокалу. Когда воцаряется тишина, она берет микрофон и идет к нашему столу, останавливаясь прямо перед Беном и Габби.

— Спасибо всем, что пришли сегодня поздравить моего сына и мою новообетенную дочь, — говорит Эми с улыбкой. Я замечаю, что она не называет Габби своей невесткой, и вновь чувствую знакомый всплеск симпатии к этой замечательной женщине, которая во всех смыслах приняла мою лучшую подругу в свою семью. — Мой Бен всегда был очень скрытным. Он держит все, что его беспокоит, очень надежно охраняя; ему не нравится делиться этим с миром. Будучи маленьким, он был полон больших идей и очень умным, но никогда не хотел показывать своему отцу и мне то, над чем он работал, прежде чем не заканчивал это. Он хотел удостовериться, что это именно то, чего он хотел, перед тем как показать кому-то из нас.

Я смотрю на Бена; его пальцы переплетены с пальцами Габби, и он смотрит вниз на них с робкой улыбкой на лице. Глаза Габби застыли на Эми.

— Когда он отправился в колледж в Техас, все, о чем он говорил — "Рейнджеры" и "Копы в юбках" и то, как сильно он ненавидел своего преподавателя химии. Пока однажды не упомянул Габби. Он рассказал Джеку, как она поделилась с ним своим учебником по английской литературе, когда он забыл свой в общежитии и не успевал вернуться за ним. — Все смеются; забывчивость Бена хорошо известна тем, кто его любит. Эми поворачивается и смотрит на Габби, после чего дотягивается и берет ее за руку. — Он стал говорить о ней все больше и больше, и, наконец, однажды привел ее домой, чтобы познакомить с нами. И когда я впервые увидела, как он улыбается ей, то поняла, что когда-нибудь мы окажемся здесь. Мой серьезный мальчик, который столь глубоко любит и заботится столь же сильно,

наконец, нашел девушку, заставляющую его смеяться. Габби... она — все, о чем я когда-либо мечтала для него. Она именно та женщина, на которой я хотела, чтобы он женился, и думаю, отец научил его всему, что ему необходимо знать о том, как стать любящим мужем для нее. — Слеза скатывается по щеке Эми, когда она смотрит на Джека, и я смахиваю свои слезы.

Нейт мягко толкает меня плечом. Он наклоняется ближе и шепчет:

— Приготовься.

— Я так счастлива, что все мы собрались здесь поздравить Бена с тем, что он нашел свою половинку, и Габби вышла замуж за своего мистера Райта.

Когда комната взрывается аплодисментами, Эми кладет микрофон и обнимает их.

Даже, несмотря на то, что Нейт в дразнящей манере рассказал мне о любви своей матери к ассоциации мистера Райта с мистером Правильным, я думала, что он игриво закатил глаза, когда она говорила это. Вместо этого, он смотрит на меня с нечитаемым выражением на лице, и интенсивность этого выражения слишком большое испытание для меня.

— Ты просто собираешься пялиться на него всю ночь, выглядя несчастной? — спрашивает Ксавье, пока ведет меня по небольшому танцполу.

— Я не выгляжу несчастной, — говорю я ему, даже не утруждая себя отрицанием того факта, что пялюсь на Нейта. Он в нескольких парах от нас, держит Мадлен за руки, пока она балансирует на кончиках его туфель, пытаюсь научиться простому танцевальному па. Я улыбаюсь, глядя на них, но понимаю, что это меланхолия из-за этой необъяснимой грусти в моем сердце, от которой я совершенно не могу избавиться сегодня вечером.

— Ты выглядишь несчастной, и это недопустимо, — Ксавье сверкает лукавой улыбкой и театрально наклоняет меня, и я не могу сдержать пронзительный вопль, который вырывается из моего рта. Я смеюсь, когда он поднимает меня, и, как только вновь встаю на обе ноги, слегка бью его по плечу.

— Так-то лучше, — говорит он, притягивая меня ближе. Я кладу голову ему на плечо, довольная ненадолго побыть рядом с тем, у кого нет никаких ожиданий. Мы покачиваемся вместе в течение минуты или двух, пока не заканчивается песня.

Начинается другая, и вскоре Ксавье отходит.

— Можно? — спрашивает Нейт.

Ксавье быстро исчезает, понимая, что мое одобрение — заранее известное решение. Я киваю, одаривая Нейта небольшой улыбкой, когда он берет мою руку в свою. Как обычно, малейший контакт с его кожей просто обжигает, удерживая на пределе каждый нерв в моем теле. Я делаю глубокий вдох, когда его рука обнимает меня за талию и располагается у меня на спине, притягивая настолько близко, что мое тело практически сливается с ним. Я провожу пальцами по его плечам, пока кончиками не задеваю волосы у него на затылке. Я могу чувствовать, как его сердце бьется напротив моей груди, как ускоряется его дыхание, когда я касаюсь его подобным образом.

Я закрываю глаза, когда мой мои внутренности скручивает. Не могу представить, что позволю себе удержать его.

Не могу представить, что отпущу его.

Надеюсь, что смогу справиться с этой печалью, которую я когда-либо чувствовала с тех пор, как шла к тому алтарю. Обещала себе, что не стану ввязываться, и все же я здесь, настолько запуталась в нем, что мне трудно понять, как выпутаться.

Если Нейт и замечает мою борьбу, то не говорит мне об этом напрямую. Если он и видит нерешительность в моих глазах, то пытается отвлечь меня от этого.

— Милое платье, — говорит он, осторожно скользя пальцем под лямку и играя с ней. Мурашки разбегаются по всей моей коже, и по его взгляду могу сказать, он весьма доволен тем, что может заставлять мое тело реагировать на простое прикосновение. Нейт царапает щетиной мою щеку, нагнувшись, чтобы прошептать мне на ухо: — Оно будет отлично смотреться на полу моей спальни.

Я отстраняюсь и смеюсь, закатив глаза от этой банальной фразы.

— Ты выше этого, — говорю я, поддразнивая его. Закрываю глаза, когда он целует кончик моего носа.

— Хорошо, — отвечает он, улыбаясь, его палец все еще плавно движется по моей коже, когда его голубые глаза встречаются с моими. — Мы сыграем в игру, чтобы посмотреть, насколько хорошо я могу заставить тебя почувствовать себя, пока оно все еще на тебе.

Эта улыбка, эти слова и его глаза, все вместе, заставляют мои колени дрожать.

— Мы должны оставаться здесь, пока Габби с Беном не уйдут, — говорю я ему не совсем уверенная, почему так внезапно обескуражена им.

Пальцы Нейта переплетаются с моими, когда он притягивает меня ближе, прижимая к своей груди.

— Мы успеем все, что только можем за то время, что у нас осталось.

То, как он неправильно истолковывает мою грусть, заставляет мое сердце сжаться от боли.

— Завтра мы уезжаем. — Мой голос немного напряжен. Я не совсем понимаю, зачем говорю это, возможно, чтобы напомнить себе о неизбежности нашего прощания, а, может быть, чтобы напомнить ему.

— И что будет дальше? — голос Нейта тих, и я даже не уверена, что этот вопрос предназначался для моих ушей. Во всяком случае, я отвечаю.

— Не знаю.

Мы покачиваемся в такт музыке, и я поворачиваю голову, глубоко дыша. Мне хотелось бы суметь найти способ сохранить его запах с собой навечно. Я хочу набрать его в бутылку и носить с собой в сумочке для напоминания о счастливых днях, всякий раз, когда жизнь решит преподнести неприятный сюрприз. Закрываю глаза и думаю о его улыбке, от которой у него на щеке появляется ямочка, и которая делает его глаза голубыми, подобно небу.

— Ты можешь приезжать в Колорадо, — говорит он, скользя кончиками пальцев по обнаженной коже на моей спине. — Я могу приезжать к тебе. Мы сможем найти способ, чтобы это сработало.

Это то, о чем я не хотела думать этим вечером. Или... когда-нибудь вообще, если на самом деле быть честной. Могу ударить себя, потому что это именно то, что, я боялась, произойдет, когда увидела, как он вышел на крыльцо несколько дней назад. И я такая идиотка, потому что как можно не увлечься им? Как что-то между нами могло быть мимолетным? Он настолько прекрасен как изнутри, так и снаружи, но я просто... я не могу. Не могу, и нет никаких слов, объяснить страх и желание, сковавшие меня изнутри.

— Келли? — шепчет он.

— Можем мы поговорить об этом позже? — спрашиваю я, изо всех сил стараясь звучать ненапуганно. Думаю, я провалилась, потому что когда поднимаю глаза на Нейта, его глаза мрачны, а брови нахмурены. Это выглядит так неуместно на его красивом лице, что мне

нужно дотянуться и разгладить складку между его бровями подушечкой большого пальца. Несмотря на то, что его лицо расслабляется, сам он, безусловно, напряжен.

Он не спрашивает снова о приезде, но его руки ослабляют свою хватку на мне, и вот уже он уходит.

Лучше раньше, чем позже.

Габби, Шелби, Жасмин и я стоим в спальне Бена, помогая Габби закончить паковать ее чемодан для медового месяца. Я никогда раньше не была в комнате Бена, но должна сказать, что она вовсе не так хороша, как комната Нейта. Причина этого, прежде всего в том, что Бен, по всей видимости, неряха.

— Это отвратительно, — говорю я, указывая на пару боксеров, висящих на глобусе на его столе. Я даже не хочу знать цепочку событий, приведших к тому, что именно этот предмет одежды оказался там. — Так вот на что похожа спальня в вашей квартире?

Габби бросает расческу в свой чемодан и смотрит на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Похоже, ты меня совсем не знаешь, — поддразнивает она. — Я сказала ему оторваться и быть максимально небрежным, каким он только мог быть на этой неделе, потому что как только кольцо окажется на его пальце, он не будет разбрасывать свое грязное белье, где вздумается.

— Кольцо уже на его пальце, — быстро говорю я.

Габби смотрит вниз на свою руку и улыбается.

— Да, думаю так и есть.

— Я положила около сотни презервативов в твою сумку, так что вы, ребята, будете там в полной боевой готовности. — Жасмин — настоящая фанатка безопасного секса. — Не позволяй ему обрюхатить тебя сразу же. Вам, ребята, нужно какое-то время, чтобы просто расслабиться и побыть женатыми. И по карьерной лестнице сложнее карабкаться, когда у тебя на руках висит младенец.

— Младенцы не висят, — говорит Шелби, закатывая глаза. — Ты вообще что-нибудь знаешь о детях?

— Нет, — отвечает Жасмин. Она выглядит, несомненно, отвратительно. — И планирую, чтобы все так и оставалось.

— Обрати внимание на этот мудрый совет, — говорю я, указывая на Жас, когда прохожу и сажусь на чемодан, стараясь помочь утрамбовать его содержимое до такой степени, чтобы, даст Бог, кто-то из нас смог бы застегнуть эту чертову вещь.

— Сделайте побольше фотографий Сены, — говорит Жасмин. — Неприличное количество фотографий.

Шелби вздыхает.

— Они собираются занять вещами получше, чем обеспечивать произведениями искусств твою тысячную по счету реконструкцию гостиной.

— Да, — говорю я, наконец, сумев переместить застежку-молнию вдоль верхней стороны чемодана. — Как и купить мне винтажный клатч от Шанель. Кремовый или черный, пожалуйста.

Габби стоит перед зеркалом, висящим над комодом Бена, оборачивая симпатичный шелковый шарф вокруг своей шеи. Она наклоняется вперед, пробегая пальцами вдоль нижней губы, стирая остатки губной помады, затем вытягивает губы. Ей требуется несколько секунд, чтобы повернуться к нам, и, развернувшись, она улыбается. В ее глазах блестят

слезы, грозясь упасть.

— Это конец эпохи, — говорит Жасмин. Она имеет привычку быть немного драматичной, но я невольно с ней соглашаюсь.

Габби замужем. Она чья-то жена. У нее есть муж. У меня не укладывается это в голове, несмотря на то, что у меня был практически год, чтобы свыкнуться с этой мыслью.

Жасмин и Шелби обнимают ее, и последней она поворачивается ко мне.

— Поздравляю, — шепчу я, обнимая ее. — Габби Морган-Райт.

Она сжимает меня, позволяя вырваться смеху. Для нее, должно быть, странно слышать свое новое имя. Мы втроем следуем за ней за дверь, и она берет меня за руку, пока мы спускаемся по лестнице и входим в гостиную, где ее ожидает Бен. Я обнимаю его, перед тем как выхожу через входную дверь и прохожу мимо ожидающей толпы людей, вниз по ступенькам к краю подъездной дорожки, прямо позади машины, где стоит Нейт. Выходит Джек, с чемоданами в обеих руках, так как он помогает водителю загружать их в багажник ожидающего лимузина. Дверь открывается, и Бен с Габби с аплодисментами и добрыми пожеланиями, обнимая людей, постепенно пробираются к своему автомобилю. Когда они добираются до нас с Нейтом, мы все еще раз обмениваемся объятиями, прежде чем они исчезают в машине.

Я оглядываюсь, ожидая, когда они уедут. Джек обнимает Эми за плечи, ее голова лежит у него на груди. Джесса обнимает своего мужа Райана за руки, прижимаясь к нему спиной, а голова ее спящей дочери покоится у нее на плече. В этой семье так много любви.

А еще есть Нейт и я.

Мы двое стоим рядом, но все же далеки друг от друга.

Глава семнадцатая

После того, как гости расходятся, и дом затихает, я бреду к крыльцу и включаю камин на самую маленькую мощность, просто чтобы он немного согрел меня. Я сажусь на один из плетеных двухместных диванчиков и наблюдаю за колебанием пламени и тем, как оно отбрасывает танцующие тени перед камином. Замешательство, съедающее меня изнутри, причиняет боль.

В который раз я не имею понятия, что делаю. Покидая тот гостиничный номер неделю назад, я думала, что видела Нейта в последний раз. Я была в порядке, правда, была. Был приятно провести несколько божественных часов, не беспокоясь о реальном мире, о том, что происходило за пределами того номера. Затем судьба, эта безжалостная стерва, решила вернуть его в мою жизнь. И теперь... теперь, понимая, что он хочет большего, я не уверена, достаточно ли мне той ночи. Но дело в том, что я не понимаю, заиклена ли я на самом Нейте или на его образе мышления. Я боюсь того, что может случиться, если впущу его в свою весьма реальную жизнь, послушной список которой, когда дело касается любви, не такой уж и большой. Не думаю, что понимаю, как сделать так, чтобы это сработало, по крайней мере... не сейчас. Я не хочу, чтобы мне снова причинили боль, и инстинкт самосохранения затмевает мое желание просто... быть с ним. Я хочу, чтобы он был счастлив. Хочу, чтобы у него было то, что есть у его родителей, у его брата и сестры: настоящая, глубокая, непоколебимая и неоспоримая любовь. Я хочу, чтобы он любил и был любим кем-то, кто сможет подарить ему свое сердце, не заботясь о том, чтобы удержать частичку себя, просто на тот случай, если он разобьет это самое сердце.

Он заслуживает гораздо больше того, что я могу ему дать.

Тихий звук шагов позади выводит меня из раздумий. Даже не глядя, я понимаю, что это Нейт. Я ощущаю его присутствие; когда он рядом, атмосфера вокруг меня необъяснимым образом меняется, будто он посылает в воздух особые вибрации. Я поворачиваюсь, и мой взгляд застывает на нем. Мы долго смотрим друг на друга, и время будто останавливается.

Все во мне умоляет отвернуться от него, но мгновение спустя я слышу его приближающиеся шаги, и мой пульс ускоряется с каждым сантиметром дистанции, которую он сокращает. Он встает передо мной, и когда я поднимаю на него взгляд, то вижу, что у него на плече висит большая спортивная сумка. Это заставляет мое сердце уйти в пятки.

Его глаза так грустны. Свет, который был в них — свет, который я любила видеть в них, который искала — исчез.

— Ты уезжаешь? — спрашиваю я, озвучивая очевидное. Мой голос звучит неувереннее, чем я ожидала.

Брови Нейта сходятся вместе, и он сглатывает ком, задумчиво кивнув.

— Да. Мой самолет вылетает рано утром, я просто сниму номер в отеле неподалеку от аэропорта.

Совершенно неожиданная вспышка гнева накрывает меня, когда слышу его слова, и я не могу контролировать себя.

— Может, заскочишь в бар? — Это удар ниже пояса, вероятно единственное, что я могу сказать, чтобы причинить ему боль. Я ненавижу себя за то, что говорю это; я ведь не настолько мелочная и злая.

Его глаза распахиваются в шоке, словно я только что ударила его.

Боже, я готова все отдать, чтобы вернуть эти слова обратно.

— Это так чертовски несправедливо, Келли, — говорит он мрачным и низким голосом.

Я опускаю голову, чтобы уставиться на свои пальцы, крепко вцепившиеся в колени. Даже не могу посмотреть ему в глаза.

— Знаю, — отвечаю я. Вспоминаю первую ночь, когда мы познакомились, как я подумала, что он просто какой-то плейбой в поисках той, с кем можно было бы поразвлечься. Сейчас, узнав его получше, кажется особенно несправедливым, что я решила использовать ту ночь против него.

— В ту ночь, когда мы познакомились, ты сказал, что никогда прежде не делал ничего подобного, и ты был таким непринужденным. Я подумала... — качаю головой, желая, чтобы я не говорила ничего из этого. Это не поможет в данной ситуации.

— Так, ты думаешь, это игра для меня, но... я просто должен был принять твои действия за чистую монету? — спрашивает он. Я вижу, как ярость закипает в его глазах, таких мрачных и синих.

— Я не думаю, что это игра. Мне не следовало этого говорить, не знаю, почему сказала это.

— Я знаю, почему ты это сказала, — он настолько крепко стискивает ручку своей сумки, что его костяшки белеют. Ох, как я хочу дотянуться и успокоить их.

— Нет, не знаешь, — отвечаю я, несмотря на то, что не совсем уверена, что он ошибается.

— Мне жаль, что Итан изменил тебе, Келли. И мне жаль, что ты считаешь, что не можешь доверять мне.

Думаю, я могу ему доверять, и именно в этом моя проблема. Я много раз думала точно так же и раньше, и была лишь разочарована. Я ничего не говорю, потому что мне, на самом деле, нечего сказать.

— Тебе нужны какие-то гарантии, что я не Итан, что я не придурок. И знаешь что? — говорит он, подняв от раздражения правую руку, перед тем как с хлопком опустить ее себе на бедро. Он пристально наблюдает за мной, и я чувствую, что он может видеть прямо сквозь меня, видеть все, что у меня на душе. словно может видеть все, что делает меня той, кем я являюсь. Я думаю, что вполне могла бы уменьшиться в размерах от того, как он смотрит на меня, если бы такое было возможно. — Не думаю, что ты боишься успеха или неудачи, независимо от того, сработали бы наши отношения или нет. Думаю, ты боишься жизни. Боишься жить.

— Я боюсь, что мое сердце вновь будет разбито, Нейт, — говорю я, и это абсолютная правда. Но, чего я не говорю ему, так это того, что боюсь, что моя неспособность целиком и полностью отдать всю себя может сломать его. — Тебе не нужно заикливаться на этом больше, чем есть.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал тебе? — говорит он, совершенно игнорируя последнюю часть того, что я только что сказала. Он немного повышает голос, и бросает сумку на пол с громким стуком. — Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что я не такой парень, Келли? Что я не поступлю так? Я могу сказать это миллион раз, но ты не поверишь, потому что считаешь, что не заслуживаешь того, кто не будет обращаться с тобой, как с дерьмом. Тебя бросил отец, Итан изменил тебе. — Он делает глубокий вдох и закрывает глаза, перед тем как сосредоточить на мне взгляд своих, таких ясных, голубых и полных боли, глаз. — Ты думаешь, что это тебя и ждет.

Я вскакиваю на ноги от внезапно испытываемого мной порыва ярости. Я знаю его всего лишь одну неделю, и, внезапно он думает, что он мой психотерапевт?

— Ты не знаешь всего дерьма обо мне, Нейт, — я практически выплевывая эти слова, но даже несмотря на то, что я зла, и вполне обоснованно, когда произношу их, они кажутся неправильными. — Как ты смеешь бросать это мне в лицо?

На долю секунды я практически думаю, что мне все это кажется, он выглядит совершенно разбитым. Но не извиняется; вместо этого он делает шаг навстречу, все еще глядя мне в глаза. Я не могу отвести взгляд, даже если бы и захотела.

— Я знаю, что, когда ты нервничаешь, накручиваешь волосы на палец, — говорит он, и вся злость, которую всего лишь секунду назад я слышала в его голосе, испарилась. Сейчас он абсолютно мягок. Нежен. Словно целый мир зависит от этого разговора. — Я знаю, что ты фальшиво поешь, и что не осознаешь эффект, который оказываешь на людей... эффект, который оказываешь на меня. Я знаю, что ты произносишь мое имя во сне, и знаю, что ты хочешь изменить мир. Я знаю, что твоя улыбка просто... — он умолкает, поджав губы, стучит пальцами по своей груди, прямо в районе сердца. — Я знаю, что влюблен в тебя. И знаю, определенно знаю, что ты тоже в меня влюблена. И еще я знаю, что мы можем провести остаток наших жизней, узнавая еще больше друг о друге.

Когда Нейт заканчивает речь, он выглядит в некотором роде потрясенным, словно, сам того не понимая, позволил вырваться этому из себя.

Я потрясена. Фраза «остаток наших жизней» звучит у меня в ушах, наполняя ужасом. Я не отрицаю, разрыв с Итаном причинил мне боль. Но Нейт... будет намного хуже, если я потеряю его. И я понимаю это уже сейчас, всего лишь после одной недели. Каково же мне будет через месяц? Год?

— Все не так просто, — говорю я, прилагая все усилия, чтобы не разреветься. Я столь сильно хочу его, что просто не могу позволить, чтобы он был моим. Так легко быть идеалистами, стоя здесь и думая о вечном. В реальном мире все было бы совершенно по-другому.

Нейт наклоняется, и я удивлена, когда его теплая рука обхватывает мою, потому что расстояние между нами ощущается слишком большим, чтобы его можно было преодолеть всего лишь с помощью простого прикосновения. Подушечка его большого пальца пробегает по моим пальцам, и мои веки дрожат от контакта.

— Это так просто, — говорит он, глядя вниз на наши руки. — Ты просто пытаешься все усложнить, чтобы тебе было легче оставить меня. Я знаю, ты задаешься вопросом, а что если я такой же, как и он; что, если я очаровываю тебя сейчас лишь для того, чтобы позже причинить боль.

— Я не думаю так, — говорю я очень тихо. — Я боюсь этого.

— Возможно, — отвечает Нейт, вздыхая. — Но думаю, ты сильнее боишься того, что я не он. Что я тот, кем являюсь по моим словам, что могу и буду любить тебя так, как обещаю. Что, возможно, это так и есть.

Я поднимаю на него взгляд, и надежда в его глазах практически выбивает меня из колеи.

— Мы знакомы всего лишь неделю, Нейт. Как ты можешь знать это наверняка?

Он пожимает плечами, сжимая мою руку.

— Просто знаю. Какая разница, как долго мы знаем друг друга?

Потому что это безумие, хочу сказать я. Вместо этого, выбираю более простой выход из

положения.

— Мы можем просто оставить все, как есть? — спрашиваю я.

Я вижу разочарование, написанное у него на лице; эта мгновенная реакция появляется, как раз в тот момент, когда слова слетают с моих губ.

— Что ты имеешь в виду?

— Просто... — я не могу заставить себя произнести эти слова, и не могу взглянуть ему в глаза. Пожимаю плечами и смотрю в пол, в то время как его рука выскользывает из моей. Воздух становится холоднее, чем ощущался всего лишь секунду назад.

— Секс, — шепчет он, словно для него убийственно даже произносить это. Словно эти слова... невысказанными.

Я киваю. Не могу говорить из-за кома в горле.

— Я не могу, — грустно улыбается он мне, словно ему хотелось бы, чтобы он мог принять это, но это просто противоречит его убеждениям. — Не с тобой.

— Не со мной?

Он качает головой.

— Мне нужно больше.

Слезы наворачиваются на глаза, и я моргаю сквозь них, скрестив руки на груди в попытке согреться. Конечно, мне бы хотелось найти единственного парня, который ставил бы любовь выше секса. Это история моей жалкой жизни, и это то, что заставляет циничную часть меня открывать рот.

— Что случится, когда все покатится к чертям? — спрашиваю я.

Нейт закрывает глаза на мгновение, перед тем как подносит руку и обхватывает мою щеку. Я лгну к его руке, обожая то, как его грубая ладонь так нежно ощущается на моей коже. Думаю, это последний раз, когда ощущаю его прикосновение.

— Келли, — вздыхает он, — что произойдет, когда этого не случится?

Я долго смотрю на него, на самом деле не в состоянии дать ему ответ. В любом случае, не тот, которого он ждет. Он просит мое сердце, а сказанного и случившегося недостаточно, чтобы отдать его кому-то еще. Возможно, и никогда не будет, я не знаю.

— Пожалуйста, останься, — шепчу я. Мои мольбы выглядят жалкими, но я никогда не чувствовала подобного отчаяния. Это моя последняя ночь здесь, и я хочу быть с ним, даже если мы просто простоим так всю ночь, и единственной нашей связью будет его рука на моей щеке. Я поднимаюсь, вожусь с одной из пуговиц на его рубашке и прислоняюсь любу к груди Нейта. Чувствовать то, как его мышцы одновременно напрягаются и расслабляются — самое странное ощущение. Он поднимает другую руку и пробегает пальцами по моим волосам.

— Я не могу остаться, — говорит он, прижимаясь в поцелуе к моей макушке, и я стискиваю его рубашку руками.

Он притягивает меня ближе, прижимая к себе и зарываясь головой мне в шею. И я не знаю, как это происходит, но внезапно его губы оказываются на моих, очень мягко, очень нежно. Окончательно. Это самый сладкий, медленный, нежный поцелуй, который кто-либо когда-либо давал мне. Это тот поцелуй, который заставляет меня почувствовать, будто весь мой мир заканчивается и начинается одновременно. Он быстро отстраняется, будто заставляя себя сделать это, и поднимает сумку. Уходит с крыльца, остановившись лишь раз, чтобы повернуться и посмотреть на меня. Именно в этот момент я полностью теряю его, позволяя вырваться печальному, удушающему звуку, поднеся руку ко рту, чтобы заглушить

свои крики. Вот и все.

Это конец.

Я знаю, Нейт хочет вернуться и успокоить меня, но не может. Он выглядит так же, как я чувствую себя: словно его сердце разрывается.

Но продолжает идти.

Один, в темноту.

Подальше от меня.

Глава восемнадцатая

Я просыпаюсь от тихого постукивания в дверь и сажусь, прищурив свои утомленные глаза от слишком яркого солнечного света, льющегося через окна.

— Келли? — слышу я приглушенный голос, принадлежащий Эми. Нежный и робкий, очень заботливый. Что-то в нем заставляет мои глаза наполниться слезами, и я удивлена, что у меня еще остались слезы

— Да, — говорю я очень низким и хриплым голосом.

— Ты в порядке?

— Да, спасибо. Я в полном порядке. — Она поймет, что это ложь, но полагаю, я не могу иметь все сразу.

— Когда будешь готова, приходи на кухню, и я приготовлю тебе что-нибудь перекусить.

— Хорошо.

Несмотря на то, как ужасно себя чувствую, я очень голодна, поэтому волочу ноги в ванную и поворачиваю кран, настраивая воду настолько горячей, насколько буду способна выдержать. Вскоре комната наполняется паром, который помогает мне очистить разум. Я вступаю под душ и позволяю воде смыть прошедший день.

Несмотря на то, что я прилагаю все усилия, чтобы не думать о Нейте, чем больше стараюсь избегать этого, тем больше мой предательский мозг воскрешает в памяти выражение его лица, когда он улыбался мне. Вода уносит льющиеся слезы, и я задаюсь вопросом, как могла позволить ему уйти? Но... как я могла попросить его остаться? Даже сейчас чувствуя каждую разбитую частичку себя, каким-то чудом я все еще держусь, и если это все, что я могу предложить ему, возможно, все к лучшему. Я волнуюсь, что буду сомневаться по поводу этого решения всю свою оставшуюся жизнь, и начну еще задолго до того, как Нейт начнет двигаться дальше, и задолго до того, чем следовало бы.

Я даже не пытаюсь высушить волосы, в данный момент я слишком измождена, чтобы заботиться о том, как выгляжу. Собираю их в свободный пучок и надеваю свою самую удобную одежду, после чего выхожу из своей спальни и иду на кухню.

Эми сидит за столом, что-то записывая в красный блокнот в кожаном переплете. Она поднимает на меня взгляд, полный сочувствия, затем закрывает блокнот и направляется к кофе-машине. Наливает мне чашку и ставит на стол, после чего подходит и обнимает меня, окутывая объятием, которое может дать только мать. И вот опять слезы, только в этот раз я не пытаюсь остановить их.

Эми дает мне выплакаться, утешает, нежно поглаживая меня по спине. Я просто не могу поверить в доброжелательность, которая, кажется, присуща всей этой семье. Я причинила боль ее сыну — должно быть, она знает, что я натворила — и все же она еще здесь, утешает меня.

— Мне жаль, — говорю я, и это выходит похожим на мольбу больше, чем я ожидала.

Она немного отклоняется назад, положив руки мне на плечи и слегка сжав их.

— Ох, милая. За что ты извиняешься?

— За Нейта.

Эми долго смотрит на меня, ее брови сведены вместе, словно она даже не понимает, о чем я говорю. Но она понимает, я уверена в этом.

— Он уехал раньше, потому что мы поссорились.

Она улыбается, глядя на стол.

— Он уехал не поэтому, — говорит она. — Не зная тебя также хорошо, как знаю своего сына, Келли, я рискну предположить, что вы оба склонны к опрометчивым решениям, когда речь заходит о защите твоего сердца.

Я откидываюсь на спинку стула, совершенно ошеломленная. Пытаюсь найти какие-то слова, чтобы сказать ей, что она ошибается, но ведь она прав. Даже я не могу этого отрицать.

— Поверь мне, Келли. Я не разбиваю людей на пары, и я не надоедливая мать. Я хочу, чтобы мои дети самостоятельно обрели свое счастье; никогда не буду пытаться принуждать их к этому, никогда. Я не верю, что для того, чтобы быть счастливым, нужно с кем-то встречаться. И если ты, Келли, довольна тем, как обстоят дела в твоей жизни, то это замечательно. Но я видела, как ты смотришь на моего сына, и как он смотрит на тебя. Тут что-то есть, но вы оба должны захотеть этого. Одиночество — это здорово, но также здорово разделить с кем-то свою жизнь.

Я сглатываю болезненный ком в горле, пытаюсь вымолвить хоть слово.

— Однажды я разделила свою жизнь кое с кем, — говорю я ей, хотя подозреваю, что ей это уже известно. — Он оказался человеком, которым не стоил этого.

Она делает глубокий вдох, и, улыбнувшись, вздыхает.

— Думаю, мы все с этим сталкивались.

Я поднимаю брови.

— И вы? — Глядя на них с Джеком, трудно поверить, что когда-то у кого-то из них был еще кто-то.

— Конечно.

Я обхватываю руками теплую чашку кофе перед собой, ожидая, что она расскажет мне свою историю.

— Полагаю, должна рассказать тебе забавную историю о своих прошлых романтических неудачах, и как-то убедить тебя, что Нейт — самый идеальный мужчина на планете, и что он никогда не причинит тебе боль. Мой сын — хороший человек, Келли. Он может сделать чью-то жизнь замечательной, но это не моя забота уговаривать тебя полюбить его, — говорит она и берет меня за руку. — Жизнь не дает никаких гарантий, так что я тоже не могу тебе их предложить. Но когда ты встречаешь кого-то, с кем хочешь разделить свою жизнь, гарантии не имеют для тебя никакого значения. Ты посмотришь на этого человека и поймешь, что жизнь с ним стоит того, чтобы рискнуть, и только тогда будешь готова принять это.

Я киваю, наклоняясь вперед и делая глоток кофе, позволяя теплой жидкости обволакивать мое горло.

Через несколько часов у тебя самолет, — говорит она, улыбаясь. — И я сказала Габби, что начну планировать нашу поездку.

— Вашу поездку в Нью-Йорк, — говорю я, полностью отпуская любую мысль, что она все еще приглашает меня поехать с ними.

— Нашу поездку в Нью-Йорк, Келли, — терпеливо говорит она, словно категорически отказывается позволять мне беспокоиться по этому поводу.

— А как же...

— Нас будет трое. Ты, я и Габби. И ты выделишь для этого время, независимо от того, с кем ты встречаешься. Кроме того, ты же не из тех женщин, которые позволяют мужчинам рушить их веселье, не так ли?

Я смеюсь и качаю головой, несмотря на то, что мне следует поправить ее, потому что слишком долго я была именно такой женщиной. Так или иначе, у меня такое чувство, что больше такой я не буду.

Глава девятнадцатая

Прошло три недели с тех пор, как я вернулась из Вирджинии, и практически все в моем родном городе ощущалось для меня по-другому. Слишком ярко, слишком жарко, и вообще... всего слишком. Пока я отсутствовала, что-то во мне изменилось, и, не уверена, вернется ли все на круги своя. Это хорошо? Или же плохо?

Несмотря ни на что, возвращение к своему привычному образу жизни занимает у меня не слишком много времени. Каждое утро я просыпаюсь, включаю компьютер и работаю до позднего вечера. Некоторые люди (например, Габби) могут посчитать подобное поведение способом сбежать от реальности, но я называю это стремлением. Чем больше у меня клиентов, тем больше денег я заработаю. И тем больше времени мне не придется заикливаться на том, что, как я знаю, переворачивает мою жизнь с ног на голову.

Каждый вечер моя мама приходит домой и заставляет меня поужинать, словно я все еще ребенок. Я ненавижу это, но не могу заставить себя отвлечься. Я погрязла в этом странном режиме ожидания, из которого не могу выбраться — или не хочу — и это самое дискомфортное и сводящее с ума чувство, которое я когда-либо испытывала. Пару раз я общалась с Беном и Габби, после их возвращения из медового месяца, и могу сказать, что они оба хотят назвать мое поведение нелепым, но пока еще не совсем готовы это сделать. Может быть, существует некий период ожидания, после чего вы смело можете назвать своего друга идиотом. Потому что, чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что, возможно, я вела себя — веду себя — как идиотка, когда дело касается его.

Когда дело касается Нейта. На самом деле я не позволяю себе часто вспоминать его имя, потому что эти четыре буквы — то, что, по всей видимости, поднимает во мне шквал жалости к себе. Заметьте, не воспоминание об улыбке на его красивом лице. Или воспоминание о его прикосновениях. Всего лишь его имя.

Пока, в конце концов, моя мама не поднимает этот вопрос, поймав меня за разглядыванием свадебных фотографий, которые Габби чуть ранее в тот же день выслала мне по электронной почте. Она прекрасно видит, что меня что-то беспокоит, с тех пор как я вернулась, и достаточно умеет читать мысли, так что, скорей всего, понимает, что это связано с парнем. Ее материнская интуиция всегда работала безупречно, что порой жутко раздражает (и помогает).

Там есть снимок, который окончательно добивает меня: мы с Нейтом танцуем, улыбаясь друг другу. Он просто рассказывал что-то смешное — не могу вспомнить, что именно — и я смотрела на него так, словно он был для меня солнцем, луной и звездами. Если бы я не была той, кто изображен на фото, то догадалась бы, что эти двое сильно влюблены. Возможно, мы и влюблены, и мне просто нужно позволить себе почувствовать это, не знаю. Но что я знаю наверняка, так это то, что глядя на эту фотографию, в моей груди ощущается боль, и становится трудно дышать. Он был там со мной в пределах досягаемости, а потом я добровольно отпустила его.

— Это он? — как бы невзначай спрашивает мама, протирая полотенцем кухонный стол.

— Кто? — спрашиваю я в ответ, тут же приводя в действие ее сверхактивный детектор лжи.

Она вздыхает.

— Тот, кто заставляет тебя выглядеть так, словно мир потерял всякий смысл.

— Не он заставил меня так выглядеть, — отвечаю я. Моя мама смотрит на меня так, как может лишь она. Она понимает меня так, как способна только мать, видит все маленькие причуды, которые делают меня... ну, мной. Она знает меня до мозга костей, что делает вдвойне невозможным скрыть что-то от нее, но на этот раз я говорю ей правду. — Я единственная, кто заставила себя выглядеть так, мам, однако, он имеет к этому непосредственное отношение.

Она бросает полотенце на островок, вытаскивает стул рядом со мной и садится.

— Его зовут Нейт, — говорю я ей.

Это все, что я выдаю, и глаза моей мамы широко раскрыты в ожидании большего количества информации. Информации, которой я не уверена, что хочу с ней делиться.

— Как вы познакомились?

Конечно, она должна спросить об этом. Конечно, должна.

Я вздыхаю.

— Не хочу тебе это рассказывать. — Тут же понимаю, что мне следовало просто выдумать историю, но я не могу солгать ей. Никогда не могла.

— Почему?

Какое-то время вопрос висит в воздухе, прежде чем я, наконец, отвечаю.

— Потому что боюсь, что ты разочаруешься во мне.

— Исключено. — Она произносит это слово с такой убежденностью, что у меня не возникает ни малейшего сомнения в том, что она абсолютно серьезна.

— Мы познакомились с ним в аэропорту по пути на свадьбу Габби. Была нелетная погода, и мы... провели это время вместе. — Я не особо хочу вдаваться в подробности, но моя мама умная женщина; она понимает, что именно я не договариваю ей.

— Ох.

— Я не думала, что увижу его вновь, что... да, полагаю, это заявление не заставит ситуацию выглядеть лучше. Я просто... хотела поставить что-то... кого-то между мной и Итаном.

Мама задумчиво кивает, осмысливая все это.

— Как он оказался на свадьбе?

— Оказывается, он брат Бена.

Мама не настолько потрясена таким развитием событий, как я ожидала. Вместо того, чтобы ответить мне, она просто смотрит на фотографию, и на ее губах расплывается нежная улыбка.

— Ты любишь его, — говорит она.

— Я знаю его всего лишь неделю, — даже не пытаюсь отрицать ее слова, потому что в этом нет смысла.

— Если ты чувствуешь это, то чувствуешь, Кэл, — говорит она, сжимая мою руку.

— Какая разница, как долго вы знакомы?

— Нейт сказал то же самое.

— Похоже, он умный парень, — улыбаясь, отвечает она

— Как я могу доверять этому? — спрашиваю я.

— Почему ты больше доверяешь той любви, которой необходимо время, чтобы вырасти в светлое чувство? Чем той, которая возникает с первого взгляда?

— Потому что такая любовь возникает не на пустом месте, — говорю я ей. — Я бы не стала беспокоиться о том, чтобы проснуться однажды утром и больше не чувствовать то, что

чувствую.

— Любовь есть любовь, Кэл. И дело не в том, сколько времени тебе нужно почувствовать ее, а в том, сколько усилий ты приложишь, чтобы сделать ее последней. Не делай вид, что это то, что просто происходит. Это то, что ты должна взрастить.

Я откидываюсь на спинку своего кресла и думаю о том, что она только что сказала. Мои отношения с Итаном потерпели неудачу из-за того, что он не был готов ценить то, что мы имели. Если уж быть честной с собой, они начали умирать задолго до измены. Но ценила ли я их или наслаждалась ими, как чем-то, что всего лишь однажды произошло? Мне нравилось быть с ним, я вкладывалась в это, но что я делала, чтобы заставить нашу любовь вырасти? Прилагала ли усилия, чтобы она пустила корни? У меня был список вещей, которые, как я думала, должны были произойти, как только мы с Итаном начали встречаться. Наши отношения стали бы серьезными, мы бы съехались, поженились, завели детей, а после провели бы всю оставшуюся жизнь вместе. Но я не особо прикладывала усилия для развития наших отношений, а просто ставила галочки в списке.

Я не виновата в том, как закончились эти отношения, но виновата в том, что вкладывалась в них меньше, чем следовало. Хотя теперь начинаю понимать, что, возможно, это тайное благословение.

Возможно, Нейт был прав. Может, мне необходимо было побыть с мужчиной, который не подходил, дабы усвоить необходимые уроки для того, чтобы найти «того самого» мужчину.

— Я едва его знаю, — говорю, озвучивая единственное пустяковое беспокойство, которое тяготит меня, мешая этим зарождающимся чувствам, которые я испытываю к Нейту, расцвести в полной мере.

— Так узнай его, — говорит мама, словно это самая простая вещь на свете. Возможно, так и есть.

— Ты так же поступила с моим отцом? — спрашиваю я.

Мама прекрасно понимает, к чему я веду.

— Твой отец был приключением, — говорит она с ноткой ностальгии в голосе.

— Неприятным приключением.

Убрав свою руку с моей, она дотрагивается ей до моей щеки.

— Не совсем.

— Ты не жалеешь об этом? — спрашиваю я, поражаясь, как она может не сожалеть.

Он бросил нас одних, как она могла не ненавидеть его за это?

— Ни на секунду, — отвечает она. — Это был полезный опыт. Кроме того, он подарил мне тебя.

Я сглатываю, пытаюсь выдавить улыбку.

— Но ты одинока.

Мама встает, после чего наклоняется и целует меня в лоб, обхватив мое лицо руками.

— Я так сильно тебя люблю, — говорит она, нежно улыбаясь. — Но когда происходит что-то плохое, ты отступаешь. Ты не даешь этому еще один шанс, и это пугает меня. Я переживаю, что однажды ты проснешься в полном одиночестве, сожалея о том, что отталкивала людей, и о том, чего никогда так и не сделала из-за своих страхов. Мы все падаем, все терпим неудачи. Сильные поднимаются и пытаются вновь. И я воспитала одну сильную девочку.

— Мам...

— У тебя только одна жизнь, — говорит она, перебивая меня. — Ты должна наполнить ее всеми любовью и смехом, которыми только сможешь. Убегая от этих вещей достаточно долго, ты забудешь, как найти их. Я одинока, потому что мне нравится быть одной. Если тебя устраивает то, что у тебя есть сейчас, то оставайся счастливой. — Она смотрит на наше с Нейтом фото, которое все еще открыто на экране моего ноутбука. — Если же ты несчастна, тогда преследуй свое счастье. Если считаешь, что сможешь найти немного счастья с ним, тогда действуй. Жизнь слишком коротка, чтобы отречься от своей любви, Каллиста.

Я закрываю глаза и позволяю ее словам дойти до моего сознания.

Она права. Я знаю, что она права.

— У меня с собой солнцезащитный крем, бикини и англо-греческий разговорник. В субботу невозможно добраться сюда достаточно быстро, — говорит Жасмин, вытягивая ноги перед собой и откидываясь на мягкую зеленую траву. Я обедаю с ней и Габби в одном из наших любимых парков, и погода идеальна. Светит солнце, и дует теплый ветерок; этого достаточно, чтобы помочь девушке забыть о ее проблемах на час или два. Разговор с моей матерью прошлым вечером все утро не выходил у меня из головы, подталкивая меня к крайним мерам. Просто я не совсем уверена, что делать теперь. Позвонить Нейту? Это кажется следующим логическим шагом, но в то же время и выглядит недостаточным.

— Не думаю, что ты осознаешь, сколько времени займет этот перелет, — говорит Габби, слизывая каплю горчицы с кончика большого пальца. — Это будет самый долгий полет в твоей жизни.

Я смотрю на Жасмин, которая в это же время смотрит на меня, и понимаю, что она думает о том же, о чем и я. Как долго еще Габби собирается говорить о своем медовом месяце, пока мы ее не остановим?

— Однажды съездила в Европу, и вдруг вообразила себя экспертом по времени перелета, — говорю я и подмигиваю ей, позволяя понять, что подкалываю ее.

Габби, улыбаясь, шлепает меня.

— Прости, скоро я перестану об этом говорить.

— У тебя есть еще три дня, а потом мы тебя вырубаем, — говорю я ей.

— Радуйся, что Келли — твоя лучшая подруга. Я бы вырубила тебя еще две недели назад.

Габби смеется, бросая смятую салфетку в Жасмин, в то же время поднимаясь и поправляя подол юбки.

— Мне пора возвращаться в офис, — говорит Жасмин, собирая мусор в полиэтиленовый пакет. — Я собираюсь утомить себя, чтобы быть готовой к отпуску, который, как полагаю, расслабит меня, так что это весело.

Я громко вздыхаю.

— Вот, у того, чтобы быть самой себе начальником, есть свои преимущества.

— То же самое, когда работаешь в компании, субсидируемой здравоохранением, — подмигивая, отвечает Жасмин. — Увидимся, дамы.

— Веселого путешествия! — кричу я ей вслед.

Она разворачивается к нам, пятясь назад, и протягивает руки.

— Вы же знаете, я оторвусь!

Мы с Габби встаем, и я иду с ней в конец парка, ближайший к ее офису.

— Эй, — говорю я, звуча более нервно, чем на самом деле себя ощущаю, что удивляет меня. — Хотела спросить, ты бы была не против дать мне номер Нейта?

Она широко раскрывает глаза, застигнутая где-то между удивлением и счастьем.

— У тебя его еще нет?

Я качаю головой.

— Я не думала, что это было бы хорошей идеей, — признаюсь я.

— Но..., — говорит она, пока копается в своей сумочке, доставая блокнот и карандаш.

— Но я бы хотела поговорить с ним.

— О чем?

Как же она любит совать нос в чужие дела.

— О чем-то, — отвечаю ей. Отчасти от того, что я сама все еще не уверена, что именно хочу ему сказать, и отчасти от того, что, что бы я ни сказала, думаю, он будет первым, кто это услышит.

К счастью, она не продолжает допрос. Просто улыбается, протягивая мне клочок бумаги с его номером телефона.

— Чтобы ты знала, он спрашивает о тебе.

После обеда я брожу по парку, проходя через футбольное поле и шагая в сторону детской площадки. В легком смехе детей на качелях есть что-то, что помогает мне расслабиться, сосредоточиться на своих мыслях. Я присаживаюсь на ближайшую скамейку, расположенную напротив этой травянисто-зеленой перекладины качелей. Здесь, в тени под этими длинными крепкими ветвями вяза, прохладно. Он напоминает мне деревья в Вирджинии, возвращая мыслями к Нейту.

Я вздыхаю. Нейт.

Моя мама сказала мне вчера, что если я довольна своей жизнью, то мне следует продолжать делать то, что я и делаю. И сейчас я полностью готова признаться себе, что я не довольна, очень не довольна. И дело не в том, что я несчастна, а в том, что держу себя в стороне от того, чтобы быть счастливой, держась за прошлое. Оправдывая себя. Не пытаюсь пойти на риск.

Моя жизнь сейчас заключается в том, чтобы оставаться в стороне, в безопасной зоне, наблюдая за тем, как люди проживают свои жизни. Я понизила себя до случайного наблюдателя за жизнью вокруг, вместо того, чтобы принимать в ней активное участие.

Это правда, что избегая риска, я избавляю себя от ощущения боли неудачи, но это мешает мне почувствовать радость обычной жизни. Теперь я осознаю, что Нейт нужен мне в моей жизни. И не от того, что я одинока, и не потому, что не могу жить без него. А потому, что он заставляет меня хотеть совершать все те вещи, которых я боюсь, и становиться той, кем я не являюсь, но так отчаянно хочу быть. Он заставляет меня желать открыться, сделать глубокий вдох и оценить всю красоту мира. О чем же еще я могу просить человека? Разбитое сердце кажется небольшой ценой в обмен на возможность жить полной жизнью, наполненной любовью и счастьем.

Теперь я боюсь, что могу потерять Нейта, даже по-настоящему его не заполучив, если уж на то пошло. Я не разговаривала с ним, с тех пор как он уехал в вечер свадьбы. Несмотря на то, что Габби сказала, что он спрашивал обо мне, не могу отрицать, что мне причиняет боль то, что он не пытался связаться со мной. И да, я прекрасно осознаю, какой лицемеркой меня это выставляет, большое спасибо. Я смотрю на неразборчиво написанный номер на ярко-розовом стикере, который держу в руке, и эти цифры заставляют мое сердце грохотать в груди. Все, что мне нужно сделать — набрать эти цифры, и я смогу услышать голос. Все, что мне нужно — набрать их, и я смогу рассказать ему, каково мне. Эти цифры могут

привести к множеству замечательных вещей... почему же они так пугают?

Я засовываю руку в свою сумку, где лежит куча всего, почти по локоть, выуживая из нее телефон. Мне в запястье впивается острый край какого-то предмета, и я обхватываю его пальцами, задаваясь вопросом, что же это может быть. Вытащив руку из сумки, я не могу поверить своим глазам.

Это маленькая коробочка кукурузных хлопьев с прикрепленной к ней запиской.

Под адресом сказано:

Для здорового сердца.

Это от Нейта, который, кажется, всегда точно знает, что мне нужно, когда я нуждаюсь в этом. Я провела последние три недели, задаваясь вопросом, как я могла так быстро влюбиться в него, а теперь же думаю... как я могла НЕ влюбиться?

Я моргаю сквозь слезы, мое сердце чувствует себя намного целее, чем за всю жизнь, и настолько полным, что мне начинает казаться, будто я не могу это принять. Именно тогда я поднимаю взгляд прямо над скамейкой, на которой сижу, и вижу голубую табличку с белой надписью. Я разворачиваюсь и читаю, сжав спинку скамейки для опоры.

Эта детская площадка пожертвована и поддерживается «Bryson Interiors».

Я разработала их веб-сайт два года назад, когда они были на грани банкротства, и теперь они оказывают спонсорскую помощь парку. Сейчас их бизнес процветает, так что полагаю, что могу взять небольшой кусочек похвалы за веселье детей на качелях в двадцати футах отсюда. Возможно, я причастна к улыбкам на их лицах.

Я не исцеляю рак, но оставляю свой след в мире, начиная с этой крошечной детской площадки в крошечном парке посреди Далласа. И Нейт был прав, это уже что-то. Это логично, что я думала, будто буду чувствовать такую близость к нему, находясь так далеко, учитывая, что делала все возможное, дабы увеличить расстояние между нами, пока мы были вместе.

Я все поняла, Вселенная. Все поняла.

Телефонного звонка недостаточно, нужно пойти на риск.

И я, наконец-то, готова рискнуть.

За рекордное время я добираюсь до дома, затем бросаюсь в свою комнату и скидываю кучу одежды в чемодан. Даже не обращаю ни толики внимания на то, что бросаю в него, мне все равно, абсолютно все равно. Быстро пишу записку своей матери на обратной стороне старого конверта, прыгаю в машину и трогаюсь.

Глава двадцатая

Спустя примерно восемнадцать часов с момента, как я покинула Даллас, я стою на тротуаре перед домом Нейта в Боулдере. Он выглядит не таким, каким я себе его представляла, хотя в любом случае, Нейт и не рассказывал мне о том, как выглядит его дом. Он построен в американском архитектурном стиле XX века с темно-коричневым сайдингом и белыми ставнями. Безупречно благоустроенная лужайка с сочной травой и аккуратно подстриженными кустарниками. Деревья едва начинают менять цвет, намекая на осень, на кончиках листьев проявляются оттенки сдержанного красного и бледного желтого. Держу пари, через несколько недель они будут выглядеть так, будто объаты пламенем, и я ощущаю, как в груди возникает ноющая боль, потому что хочу быть здесь, чтобы увидеть это зрелище.

Я смотрю на адрес в записке, которую Нейт прикрепил к коробке кукурузных хлопьев и подбросил мне в сумку, затем поднимаю взгляд на цифры, выстроившиеся в идеальный ряд на навесе над крыльцом. Именно эта улица и, безусловно, номер дома тоже верный. На подъездной дорожке припаркован серый джип, его блестящая краска испещрена полосами засохшей грязи. Полагаю, он принадлежит Нейту и, вероятно, видел больше смертельно опасных приключений, чем мне хотелось бы знать.

С тех пор как я запрыгнула в свой автомобиль и пересекла границу штатов, не было ни малейшего намека на нервозность, но теперь, когда я здесь, кажется, будто мое сердце готово вырваться из груди. Думаю, мне следовало позвонить, может быть, несправедливо заявляться сюда вот так, хотя, по сути, он оставил мне приглашение именно так и поступить. Уф, я могу стоять здесь и вести дебаты по этому вопросу до наступления темноты, или же могу просто набраться смелости подняться по ступенькам и позвонить в дверь. Что мне терять? Ничего, что я уже не потеряла.

Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох и медленный выдох и ощущаю малейший расслабляющий рывок на неотточенных гранях моих перевозбужденных нервов. Я готова рискнуть; риски не дают ощущение безопасности, Келли, они... ну, они ощущаются именно так. Я проделала весь этот путь не для того, чтобы оценить недвижимость в районе Нейта, так что настало время сделать шаг. Шаг вперед и посмотреть, была ли эта безумная поездка хорошей идеей или весьма-весьма плохой. Я поддаюсь вперед, словно получая некий толчок, и поднимаюсь к его двери.

Как только я поднимаю руку, чтобы постучать, дверь распахивается. Мое сердце ухает, когда я смотрю вверх на лицо, которое принадлежит не Нейту.

— Чем могу помочь? — Вот именно такого парня я бы и представила, когда бы подумала о людях, живущих в Колорадо. Шелби, вероятно, описала бы его, как "хрустящего". Он типичный любитель природы и мюсли хиппи. Его волосы слегка взлохмачены, но у него приятная улыбка и приветливое лицо.

— Извините, — говорю я слегка взволнованно. — Я заехала навестить... — Друга? Я точно не уверена, что сказать, хотя, "Нейт здесь?", скорее всего, сработало бы, я не могу заставить себя произнести это. — Я ищу...

— Ты Келли, — говорит он с понимающей улыбкой. Никогда прежде простое произношение моего имени не заставляло меня почувствовать такую сильную поддержку и гостеприимство. Он посылает то, что я могу назвать только как мгновенное спокойствие.

— Да, — улыбаюсь ему в ответ. — Я здесь, чтобы увидеть...

— Нейта, — говорим мы одновременно. Мы также вместе смеемся, нервный и неловкий звук.

— Извини, это странно, я... я странный, — говорит друг Нейта, делая шаг вперед и пожимая мне руку. — Я Кевин.

— Привет. Откуда ты знаешь мое имя?

— Ох, Нейт, он говорит о тебе. Много говорит.

Ничего не могу поделать с теплым приливом удовольствия, нахлынувшего на меня. Это ведь хорошо? Упс, а что если нет.

— Он рассказывает хорошее или плохое?

Кевин не отвечает, а какое-то время просто смотрит на меня.

— Знаешь, на самом деле прямо сейчас его здесь нет, — мое сердце падает, и я машинально предполагаю, что он не только говорил плохое, но и к тому же предупредил своего друга, что мне следует обратиться отсюда.

— Ох, хорошо, — говорю я, разворачиваясь, чтобы пойти обратно к своей машине. Мне просто придется выработать новый план действий. Возможно, найти отель и позвонить ему.

— Нет, погоди. — Он протягивает руку, касаясь моего локтя, прежде чем я начинаю спускаться по ступенькам. — Его и правда нет, я не вешаю тебе лапшу на уши. Я просто заскочил позаимствовать плавки. — Он указывает вниз на оранжевые шорты, одетые на нем.

— Я вернусь позже.

Он снисходительно, все еще по-дружески, смеется надо мной.

— Если он узнает, что ты была здесь, а я позволил тебе уйти, то надерет мне зад. В нескольких кварталах отсюда есть озеро. — Он закрывает за собой дверь и тянется за полотенцем, висящим на ограждении крыльца, после чего закидывает его себе на плечо. — Не против прогуляться?

Кевин ведет меня через небольшую поляну, и в какой-то момент я начинаю задаваться вопросом, была ли прогулка по лесам с незнакомцем наилучшим планом действия. Я слишком устала и мой мозг перегружен, поэтому если кого-то и убьют, после того, как этот кто-то, наконец, решился попробовать преодолеть свои личные проблемы, то это буду я. Как только я решаю, что мне, скорее всего, следует развернуться и побежать в другую сторону, Кевин отводит в сторону огромную зеленую ветку дерева, открывая озеро в окружении буйных деревьев, только начинающих менять цвета. Я слышу голоса смеющихся людей в воде, но не могу их видеть.

Я не вижу их, потому что мы с Кевином стоим на том, что можно описать лишь, как обрыв, который фактически возрождает мой самый худший кошмар.

Позвольте внести поправочку в предыдущую мысль: если кто и умрет от прыжка с обрыва с целью добраться до любви всей своей жизни, после того, как, наконец, примет решение перебороть свою боязнь серьезных отношений, то это буду я.

— Есть другой способ спуститься вниз? — спрашиваю я, накручивая кончики волос на палец.

Кевин поворачивается и усмехается мне, как будто он ожидал этот вопрос.

— Да, но требуется время, чтобы спуститься туда, и тебе понадобится другой путь.

Мы на высоте всего лишь двадцати футов, а кажется, словно расстояние не меньше мили. Мое сердце колотится с утроенной силой, мой инстинкт "борись или беги" набирает обороты и готов сработать.

— Разве, вода не ледяная? — Я отчаянно нуждаюсь хоть в каком-нибудь оправдании,

чтобы в данный момент остаться здесь. Если бы я так сильно не хотела увидеть Нейта, то немедленно, если даже не раньше, попросила бы этого хиппи показать мне другой путь.

Кевин качает головой.

— Все не так уж и плохо. Сегодня, скорее всего, последний более или менее теплый день на ближайшие месяцы, так что мы должны наслаждаться водой, пока можем. — Он комкает свое полотенце и отбрасывает его влево, где оно цепляется за ветку дерева, как раз висящую над водой, дразня его.

Я выпускаю тихий смешок, но он, кажется, не слышит меня из-за смеха своих друзей в воде, поддразнивающих его за отсутствие на пляже. Я имею в виду, на самом деле, у него на пути есть одно дерево, и ему удастся достать полотенце, висящее на нем.

— Боже, Митчелл. Ты взял мои любимые плавки? Когда я сказал, что ты можешь позаимствовать какие-нибудь шорты, я имел в виду, что ты можешь взять одни из тех, которые я ненавижу. — Это Нейт. Никогда не думала, что буду настолько счастлива слышать голос другого человека, особенно, когда они кричат снизу, топчась в мерзкой мутной воде.

Кевин пожимает плечами, после чего наклоняется вперед и кричит:

— Эй, я не виноват, что у нас обоих отменный вкус. К слову об этом, — говорит он, оглядываясь на меня. — Кое-кто хочет тебя видеть.

Я ожидаю, что Нейт скажет что-то в ответ, но он молчит. Есть только тишина. Секунды. Вечность тишины.

— Иди сюда, — говорит Кевин, посылая мне ободряющую улыбку. Я делаю несколько шагов вперед, пока не вижу самый край обрыва, парни в воде медленно появляются в поле зрения. Они все смотрят вверх на меня, но единственный, кого замечаю я — Нейт. Он удивлен, но на его губах медленно расползается улыбка. Та улыбка, которая заставляет меня чувствовать свет, потому что если у меня и были сомнения по поводу правильности моего решения приехать сюда, все эти сомнения просто исчезли.

— Келли? — говорит он, словно не может поверить в то, что это, действительно, я.

— Привет, — посылаю ему немного нервную полу-улыбку.

— Что ты здесь делаешь? — Он не выглядит возмущенным, скорее шокированным.

— Хотела с тобой поговорить, но у меня не было твоего номера, так что я решила заглянуть, потому что мне нужно сказать тебе кое-что.

— Так скажи, — кричит он, смеясь.

— Я не особо рассчитывала кричать перед незнакомыми людьми.

— Это мои друзья, — говорит он, словно это что-то значит для меня

— И что с того?

— Если хочешь, можешь прыгнуть вниз и сказать мне лично. — Он хочет засмеяться, красивый придурок.

— Ты, на самом деле, не собираешься упрощать мне задачу, не так ли?

— Только чуть-чуть.

Я глубоко вдыхаю. Лучше просто покончить с этим.

— Ты напугал меня, Нейт.

— Напугал?

— Да!

Он смеется, я слышу его эхо над деревьями.

— Чем?

— Ты заставляешь влюбленность казаться легкой, и я была напугана тем, что это

ненадолго. — Вероятно, в ужасе — более подходящее слово, но на данный момент оно кажется слишком громким.

— Теперь тебе больше не страшно?

— Страшнее, чем когда-либо. Но мне все равно. Похоже, это больше не имеет значения.

— И что случается, когда все катится к чертям? — спрашивает он. Я задала ему этот же вопрос тем вечером, когда он оставил меня стоять на крыльце дома его родителей в Вирджинии. Вечером, направившим меня по пути, который привел меня сюда. Я потратила недели, осмысливая все, что произошло тем вечером, но теперь, когда я здесь и так близко к Нейту, я не могу заставить себя сожалеть обо всем этом. И если он хочет, чтобы я отмела каждый страх, который озвучила в том споре, я сделаю это. Я больше не собираюсь позволять, чему бы то ни было встать между нами.

Поэтому, я отвечаю словами, сказанными им тем вечером.

— Что происходит, когда это не случается?

Нейт улыбается, и мне кажется, это самое прекрасное, что я когда-либо видела. Три недели страданий и восемнадцать часов езды стоили того, чтобы снова увидеть эту улыбку.

— Что теперь?

Я пожимаю плечами.

— Я, вроде как, надеялась, что мы сможем поговорить без криков, — смеясь, говорю я. — Мне многое нужно сказать.

— Я, вроде как, надеялся, что смогу поцеловать тебя.

Я чувствую, как румянец расплзается по моим щекам, тепло против прохладного ветра.

— Звучит, как хороший план.

— Сначала ты должна спуститься сюда.

Сейчас я бы спустилась вниз с горы, чтобы оказаться с ним, но это не значит, что я все еще не осторожничаю.

— Там есть угри?

Кивок и ухмылка.

— Тонны.

Только теперь я осознаю, что Нейт один в воде. Кевин тоже исчез, даже не имею понятия куда. Полагаю, они все ушли, дав нам немного уединения, несмотря на то, что мы практически кричали друг другу через поверхность воды. И потом, разумеется, там есть угри. Ну что ж. Какая разница? Я бы прыгнула в реку, кишашую ими, если бы это означало, что я буду с Нейтом. Поэтому я подхожу прямо к краю обрыва и делаю глубокий вдох.

После чего, прыгаю.

Мы сидим на берегу озера, наблюдая за закатом на водной глади. Нейт развел небольшой костер, но, на самом деле, мне это не нужно. Достаточно тепла от его объятий. Я, обернутая в его полотенце, наполовину растянулась у него на коленях и уткнулась головой ему в шею. Моя одежда намочила и сушится у огня, так что все, что на мне сейчас надето — это лишь футболка Нейта. К счастью, он пошел к озеру в одной из них, хотя я осознаю, что демонстрация его обнаженного тела делает мир более прекрасным.

— Мне было интересно, как много времени тебе понадобится, чтобы оказаться здесь, — говорит Нейт, нежно касаясь губами моего плеча, тем самым заставляя меня дрожать.

Я понимаю, он говорит о метафорической поездке, поэтому не могу, на самом деле, найти себе оправдание. Три недели — это ничто; мне могли бы потребоваться годы, чтобы дойти до того момента, когда я была бы готова быть с ним.

— Я, также, беспокоился, что ты никогда не найдешь эту чертову коробку с кукурузными хлопьями.

Я смеюсь, сплетая наши пальцы вместе. Держать его за руку — одно из моих любимых занятий.

— Вчера я встречалась с Габби и Жасмин за обедом в парке. Я уже приняла решение, что хочу поговорить с тобой, понимала, что если закроюсь от тебя навсегда, то буду жалеть об этом. Нейт, мне было плохо без тебя, я постоянно о тебе думала. Я осознала, как глупо вела себя, оправдывая свои поступки тем, что уже страдала, и была вероятность, что буду страдать снова, хоть и немного по-другому. Если уж на то пошло, зачем делать себя несчастной, чтобы избежать того, что, я не уверена, когда-нибудь случится? По крайней мере, если что-то случится... — Я хочу сказать, если мы расстанемся, но боюсь сглазить. — Я получу возможность побыть счастливой. Не хочу этого упускать; это было бы одним из величайших сожалений моей жизни.

Нейт молчит, поэтому я поднимаю взгляд на него, и он смотрит на меня с выражением, которое я могу описать только как полным любви. Как я вообще могла хоть на секунду сомневаться, что это именно то место, которому я принадлежу, что он — тот человек, с которым я должна быть?

— В любом случае, — вздыхая, говорю я. — Мы были в этом парке, после обеда я сидела на скамейке, а потом, вдруг, посмотрела вверх и увидела надпись, которая гласила, что детская площадка была предоставлена моим клиентом, и я вспомнила, что ты сказал мне в тот день, когда мы были на реке, об изменении мира к лучшему, сколь бы ничтожным оно ни было, — говорю я, крепко сжимая его пальцы. — Ты заставляешь меня смотреть на все по-другому. Ты усмиряешь во мне циника и заставляешь верить, что в жизни есть еще очень много всего. И вчера, я просто захотела поговорить с тобой; я никогда так сильно не хотела поговорить с кем-то, но... этого было бы недостаточно.

Рука Нейта чуть крепче обнимает меня, и я чувствую себя расслабленной от тепла его тела. Это ощущается так хорошо, так свободно, выбраться из всего этого, чтобы прояснить все между нами раз и навсегда.

— Я сожалею о том, как оставил тебя тем вечером, — говорит он. — Я должен извиниться за это.

— Нет, не должен, — отвечаю я ему.

Он пробегает ладонью по моему бедру, просто так.

— Я должен, Келли. Ты с самого начала была очень прямолинейна в том, чего хотела. Я просто... был с тобой, я не мог не хотеть большего. И я не хочу, чтобы ты думала, что я решаю проблемы, убегая от них, потому что это не так.

— Знаю, — отвечаю я ему, подчеркивая это нежным поцелуем. Он опускает голову вниз до тех пор, пока наши лбы не соприкасаются.

— Я просто понимал, что если бы остался, то все бы испортил.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я. Если кто и наломал бы дров, то это была бы я.

— Тебе нужно было немного пространства, чтобы все осмыслить. Если бы я остался той ночью, то не знаю, дал бы тебе его или нет. Я понял, что для меня было бы лучше сохранить некую дистанцию в этой ситуации, и я думал — надеялся — что, когда ты будешь готова, если когда-нибудь будешь готова, то я услышу это от тебя, когда ты найдешь ту коробку.

— А если бы я никогда не нашла ее? — не то чтобы я действительно хочу знать ответ,

но выяснение возможностей, когда вы уже сделали свой выбор, менее печально и пугающе.

— С той твоей сумкой это вполне возможно, — смеясь, говорит он.

Я в шутку бью его по руке.

— Она не настолько уж и большая!

— Но в ней полный бардак, — говорит он, слегка укачивая меня. — Если бы ты не нашла ее, я, скорее всего, рано или поздно попросил бы Габби организовать какую-нибудь вечеринку или что-то в этом роде, чтобы мы смогли случайно встретиться.

Когда я поворачиваю голову и смотрю на него, мне нравится кривая ухмылка на его лице. Мы оба думаем об одном и том же.

— Тебе бы не пришлось просить, — смеясь, отвечаю я. Габби подняла бы эту тему и без Нейта. Она, вероятно, планировала эту вечеринку еще вчера, когда мы обедали. — Я рада, что нашла ее. Совершать подобное, так похоже на тебя. Даже если бы я не нашла ее, если бы ты не подкинул мне что-то в этом роде, я бы разыскала тебя. Даже когда ты ушел, я понимала, что в итоге сделала бы это. Просто я была еще не готова принять решение, если ты понимаешь, о чем я.

— Я понимаю.

Я подношу его руку к губам и оставляю поцелуй на костяшках его пальцев.

— Ты делаешь меня счастливой и заставляешь надеяться на то, что я и не рассчитывала испытать снова, — признаю я. Он делает гораздо больше для меня, чем это, но у меня много времени, чтобы рассказать ему обо всем этом.

Нейт слегка касается нашими руками своей щеки.

— Благодаря тебе мне легче дышать. Я хочу только тебя, Келли. Только тебя.

Я прислоняюсь к его груди, поворачивая голову к его сердцу.

— Я твоя.

Мы с Нейтом идем вдоль грунтовой дорожки, ведущей обратно к его дому. Моя одежда практически высохла, но я все же надела брюки, чувствуя себя не вполне комфортно для того, чтобы пройти до его квартала одетой всего лишь в его футболку и свои туфли. Моя собственная футболка и полотенце, которым мы оба пользовались, свисают с правой руки Нейта. Лево́й рукой он обнимает меня за плечо, притягивая ближе к своему боку.

Прогулка приятная; воздух свеж и прохладен, щебечут сверчки. Этот прекрасный вечер выглядит еще более прекрасным из-за мужчины рядом со мной. Когда мы, наконец, доходим до его дома, Нейт открывает калитку, закрывая ее за нами. Он кладет руку мне на спину и ведет меня вверх по лестнице на крыльцо. Ветхие старые дощечки скрипят, когда мы наступаем на них.

— Я собираюсь заменить это весной, — говорит он.

— Доски?

— Все это. Я собираюсь немного расшириться, чтобы было место для гриля и стола, место, где можно устроить небольшую вечеринку.

— Думаю, это будет замечательно, — говорю я, когда он тянется к ручке входной двери.

Я переступаю через порог и попадаю на кухню. Хоть я и знала, что Нейт делал ремонт, я была удивлена тому, как хорошо здесь. Не уверена, почему я предполагала, что у него сомнительный вкус, просто потому что он одинокий мужчина. Здесь идеально чистые шкафчики из вишневого дерева, приборы из нержавеющей стали и красивые гранитные столешницы. Все мило, но в какой-то степени стерильно и не совсем подходит Нейту. Здесь как-то пусто, нет никаких личных мелочей, и оно выглядит необжитым.

Этот дом пахнет им, несмотря на то, что его руки обернуты вокруг меня, и я зарылась лицом ему в шею. Я закрываю глаза и делаю глубокий-преглубокий вдох.

— Ты все это сделал? — спрашиваю я, поворачиваясь вправо и кладя руки на гранитную поверхность.

Нейт подходит ко мне сзади, прижимаясь грудью к моей спине. Я вздыхаю, совсем не ожидая этого от него, но секунду спустя откидываюсь назад. Он убирает мои волосы в сторону — мне на плечо — открывая себе доступ к моей шее, где поцелуями прокладывает путь вниз. Как же сильно я скучала по этим ощущениям. И я чувствую, что он уже тверд. К несчастью для него, сегодня вечером я настроена подразнить его.

— Ммм-хмм, — рычит он, вибрация щекочет мое ухо, заставляя меня дрожать.

Он снимает с меня свою футболку и бросает ее на пол, после чего обнимает меня за талию, скользя рукой под пояс моих брюк. У меня под ними ничего нет; я сняла трусики, чтобы высушить их у огня. Я делаю глубокий вдох, ощущая, как его пальцы слегка щекочут меня, после чего он скользит ими ниже и ниже между моих ног, пока я не ахаю.

— Тебе не мешает здесь немного..., — мое дыхание сбивается, — аксессуаров, — удается мне выговорить, в какой-то степени задыхаясь. Все движется немного быстрее, чем я рассчитывала, что... я не знаю, чего ожидала, потому что мы не виделись три недели. Нейт обхватывает и нежно перекачивает мой сосок между пальцами, одновременно притягивая меня назад к себе, моя попа толкается в его эрекцию. Я слегка толкаюсь в ответ, чтобы подразнить его. — Черт, — вздыхает он, его дыхание обжигает мое плечо, когда он осыпает его поцелуями.

— Не беспокойся, — задыхаясь, говорю я, делая вид, что он говорит о кухонном декоре. — Я помогу тебе подобрать кое-что.

Я разворачиваюсь и встаю на носочки, становясь достаточно высокой, чтобы дотянуться до его губ, когда он опускает голову. Я притягиваю его ближе, прижимаясь своей обнаженной грудью к его, наслаждаясь тихими звуками, которые он издает, пока мы целуемся. Подразнивающая часть моего плана быстро рушится, так что я отстраняюсь от него, выпуская стон.

— Покажи мне больше, — говорю я, ведя его в следующую комнату. Я пчусь через дверь, обеспечивая Нейту отличный вид на мою грудь, пока нахожусь вне пределов его досягаемости.

Мы входим в гостиную-столовую, которая также хороша, как и кухня, со своим и безупречным цветом и блестящими паркетными полами. Но опять же, в этом месте нет ничего от Нейта.

— Отлично, — беззаботно говорю я. — Но тебе нужно набросить что-то на диван, чтобы разбавить краски. И не мешают несколько фотографий. Много фотографий.

Нейту наплевать на ту ерунду, что я несу прямо сейчас, но в любом случае он подыгрывает.

— наших фотографий, — говорит он, крепко сжимая мои бедра и поднимая меня. Я обнимаю его за шею и обхватываю ногами талию, после чего целую каждый дюйм его кожи, к которому могу прикоснуться губами. К черту подразнивание, просто... к черту.

Единственное, что я осознаю, Нейт идет, потому что чувствую ветерок на спине, пока мы движемся, но довольно скоро я оказываюсь прижатой к стене, и взгляд Нейта становится поистине хищным. Он скользит руками вверх по внутренней стороне моих рук, прижимая запястья над моей головой. Затем его рот и язык оказываются на моей груди, и я откидываю

голову к стене.

— Тебе... — Поцелуй. — Нравится... — Облизывание. — Цвет?

Я наклоняю голову в сторону, чтобы посмотреть, в какой цвет выкрашена эта комната?

О да, голубая. Расположив руки прямо над его ушами, я наклоняю его голову и беру в плен его рот своим.

— Да, — отвечаю я между поцелуями. — Он напоминает мне цвет твоих глаз.

Он откидывается назад, выглядя немного удивленным.

— Да, — говорю я, прослеживая линию его подбородка кончиком пальца. — Я люблю твои глаза.

Он нежно улыбается, и я не могу не поцеловать эти губы. Эти прекрасные, мягкие, идеальные губы. Поцелуй глубже, чем я ожидала, необходимее, и когда я отстраняюсь, Нейт тянет зубами мою нижнюю губу. Я скольжу немного вниз по нему, толкаясь бедрами в его, когда чувствую там твердость, заставляя его рычать. Как только мои ноги оказываются на полу, я подхожу к лестнице.

— Спальная наверху? — спрашиваю я.

Он кивает, каким-то образом умудряясь заставить этот простой жест выглядеть чертовски сексуально.

Я делаю первые несколько шагов одна, проводя рукой вдоль перил.

— Здесь не помешает немного света, — говорю я ему, останавливая взгляд на красивом узоре, который украшает коврик на лестничной площадке. Он быстро сокращает дистанцию между нами — должно быть он делает два или три шага за раз — и следующее, что я понимаю, он хватает меня за талию и разворачивает мое тело, повалив меня так, что я сажусь на ступеньку, перед тем как приземлиться. Он стягивает одну туфлю, затем — другую, и отбрасывает их в сторону. Они издают резкий глухой звук, отскакивая вниз от ступенек.

Он медленно тянет за края моих брюк, пока они скользят по моим бедрам и дальше по икрам, соскальзывая с моих лодыжек. Он, также, и их бросает вниз на ступеньки. Затем, несколькими ступеньками ниже встает передо мной на колени, раздвигая мои ноги. Он зарывается головой между моих бедер, облизывая меня так, словно ждал этого всю жизнь, словно не может насытиться. И мне нравится, когда он делает это, очень нравится. Тяжело сказать ему нет, и я схожу с ума, делая это, но прямо сейчас мне нужно большее. Мне нужен он и больше никаких прелюдий.

— Нейт, — мягко говорю я, и он понимает, что тон моего голоса отличается от обычного. Я скольжу пальцами в его волосы, располагая руку над его ухом. Он смотрит на меня, его руки все еще в движении.

— Я хочу тебя. Я хочу быть с тобой, можем мы просто....

— Да, — понимающе отвечает он. Он движется так, что, в какой-то степени, склоняется надо мной и прижимается губами к моему плечу. — Да.

Боясь, что вырвала нас из момента, я обнимаю его за шею и притягиваю для медленного, нежного поцелуя.

Когда мы отрываемся друг от друга, Нейт вздыхает, тяжело дыша.

— Да, давай определенно перейдем к большему. — Он поднимает меня и ведет вверх по ступенькам, обрушивая язык на каждый дюйм моей кожи, до которого может дотянуться. Как только он укладывает меня на свою мягкую кровать, стаскивает шорты с бедер, я, пользуясь случаем, оцениваю его такого. Обнаженного и незащищенного. Красивого. Моего.

Он встает на колени на кровати, поднимая мои ноги, пока ступни не касаются его груди. Это немного напоминает мне о нашей первой ночи, проведенной вместе, но сейчас все по-другому. Сейчас все лучше, потому что это... это начало нашей совместной жизни. Он скользит ладонями по моим бедрам, кончики его пальцев невесомые и щекотливые, и я не могу не засмеяться.

— Сделай это еще раз, — улыбаясь, говорит он. Эта одурманивающая, по уши влюбленная улыбка. Я хотела бы ее сфотографировать и убрать в свой кошелек.

— Что?

— Посмейся, это...

— Ты хочешь, чтобы я засмеялась?

Он выглядит смущенным.

— Да. Это делает меня... Я не знаю, просто сделай это снова.

На этот раз я смеюсь, и смех действительно настоящий, главным образом потому, что я не понимаю, к чему он клонит.

Он, должно быть, чувствует мое замешательство, потому что говорит:

— Мне нравится твой голос. — Он пожимает плечами, и то, как он выглядит, довольно мило, невзирая на то, что он абсолютно голый.

— Нейт, — говорю я, потянувшись к нему и сплетая наши пальцы. Я тяну его вниз, но он удерживает свой вес надо мной. — Я люблю тебя. — Если ему нравится мой голос, я не могу придумать более приятные и подходящие слова для него.

— Я очень сильно тебя люблю, — отвечает он, просто выдыхая слова на мою кожу, словно они, таким образом, станут частью меня.

Я улыбаюсь, поддерживая его затылок, пока он медленно входит в меня, просто наблюдая за мной каждые несколько секунд, как делает обычно. Он начинает двигаться, когда я толкаюсь бедрами, и на несколько секунд мы просто раскачиваемся вместе. Я никогда прежде до него не испытывала подобного, и я имею в виду не только это. Все в нем. Тяжесть его взгляда, то, как его слова утопают прямо в моей коже и овладевают моим сердцем. Все в нем ощущается таким идеальным. Таким постоянным.

Я нежно касаюсь плеча Нейта, и он откидывает голову назад. Я резко вскидываю ногу, седлаю его бедра, после чего смещаюсь назад, потираясь об него, наблюдая за тем, как его веки прикрываются от возбуждения, и его дыхание ускоряется от того, что мы настолько безумно хорошо чувствуем себя вместе. Во мне зарождается чистое удовольствие, распространяющееся по почти каждой частичке моего тела, практически неотличимое от всепоглощающей любви, которую я испытываю к этому мужчине. Я — просто абсолютное блаженство, свет и легкость, все тепло и предвкушение.

Я сжимаю руки Нейта в своих и подаюсь вперед, прижимаясь своим телом к нему.

— Держись за меня, — говорит Нейт хрипло, пока садится. Он скользит руками вниз по моей спине и бедрам, располагая меня таким образом, что я сижу на нем очень крепко, обернув ноги вокруг него. Между нами не остается ни миллиметра воздуха, но он все еще слишком далеко. Я хочу быть достаточно близко к нему, чтобы стать его частью. Я хочу, чтобы мое имя было выгравировано на каждой клеточке его тела. Мы прижимаемся друг к другу грудью, и становится практически больно дышать, но это еще... Слишком... Далеко.

Мы движемся навстречу друг другу, и руки Нейта, лежащие на моей спине, притягивают меня ближе. Крепче, хочу сказать я ему. Держи меня крепче. Я хочу, чтобы кончики его пальцев отпечатались на моей коже. Его щека прижата к моей, и его щетина грубо

ощущается на моей коже, но мне нужно больше. Больше.

— Я не могу подобраться достаточно близко, — невнятно говорит он, прижимаясь ртом к моей шее. — К тебе, я...

— Шшш, — шепчу я. — Я здесь, прямо тут. — Поцелуями убираю соленый блеск с его кожи, держась изо всех сил, пока все внутри меня сжимается и взрывается снова и снова, оставляя меня бесхребетной и задыхающейся. Нейт не сильно отстает от меня, выпустив этот сдавленный стон, когда оргазм накрывает его, и мое имя срывается с его губ. Мы держим друг друга, пока кончаем, его руки запутаны в моих волосах, а мои — выводят ленивые узоры на его спине. Так хорошо просто держать друг друга, просто быть вместе.

В конце концов, мы падаем на кровать, обнимая друг друга и засыпая, в значительной степени изнуренные всем произошедшим за сегодняшний день.

Несколькими часами позже я просыпаюсь в его объятиях. Снаружи темно, но включен ночник, отбрасывающий тусклый свет через комнату. Нейт, должно быть, включил его, как только я уснула. Впервые, с тех пор как здесь, я хорошенько разглядываю эту комнату. Она больше его комнаты в Вирджинии; те же цвета, та же приземленность. Еще больше фотографий водопадов и рек, гор и горнолыжных склонов. Возможно, это напоминание о доме? Я замечаю фотографию на тумбочке, на другой стороне кровати. Стараясь не разбудить его, тянусь и поднимаю ее. Прижавшись к его груди, держу фотографию перед собой, потому что просто не могу отвести от нее взгляд.

Это фотография нас двоих, танцующих на свадьбе. Та самая, на которую я не могла перестать смотреть на своем ноутбуке. Есть что-то милое и утешительное в понимании того, что она ему достаточно нравится, чтобы распечатать ее. Что она достаточно значит для него, чтобы поставить ее возле своей кровати.

— Моя любимая, — говорит он, скользя кончиками пальцев по моему плечу.

Я поворачиваю голову и, улыбаясь, смотрю на него.

— И моя.

Он вытягивает фотографию и зажимает край между большим и указательными пальцами.

— Может быть, следовало поставить ее в рамку и повесить внизу.

— Нет, — задумчиво говорю я, возвращая ее обратно на тумбочку.

— Думаю, здесь ей самое место.

Он вздыхает.

— Хорошо, — отвечает, и я могу слышать улыбку в его голосе. — Ну, у меня никогда прежде не было прелюдии во время ремонта, но полагаю, все когда-нибудь случается впервые.

Я хихикаю, легко прикасаясь губами к месту над его сердцем.

— Думаю, у нас обоих много чего случается впервые. Не считая прелюдии, этому месту не помешала бы женская рука, — я практически сразу ахаю, совершенно не имея в виду то, на что только что указала. Что, это должна быть моя женская рука. — Я не имела в виду...

Нейт прижимает палец к моим губам.

— Нет. Я как бы надеялся, что ты останешься.

— Я привезла одежду на несколько недель. По крайней мере, думаю, что так сделала, я, в некотором роде, спешила, когда собирала вещи.

— Мы можем купить тебе новую одежду, — говорит он, накручивая прядь моих волос на свои пальцы.

Я удерживаюсь на локте, так что у меня отличный вид на лицо Нейта. Оно как всегда прекрасно, и он улыбается мне, словно я — яркое солнце.

— Как долго тебе хочется, чтобы я оставалась здесь?

— Вечность, — говорит он, пожимая плечами, словно в этом нет ничего особенного.

Я улыбаюсь.

Вечность — такое прекрасное слово.

Двадцать первая глава

— Мне, правда, нравятся эти штаны, — говорю я, дергая их за пояс. Мой палец касается нашивки логотипа, разработанного мной, глядя на него, по мне все еще пробегают мурашки. — Думаю, они могли бы подойти для женской линии.

— Я скажу ребятам из отдела разработки, — говорит Нейт, усаживаясь позади меня, и расставляет ноги, предоставляя место для меня.

— Ребятам из отдела разработки, — говорю я, передразнивая его. — Я все еще не могу поверить, что это происходит. Ты — предприниматель. — Я произношу последнее слово, картавя его на французский манер, что заставляет Нейта рассмеяться.

— Я мелкий предприниматель, — Нейт продолжает повторять это, но это не совсем так. Мелким предпринимателям не типично иметь связи, которые есть у него после многих лет работы в индустрии спорттоваров. У мелких предпринимателей, как правило, нет ряда предзаказов, которые получает «Rocky Mountain Rec» еще до того, как они даже начали производство. Но это звание дает ему чувство безопасности, поэтому я позволяю ему получить его.

Я стягиваю свои волосы обратно в хвост, глядя на долину перед собой. Озеро так спокойно, что похоже на отражение неба.

— Я только что взобралась на гору, Нейт. Гору.

Его смех раздается низким гулом, когда он наклоняется и скользит своими мозолистыми руками вверх и вниз по моим лодыжкам. Мы вместе уже год, а я все еще дрожу даже от малейшего контакта.

— Это холм, Кел. Похоже... действительно большой холм.

— На холмах — трава, — протестую я, оборачиваясь, чтобы посмотреть на него. — А это определенно каменистая поверхность.

— Хорошо. Это большой, каменистый холм.

Я пристально смотрю на него, но он ухмыляется, и все мое (по большей части) фальшивое негодование тает.

— Я стою на обрыве... чего-то! — кричу я, победоносно тряся кулаком.

— Если ты на чем-то и стоишь, так это на склоне.

Я бью его по плечам, пока его руки не ослабевают.

— Серьезно? Через неделю я должна посвятить себя тебе, и именно так ты проводишь последние темные дни своего холостяцкого существования? Порождая вражду со своей многострадальной невестой?

Он играет так грязно, щекоча обратные стороны моих коленей, пока я не сгибаюсь в приступе смеха. Он пользуется моим ослабленным состоянием и сгребает меня в объятия, пока я не располагаюсь между его ног, одном из моих любимых местечек.

— Будто можешь устоять перед этим, — поддразнивает он, переплетая наши пальцы.

— Не уверена, что ты настолько большой приз, как ты считаешь, — вру я, не краснея. Я понимаю, как сильно мне повезло.

— Ты любишь меня, — шепчет он, прижимаясь губами к моей шее.

— Да, — отвечаю я ему. — Люблю.

Любовь — единственное слово, которым я могу обозначить все те чувства, которые испытываю к нему, несмотря на то, что я понимаю, что то, что между нами, гораздо, гораздо

глубже, чем это.

— Нам следовало запросить подарки, — говорит он, наклоняясь так, что его подбородок покоится на макушке моей головы. — Составить список или что-то в этом роде. — Он задумчиво играет с моим помолвочным кольцом, что ему нравится порой делать. Он просто вращает его вокруг моего пальца, пока держит мою руку, словно ему нужно осязаемое напоминание, что я здесь, мы реальны и скоро будем навечно вместе. Интересно, буду ли я делать что-то подобное с его кольцом, как только он его наденет. Я очень хочу узнать; такое ощущение, что оно высиживает в моем ящике для носков всю жизнь, просто выжидая, когда будет помещено на его палец.

Мне нужно ждать еще одну неделю. Целую вечность.

— Мы запросили подарок, — напоминаю я ему. — Наш медовый месяц, если это говорит тебе о чем-то. И ты будешь рад тому, что мы попросили подарить деньги, как только тебе откроется вид из нашего отеля на Альпы.

Он оставляет нежный поцелуй на чувствительном местечке чуть ниже моего уха.

— Нам понадобится хороший вид, потому что не думаю, что мы будем часто выходить за пределы всего этого.

Скрытое предвкушение в его голосе заставляет меня почувствовать, как тысячи бабочек начинают порхать в моем животе.

— Мы поженимся, — шепчу я.

— Не могу дождаться.

Не могу поверить, как далеко я зашла за прошедший год. Легкость, с которой мы с Нейтом обосновались в совместной жизни, до сих пор удивляет меня. Любить его было подобно дыханию, как только я, наконец, позволила себе сделать это.

— Никогда бы не подумала, что поездка в Вирджинию, привела бы ко всему этому, — признаюсь я.

Пальцы Нейта сжимаются вокруг моих, и он притягивает меня немного ближе.

— Так, ты говоришь, что свадьба Бена и Габби была лучшим, что когда-либо случилось с тобой?

Я знаю, он поддразнивает меня, но то, что он сказал — правда. Ну, в какой-то степени.

— Неа, — говорю я ему. — Самое лучшее, что когда-либо случилось со мной уже случилось к тому времени, как я попала туда.

— И что же это? — спрашивает он, нежно обхватив мою щеку и поворачивая мою голову, пока наши взгляды не встречаются.

Он уже знает ответ, просто хочет услышать, как я скажу это. Я целую его, прежде чем произношу:

— Встреча с мистером Райтом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Филли — шутовое название Филадельфии

Denver Broncos — футбольная команда Денвера (штат Колорадо), входящая в национальную футбольную лигу

контактная спортивная игра между двумя командами, с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой, называющейся стик

скоростной спуск по верёвке на крутых и отвесных стенах

Rogaine — препарат против выпадения волос

Цитронелла — средство от москитов

Home Depot — американская торговая сеть, являющаяся крупнейшей на планете по продаже инструментов для ремонта и стройматериалов

игра слов Wright/Right, Right с англ. означает правильный

Ring Pop — фруктовый ароматный леденец, выполненный в виде износостойкого пластикового кольца с большим карамельным «драгоценным камнем»